

Раиса Зимановская Ирина Галактикацвета

ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ
НАМ ГОТОВИТ?

Короткие рассказы

ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ?

© eva-and-co.ru

Творческая Лаборатория «Слово и Образ»

© Текст – Зимановская Раиса Григорьевна

© Оформление альбома – Елена Корешева

© Редактор – Ирина Галактикацвета

В оформлении альбома использованы художественные изделия Ирины
Галактикицвета @irinagalaktikatsveta

Москва – 2020-2023 гг.

ДРУГИЕ

Из болезненной девочки выросла худосочная девушка-девчушка, с тонкими чертами лица и сильно близорукими глазами. Очки носить стеснялась, а без них большие синие глаза видели плохо, отчего она казалась беззащитной и неуверенной. Почти неземной. Звали ее Нинель,- производное от Нины, - хрупкий осенний цветок. Она тихо «цвела» в библиотеке, бытом не заморачивалась, главной ее заботой стали бесконечные поиски очков. «Какая-то странная, - думала мать, - мы были другие». Войдя в возраст, никак не могла определиться с женихами: одних не успевала рассмотреть, других вроде рассмотрела, но плохо. Года подбирались к тридцати. Суровый отец, всю жизнь возивший городского главу, не выдерживал:

- *Нинка, дурында ты эдакая, когда выберешь жениха, наконец? Другие детьми обзавелись давно, а я внуков не дождусь никак?*
- *Отец, перестань!* - заступалась мать, - *другие, другие. Заладил. А наша Нинель вот такая... Когда надо, тогда и определится.*

Нина хлопала длинными ресницами, в глазах собирались слезинки:

- *Я не виновата, что близорукая...*

- *Носи очки!* - ставил точку отец. – *Так и будешь одна всю жизнь! Где мои внуки?!*

- *Так и буду!* - Нинель уходила плакать в свою комнату до утра, чтобы рассветной ранью отправиться на работу к полкам со своими любимыми Мопассаном, Бальзаком и Золя. Те пишут о любви, которой нет.

Наступила промозглая осень, с холодами и дождями. Тем роковым вечером возвращалась с работы без зонта, промокла насквозь. Дорогу залило дождевой водой, и Нинель провалилась по колено в выбоину, пытаясь выловить застрявшую туфлю. Тут-то и появился паренек. Он помог девушке выбраться из воды, найти размокшую обувь:

- *Что будем делать, красавица?* - расхохотался, сверкая улыбкой, - *красивая мокрая курочка?! Живешь-то далеко?*

- *Да, да-ле-ковато...* - отстучала зубами «курочка», и вгляделась сквозь дождевые струи: нет, ничего не видно.

Парень подхватил девушку на руки и донес до дверей. Укутал, напоил чаем с медом, положил под ноги теплую грелку. Нинель не заметила, как уснула. Наутро услышала: «*Что ж, девушка, меня зовут Толя, я недавно вернулся из армии, отслужил, но как ты переночевала в квартире холостого парня, пойдем к твоим родителям, - буду свататься.*»

Нинель четко парня не видела, но не возражала. Однокомнатная квартира стала новым домом для Нинель. Толик был на 10 лет моложе, но по деловой хватке был куда старше. Работал на шахте, учился в вечернем ВУЗе...

Нинель с трудом носила беременность. Родился 7-и месячный мальчик Денис. На удивление, рос здоровым, подвижным, и даже хитрым. Как-то заночевала подруга из деревни, Денису шел 4-й годик. Папа Толя спал после смены, а подруги лепили пельмени. Неспучий пацан вертелся рядом, незаметно стащил скалку, и долбанул ею по черепушке спящего отца:

- *Какого хрена?* - закричал мужчина, но, увидев сына, укорил: «*Не надо так, сынок, папе больно!*»

- *Это еще ничего!* - сказала Нинель подруге, - *он как-то ножницами ткнул спящего отца в пятку, а неделю назад плеснул кипятку ему между ног!*

- *Такой маленький коварный пакостник...*

- *Да, -* согласилась Нинель, - *мстительный. Не простит отцу стояние в углу, а ведь давно было.*

Отец стал начальником стройотдела, вырос и Денис. Несмотря на занятость, Анатолий занимался хулиганистым сыном, - вместе ходили на охоту, рыбалку, приучал к спорту. Но все это сыну не нравилось. От армии пришлось «отмазать».

- Да, - рассуждал отец, - *нынешние дети какие-то другие, трудно их понять...*

Денис собрался жениться, отец был против.

- *Ты еще сопляк, чтобы семью заводить. Дерево посадил? Дом построил? Прежде, чем сына родить?*

- *Хватит, отец, морали!* - злился Денис, - *деревья мы в школе садили, дом подойдет и твой, - ты же не вечный, - а сына родим непременно.*

Отец сдался: *«Зови свою невесту, посмотрим!»*

Посмотрел: невеста хоть куда. А сынок-то мелковат, не пара - ленив, амбициозен, агрессивен, подловат. И, похоже, балуется наркотой.

- *Папа, - как-то утром, - возьми невесту на работу, пожалуйста. Она по конкурсу не прошла, ей работать надо. Хоть секретаршей, печатать она умеет.*

Так невеста сына стала работать у будущего свекра. Спустя время Денис уехал на сборы по футболу, Нинель, как всегда, лежала в больнице. Денис получил травму и выехал домой, прибыл поздним вечером. Открыл дверь своим ключом. В передней увидел знакомые туфли, мелькнуло: *«А, может, быть матушкины? Но размер?!»*. В спальне родителей горел ночник, слышался тихий говор. Денис заглянул, и ахнул: в постели лежала его голая невеста. Ее плечи обнимал отец.

- *Папа, папа, что же ты наделал?* - зарычал Денис.

- *Уйди, щенок! Ты мне не указ, ублюдок недоношенный!* - отец приподнялся на локте, - *достали со своей мамашкой, вечно больной старушкой!*

Денис позеленел, издал высокий крик, достал отцовское ружье, и выстрелил два раза, не целясь.

Две души, крутясь в последнем танце, взмыли вверх. Так в одночасье Нинель опять осталась одна.

НЕ ВСЕ ТО ЗОЛОТО, ЧТО БЛЕСТИТ

(Рассказ знакомой. Времена СССР)

Мое знакомство с Жанной состоялось в общественной уборной, что стояла на краю летного поля. Это был маленький аэродром для «кукурузников» в небольшом городке, затерянном в горах Алтая. Возвращаясь с каникул, по счастливому случаю, приобрела билет на самолет, хотя качку в нем переносила отвратительно. Перед полетом решила для профилактики сбежать в сортир. Каково же было мое удивление, когда я увидела склонившуюся над дырой молодую девушку в белом платице, которая самозабвенно мешала «золото» сучковатой палкой. «Наверное, шиза», - подумала я, но на всякий случай спросила:

- *Что это ты такое делаешь?*

- *Ищу часы наручные, - не оглядываясь, ответила она.*

- *Ты что, управляешься часами?*

- *Да нет, уронила, замочек оказался слабый.*

- *Плюнь на них, никогда не найдешь в таком месиве!*

- *На конец палки я намотала проволоку, может, зацепятся, они же на браслетке.*

Мне стало интересно: а вдруг и вправду зацепятся?

- Дай-ка мне палку, я попробую.

Несмотря на дурной запах, мы попеременно шуровали палкой в темной зловонной яме. Увлечлись... Взревел мотор взлетающего самолета.

- Эй, как тебя там? Побежали! Самолет взлетает!

И мы рванули. Но не добежали. Возвращались медленно.

- Меня зовут Жанна, что будем делать? - спросила девушка-золотоискатель.

- Чистить яму, искать часы, - хмуро пошутила я.

- Да ну их! Меня уже тошнит, г...м пропахли.

Так мы познакомились и вместе добирались до областного центра на попутках; двоим-то веселее! Потом подружились, вместе бегали в кино, на каток, на танцы. Жанна поделилась своей мечтой, которая не выходила за рамки инстинкта: найти свою половинку.

- Половинки на дороге не валяются, - заметила я глубокомысленно.

- Надо какие-то признаки знать, а какие?

- Чем больше лапы, тем лучше, - пошутила я. - Мы любим ушами.

- Но мы и глазам доверяем, - уточнила Жанна, - чтобы стройный был, приятный на вид. Хотя и среди красавцев хватает подлецов. А вот что у них внутри, каков дух? Как выяснить это?

- Надо проверить. Сходить, к примеру, в поход. Нарочно потонуть, спасет или нет?

- Этим рисковать не надо. А вдруг не спасет? Так и потонешь с возгласом «Подлец, а я тебе доверилась!». Дружба проверяется в беде, а Любовь ничем не проверить, слепа она.

Жанна вздыхала, закатывала глаза: как понять, где флейта, а где свистулька?

- Мне бы вдовца найти, хорошего, - продолжала она. - Я ведь порченная, подруга. Опоздала на вечеринку как-то, поднесли «итрафной». Это не вода была, а водка. Запьянела я и заснула, как убитая. А какой-то мистер Х этим воспользовался. Проснулась - кровь, да низ живота болит. К врачу не пошла, стыдно.

- Пустое, сейчас девочки с 12-и пробуют, из любопытства, и ничего, замуж выходят.

- Тебе легко говорить, а я комплекую.

По окончании учебы разъехались по направлениям, кто куда, но письмами обменивались. Жанна работала в Доме культуры, а я - в школе. Нашла подруга вдовца, дети которого уже выросли. Но он оказался мрачен и привередлив.

Не сложилось.

Потом Жанна полгода лежала в больнице после аварии. Молодой хирург-еврей долго собирал женщину по частям. Это был его первый серьезный пациент, с лечения которого он начал писать диссертацию. Несмотря на то, что Жанна на 10 лет старше, хирург влюбился и позвал замуж. Та чистосердечно рассказала про свою «порчу». Муж посмеялся, и спустя время, за обедом заметил:

- Ты дуреха, Жанн! К тебе просто тогда пришли месячные.

Жанне полегчало, все вокруг засветилось и засверкало. Она выучила иврит, собиралась с мужем в Израиль на ПМЖ. Когда-то потеряла золотые часы, но зато нашла золотого мужа.

Я радовалась за нее. А потом звонок от Жаннки, неожиданный:

- Слушай, какое чудо! - кричала та в трубку возбужденно, - иду себе по подтаявшей дорожке в частном секторе, вдруг впереди, сбоку, что-то блеснуло на солнце. Я ковырнула носком сапога, а это золотые часики, точь-в-точь, как мои. Вытащили на мартовском солнышке. Чудо или знак какой, что часики ко мне вернулись?! Как думаешь, Лара, подруженька?!

У РАЗБИТОГО КОРЫТА

Проводница поезда дальнего следования после длительного отсутствия возвращалась в свой хутор, близ Крымска. 15 дней в поездке, 15 дней дома. Во время ее отсутствия в доме ошивались пацаны и местные бомжи. Все, что можно разбить - разбили, что можно утащить, - утащили. Муся, округлая веселая бабенка, с ямочками на щеках, озорными черными глазенками, и пухлыми пальчиками, походила на пушистую кошечку, почему и прозвали Мусей. Она не в силах была восстанавливать каждый раз хату, и только наблюдала, как та разрушалась, и жила у подруги. На этот раз, приближаясь к жилищу, удивленно заметила дымок из полуразвалившейся трубы, а в окнах новые стеклопакеты. Во дворе суетился крепкий мужчина.

- Ты кто? - без злости спросила Муся. - А ты кто? - сплюнув сигарету и не глядя, в свою очередь спросил тот.

- Я хозяйка этой хаты, вернулась с поездки.

- Странная у тебя работа, я уже полмесяца тут живу и никого не видел.

- Тебе какое дело до моей работы? - беззлобно огрызнулась Муся, - дом принадлежит мне и тебе тут делать нечего.

- Что ж не живешь тут? - развернулся мужчина к Мусе и блеснул пронзительно синим. - Хату бросила, а дом присмотра требует.

- Как здесь жить, когда все порушено? Пока меня нет дома, хозяйничают все, кому не лень.

- Ладно, хозяйка, пошли в дом, потолкуем, да пообедаем курицей с картошкой.

Муся вошла в дом и удивилась: разрушенная печка отремонтирована, приятный аромат еды, чистая клеенка на столе, работает телевизор, незнакомый диванчик, и лампочки везде горят. Чудо!

- Как тебя зовут, добрый человек?

- Вадим я, хозяйка. 46 лет, отсидел. Дали 7, отсидел 5. За это время жена выписала из квартиры и развелась. Паспорт и деньги вытащили на вокзале.

- За что сидел-то? Убил кого?

- За грабеж, мы с братом учудили, но вину взял на себя, у него же трое детей.

- По пьяни? - Муся с аппетитом обгладывала куриную ножку.

- Не, я не пью, курю вот только. Чифирить научился на зоне. На работу не берут, хотя я механик. Подался в теплые края, прибился к бомжам на свалке. Там тоже непросто, но ко мне, как к эку, отнеслись с пониманием.

- А где жил, ночевал где?

- Я ж весной освободился, все лето жил в шалаше, который соорудил в лесочке. На свалке добра много всякого, бери, не ленись только. Даже новые окна, что тебе в дом поставил, неликвид, там и раздобыл. Трубу починил, печку, огород тебе вскопал. Я все умею делать. Сосед твой сказал, что домик брошенный, а зима на носу, живи, дескать. Диван отдал. Что удивляешься? Телевизор и микроволновка тоже со свалки.

Муся вздохнула, а потом опять повеселела:

- Я бы не ездила проводницей, да работы в хуторе нет. Еще при живом муже работала продавицей, но магазинчик ограбили, и хозяин обанкротился. Тяжко мне. Крыша протекает, домик старенький.

- Крыша это ерунда, починю, стены затяну сайдингом, стройматериалов сколько угодно на свалке.

- Спасибо тебе, Вадим, за ремонт и курицу. Денег у меня есть немного, заплачу.

- Денег, Муся, мне не надо. А за твоим домом я могу приглядывать, когда ты в отъезде. Баньку отремонтирую, забор поставлю. Огород уже вскопал, так засажу.

- *Подумаю, Вадим*, - сказала тихо Муся, и ушла к подруге, улыбаясь. А подружка с места в карьер: мужик хороший, о чем думать? Не старый, не пьет, как наши хуторские. «Рукастый», надежный, хозяйственный. Кусок золота, можно сказать. *«Да не зовет он меня замуж»* - заметила Муся.

- *Позовет еще!* - обнадежила подруга, - *Чуток времени надо.*

И позвал, стали жить вместе. За 3 года отремонтировал мужчина подворье, завел кур и кролей. Муся помогла выправить паспорт, прописала Вадима. Тот устроился механиком в Крымске, купил старенькую машину, отремонтировал. Руки золотые, - не могла нарадоваться Муся. Уволилась с работы однажды и спешила домой, в свой укромный приют, к любящему мужчине. Глядь! А калитка болтается, окно опять выбито, дверь сорвана, ни курей, ни кроликов. На стене, над диваном прибита картонка: *«Муся, прости. Уехал к семье, жена позвала. Не жди меня».*

«Сказка о Золотой рыбке, - подумала Муся, - с разбитым корытом. Только переплетенная в новый сафьян», и набрала подруге: *Привет, дорогая, ты дома? Приду ночевать.*

НЕ ТА ОСТАНОВКА

Николай Белых, выходец из захудалой деревеньки, сделал неслыханную карьеру: отслужил в армии, окончил Институт культуры, выгодно женился на единственной дочери состоятельных родителей. Сельчане удивлялись, откуда от неказистых родителей такой перл: высокий, статный красавец? Но яркая внешность разнилась со сложным характером, целым набором индивидуальностей, сокрытых одна в другой, как в русской матрешке.

Певец и танцор устроился во Дворце культуры хударком Ансамбля Песни и Пляски. Но жену нашел не в коллективе, а в другом месте. Ирина поразила его необычайной художбой, большими выразительными глазами и виноватой полуулыбкой. Это был брак по расчету, но оказался он весьма удачным. Не доставало дитяти, например, девочки.

- *Коленька, я не могу родить, прости*, - твердила Ирина мужу, - *врачи сказали, что проблемы по женской части.*

- *Ничего, пробьемся! Найдем стоящих врачей!* – И ведь нашли, вылечились. Кесарево, родилась мелкая девчужка, назвали тоже Иринкой. Но матери не повезло: врачи задели какие-то нервы, и теперь немели руки и ноги.

- *Уточка моя*, - шутил муж, - *ноги, как плети, руки, как веревки.*

Девочку никому не доверял: сам купал, сам пеленал и выгуливал. Прошел месяц. Случились гастроли, Николай уехал. Ирина неумело купала девочку, та выскользнула из немеющих рук матери, да и ударилась головой о пол. На вторые сутки ребенка не стало. Николай прилетел на похороны, долго стоял у могилки. Прошептал жене: *«Убийца!»*, и ушел из семьи навсегда. Творческая работа отвлекала от печалей. Жизнь потекла как прежде. Спустя время в хоре появилась новая девушка. Легкая, порывистая, светлая, как ранний луч солнца. Коллектив влюбился в нее: смех, голос, музыкальное образование, - все при ней.

Николай не мог устоять перед этой юностью, этими голубыми глазами, и улыбкой, такой безмятежной. Влюбился без памяти. Нэлли, по-домашнему Эля, была не так проста, она рассматривала любовь в особой плоскости, а на ней должны быть и ум, и деньги, и красота. Красота была, ум тоже имелся, но Николай не рисковал бросаться в отношения, он избрал тактику сдержанного наступления. Крепость спустя время была взята. Сыграли свадьбу.

- *Нам бы дочку Иришку*, - спустя время заявил Николай.

- *Колик, а я уже беременна!* - засмеялась Эля, и смех хрустальными нитями рассыпался по комнате.

- *Какая умница, а почему молчала?*

- *Сюрприз!*

- *Золото мое, дочку рожай! Но условие одно выполни: ребенок будет только один.*

Эля искренне удивилась: кто знает, кто родится? И почему только один ребенок? Но ничего не сказала. Родилась девочка, но с маленьким дефектом: красная родинка на виске. Родинку выжгли жидким азотом, и жизнь покатила гладко, как паровоз по рельсам. Дочурка шустро бегала по квартире, сверкая новенькими голубыми глазками.

- *А я беременна опять и буду рожать!* - заявила как-то за завтраком Эля, с интересом глядя на мужа. – Тот чуть не подавился.

- *Ты что, дура? Мы же условились: одно дитя и все?!*

- *Хочу сына. Тебе дочка, а мне - сын!* - упрямо сказала Эля. – *И я не передумаю, имей в виду!*

Что делать? Скрепя сердцем, Николай согласился. Ладно, пусть сын и дочь, как у людей. Прокормим. Родился мальчик, а следом, и другой. Трое! Николай потерял покой. Незримо из него вылезал эгоист, главная «матрешка» его характера.

Ансамбль сократили. Пришлось идти на завод. Денег не хватало, а троица детей хотела есть три раза в день при любом раскладе. Начал выпивать. Родители с обеих сторон помогали, но и они старели. Увидев четвертый живот, бывший красавец впал в ступор:

- *Ты сумасшедшая самка, Эля! Делай аборт!*

- *Не буду, эгоист паршивый!* - Элина душа была переполнена счастьем, и слова мужа пролетали, как ветерок.

Николай крепко обиделся на «паршивого эгоиста», потускнел, перестал разговаривать, и поднажал на алкоголь... С рождением четвертого младенца семье выделили автомобиль, как многодетной семье. Однако и тут не повезло: попал в аварию. Пусть не по собственной вине, но авто разбито. Эля крутилась, как белка в колесе: работала сестрой-хозяйкой в больнице, приносила старые простыни в пятнах и куски хозяйственного мыла. Иногда кашу и суп. Коля впал в депрессию: гонял детишек, выпивал, в жизни разочаровался.

О пятой беременности жена ему не сказала, просто носила широкую одежду, работала до родов. Утром принесла малютку. Ник устало разглядывал ребенка, потом перевел взгляд на жену, в блеклых глазах бывшего красавца загорелись огоньки ненависти:

- *Сука ты, сукой и останешься,* - прошипел он.

Затем размахнулся и вlepил жене пощечину. Эля упала, сыновья-подростки бросились на отца. Завязалась драка. Соседка вызвала милицию, и дебошира оформили на 15 суток. Отсидев положенное, отец и хозяин вернулся домой, собрал чемодан и отбыл восвояси. Эля осталась с пятью детьми. Однако слезами горю не поможешь. Устроилась на вторую работу, мыть полы в ЖЭК. Дети помогали. Старшая дочь-спортсменка Ирина жила в интернате, брат пошел в военное училище. Другой рванул в ПТУ. Эля осталась с двумя маленькими дочками.

Однажды вечером девочки привели домой мужчину. Хромого, грязного, заросшего щетиной замухрышку.

- *Мама, иди сюда! Я папу нашла!* - закричала младшая Маша, раздевая калеку.

- *Гони его отсюда,* - тихо возмутилось Эля. - *Не нужен он нам.*

- *Нет, пусть живет у нас,* - сказала младшая и заплакала, - *не гони его, мамочка, ради Бога! Я с сестричкой буду за ним ухаживать.*

- *Ну, если ради Бога, то пусть остается, но я к нему не прикаснусь.*

Дочери помыли отца, накормили, и усадили на кровать. Он сидел на ней, тяжело молчал, и ему казалось, что когда-то давным-давно он ехал на красивом волшебном экспрессе, ехал счастливо и весело, а потом по ошибке сошел не на той остановке. И никак не мог понять: ЗАЧЕМ? Зачем он это сделал?

БРАЖНИК

- *Что это?* - строго спросил инспектор ЗАГСа, крупный мужчина с висячим носом.

- *Паспорт.* – Виновато ответил такой же крупный пучеглазый молодой человек. Рядом стояла понурая, староватая, крайне некрасивая не то баба, не то девка.

- *Но фамилия?!*

- *Фамилия, как фамилия,* - тихо промолвил жених. - *От дедов пришла.*

- *Вшивцев! Это разве фамилия? Это позор тебе и твоим детям.* – Заявил инспектор жертве.

- *Я привык.*

- *Тебя как дразнили в детстве?*

- *Вошка. В армии - «вшивец».*

- *И ты привык? Будешь, как и твоя жена - Бражников!* - И на страницу паспорта опустилась печать. Вшивцев - Бражников согласился без труда, ибо имел веселый и легкий характер.

Пробегая после работы мимо лавочки с бабушками, услышал в спину: *«Это новый жилец, на одной из сестер женился, примак, должно быть!»*

- *Я не примат,* - не расслышав, легко огрызнулся молодожен, - *я нормальный! Привет вам, девчонки!*

Старухи - девчонки улыбались сухими ртами, прикрывая их ладошками.

- *Здравствуй и ты, гусь лапчатый!*

- *Не гусь я, бабульки, а шикарная ночная бабочка - бражник!* - Бабульки оглядывались друг на друга; такой бабочки они не знали. В другой раз одарил конфетками, бабки припрятали внукам.

Вечерами молча, угрюмо проходил на второй этаж горный инженер, никогда не здоровался. Старухи прощали: большой человек. Пробежал мимо милиционер в форме, улыбался. Старушки боязливо вскакивали и кланялись.

- *Здравия желаю, товарищи бабушки!* - лихо гаркал он.

- *И тебе здоровья, сынок!*- вразнобой писклявили те в ответ.

Тут выпархивал любимый всеми Бражник, улыбался приветливо:

- *Все в сборе? Приветствую старую гвардию! Торжественно поздравляю вас с днем 8 Марта!* - И одаривал каждую веточкой мимозы. Бабуси радовались, рассматривая ранние цветочки.

В другой раз проходил с авоськой, где гремели две бутылки водки:

- *Ну что, красотки, выпьем? А потом попляшем?* - Старухи отнекивались: *«Отвыпивались, милый, нам бы чайку!»*

- *Скучно вам без стариков-то?*

- *Куда нам. Молодыми полегли мужья наши...*

Когда Бражник скрывался в темном зеве подъезда, бабушки вспоминали мужей, сгинувших на полях войны.

Он работал землемером. Как-то в глуши наткнулся на высохшее озеро, шел по дну и пинал разноцветные камушки. *«Интересно,* - думал он, *- на планах озеро с водой, а здесь высохло».* Насобирав красивых камней, через несколько дней опять вернулся к озеру, а оно наполнилось сверкающей влагой. Долго стоял мужчина у чистой глади воды и размышлял: *«Как такое возможно? Насос, что ли, работает?»* И вырвалось само собой: *«Чудны дела твои, Господи!»*

- *Привет, ребята!* – к бабушкам, - *вот вам камушки с Чуда-озера!* - Старушки радовались, перекатывали цветные окатыши, припрятавали в карманы фартуков для внучат.

Одна бабка заболела как-то, Бражник заметил ее отсутствие, пришел навестить:

- *Мать, что с тобой стряслось?*

- *Да, сынок, пора, наверно, цирроз какой-то навязался, врачи не дают надежды...*

- *А ты надейся, мы тебя не бросим!* - Положил рядом апельсин и тихо вышел.

Прошло время. Бражник с семьей переселился в более просторное жилье. Милиционер пошел на повышение и приезжал на машине. Нелюдимый инженер погиб под завалами в шахте. Бабушки убывали, менялись соседи, но славного Бражника вспоминали всегда:

- *Серебристая душа, словно одуванчик в сумерках,* - сказала старая женщина. - *Одним словом, бабочка...*

КРОКОДИЛА

Что собой представляет «крокодила», я, восьмилетняя девчушка, не знала, на картинке никогда не видела, и к экзотическому прозвищу относилась нейтрально. Но, как показала жизнь, вполне его заслуживала. Мама подцепила сей эпитет от жены брата, та применяла его в адрес своих хулиганистых сыновей.

- *Крокодилы!* - кричала женщина своим мальчишкам, - *душу уже изгрызли! В угол, подлое племя!*

Помню, мама купила себе косынку, первую послевоенную, «карандашиновую», то есть из крепдешина. Нарядная такая, я разглядывала ее, надевала на шею, любовалась. Во время очередной примерки мое внимание привлек странный грохот на улице. Я выскочила: по проселочной грязи, дребезжа и лязгая, шел гусеничный трактор, а вокруг - счастливая деревенская ребятня, орала и кружилась. Это было невиданное зрелище - машина, которую никто никогда не видел. Трактор шел пахать целинное поле, а за ним бежала толпа любопытных. Он легко выворачивал толстые пласты черной жирной земли. А мы, ребяташки, скакали следом за ним по мягкой колее. Вместе с землей обнажались многочисленные мышиные гнезда с разнокалиберными испуганными мышками.

- *Давайте собирать для котов!* - крикнул пятилетний Ромка с соплями до земли.

Кто куда собирал, я не видела, но сама приспособила косынку, о драгоценности которой не подумала. Вспомнила своего кота и усердно собирала мышек. Они сначала шевелились, потешно карабкались в косыночном плену, а потом все стихло, и поклажа полегчала.

Оказалось, что мышки прогрызли дырки и сбежали. В пылу охоты я это дело не заметила. Косынка была напрочь испорчена! Только тут до меня дошел трагизм ситуации: что я скажу матери?

- *Крокодила!* - кричала мать, - *разорительница! Кто тебя только выродил?!*

На душе было тяжело и пусто, но виноватой себя не считала: это все мыши! Успокоившись, мать стала доить корову. Налила мне стакан молока, взяла гитару и запела жалобно - щемяще «*вьется в тесной печурке огонь...*», а потом «*темная ночь, только пули свистят под окном...*». Слезы медленно стекали по ее щекам. В такие минуты мое детское сердце наполнялось тоской: я думала об отце, которого никогда не видела, о войне и страданиях. Мне становилось жалко себя, мать, погибшего отца, и испорченную косынку.

Звезды мерцали, лунный свет забирался в избушку, сама вечность вглядывалась в нас: смотрела и нисколько не жалела. Я давала себе слово слушаться мать - не лазать по крышам, деревьям, жалеть одежду.

Ожидался праздник 1 Мая. Мама раздобыла кусок ситца и сшила мне новое платьице. В праздничный день мы отправились к колхозному клубу, где на поляне организовывалось гуляние. Вечером обещали привезти немой фильм и уже натянули на стене белую простыню. По дороге мама, державшая меня за руку, чтобы не убежала, зашла в контору. Она размещалась на втором этаже деревянного здания с крутой внешней лестницей. Мы поднялись: у женщин начались длинные разговоры.

- *Не брыкайся!* – раздраженно сказала мне мать, - *хоть один день походи в новом платье без дыр!*

Я откровенно скучала, и, уловив момент, когда мать выпустила руку, вышла к лестнице, наблюдая за народом. «*Скачусь-ка я по перилам вниз!*», решила, и - поехала! Наверху показалась мать, ее лицо выражало нечто плохое. Я опустила глаза: платье было распорото поперек.

- *Крокодила! Что ты наделала? Испортила обновку! Господи, что мне с тобой делать? Бей, не –бей, ничего не помогает!* - мать была в ярости.

Вышедшая на крик женщина внимательно осмотрела перила и обнаружила в щели умело вставленное острое стеклышко.

- *Аня! Смотри-ка сюда! Стеклышко! Дочь твоя не виновата! А если бы распорола живот или руку?*

Я бы предпочла распороть живот или руку, или все вместе, лишь бы меня пожалели. Но никто этого делать не собирался. Платье стянули черной ниткой, а меня - с глаз долой! Ну и что ж, я быстро утешилась, так как начало темнеть, и уже привезли кино, зашумел движок. Первое кино в моей маленькой жизни! Вот это был настоящий праздник!

МОЯ ПОДРУЖКА ЛОРКА

Моя подружка Лорка вышла замуж сразу после выпускного. Избранником стал возрастной мужик, учитель, умеющий красиво говорить. Ровесник и сокурсник Лоркиной матери. Молоденькая жена ценила опыт, а он, как известно, приходит с возрастом. Семья разрушилась быстро, в силу разности характеров: Лоркин суматошный оптимизм никак не сочетался с хмуростью, занудством, и сексуальным пессимизмом мужа.

Спустя время подруга вторично вышла замуж за престарелого человечка, с прошлыми тремя женами, пятью детьми и алиментами. Она финансово не потянула тележку со всем этим добром, и сбежала в Москву.

Это были мутные ельцинские времена, когда великая страна погрузилась с ушами в рыночный хаос. Лорка торговала в палатке конфетами, жила на съемной квартире. Подвернулся дружок, красавец-курьер, уже на 12 лет моложе самой Лорки. Влюбилась. «*Что, молодого тела захотела?*» - шутила товарка из соседней палатки с вонючим минтаем времен Очакова и покоренья Крыма. «*Захотела, да! Не все же старые уши облизывать*». Но молодое тело красавца со сверкающими синими глазами мечтало не о Лорке, а о другом мужском теле, что было тайной для всех окружающих. Однако в силу вселенской трусости, мечта оставалась мечтой. Пришлось веселой Лорке довольствоваться дружбой и флиртом.

Однажды, по прошествии нескольких лет, когда у курьера завелись деньжата, он отбыл на Домбай, надеясь завести романчик. Но не сложилось: катались сложившиеся группы и пары. Пришлось томиться в одиночестве в холодном номере, окна которого выходили на помойку, где копошились странные серые собаки. Он боялся выходить. Голод гнал в ресторанчик, он забивался в темный угол, но его не замечали веселые абреки. Зато он изучал кавказцев, которые громко матерились по-русски, сплевывая остатки сигарет на пол, и позва-

нивали длиннющими клинками в ножнах. Это картина наводила страх. Так прошло 3 голодных дня в номере. Красавец вызвал по телефону общительную Лорку, на подмогу. Та по приезду до отвала накормила синеглазого:

- *Эй, шайтан с горы!* - крикнула она повару, - *мечи на стол все самое вкусное, тут турист голодает!*

Она смеялась и шутила, и сытый друг завидовал: на него никто не обращал внимания, а так хотелось. По дороге в номер, Лорка протянула кусок хлеба серой твари:

- *Волки хлеба не едят!* - заявил скучающий черкес, - *мы им мясо даем.*

Возлюбленный мигом телепортировался в номер. И там сказал приятельнице: «Надо мотать отсюда, тут опасно! Ты видела их ножи? И волков?»

В Москве Лорка сказала подругам: «Прискорбный случай с этим моим хахалем приключился! Мелкий пошел мужик, трусливый. Буду жить одна, девки!»

ПЕРВАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

«Лучше гор могут быть только горы»... звенело в душе каждого подростка, оказавшегося на вершине высокой безлесной горы, покрытой толстым снегом. Чистый, морозный воздух, тишина... Взорам открывались дальние дали – отроги Алтайских гор. Внизу, как в ущелье – домишки и бараки поселка Малеевка. Забывалось всё: трудная жизнь, семейные дразги, безотцовщина... Хотелось верить, что будущее прекрасно, что все у тебя получится, и если не станешь покорителем вершин, то героем – точно! Так думала и я, а возможно, и мои друзья – однокашники, катающиеся с горы в зимние каникулы. Нам было по 14-16 лет. Катались на самодельных лыжах, а у кого не было своих – по очереди. Среди всех выделялся 16-летний Гена, рослый парень, хорошо одетый по тому времени: добротные самокатки - валенки, охотничьи широкие лыжи, подбитые мехом, беличья шапка. Поздний сын у стареющих родителей, которые в нем души не чаяли. Старшая сестра давно была замужем и жила в соседнем большом селе. Рассудительный, спокойный Гена был помощником отцу – ходил с ним на охоту, рыбачил. Помогал и матери носить дрова, воду и даже мыл некрашеные полы. Учился хорошо – заканчивал десятилетку. Мать Гены часто болела, он очень ее жалел.

Подростки катались уже давно, вспотели: *«хорошо кататься, да надо саночки возить!»* Тяжело подниматься в гору с лыжами на плече. Зато как славно опять, с ветерком, мчаться вниз! Тепло одетый Гена разгорячился больше всех – ему было жарко! Все устали и решили скатиться вниз в последний раз. В сторонке стояла я, лыж у меня не было – торопиться не надо. Закомплексованная плохой одеждой, отсутствием лыж, выступающими на лбу прыщиками, я страдала: булавка, стягивающая широченные штаны, расстегнулась, и больно колола кожу. Я ждала, когда все устремятся вниз. Гена явно демонстрировал симпатию мне: лихо катался только для меня, смотрел и говорил одной мне. Но я, глупая как пробка, не замечала. Заметили все другие – смотрели с любопытством, а что же дальше? Удрученная булавкой, боясь, что штаны упадут у всех на глазах и будет посмешище, – стояла, не двигаясь, как статуя Микеланджело. - *Последний, так последний! Эх, и прокачусь сейчас!* – как-то странно и вызывающе выкрикнул Геннадий.

Сдвинув шикарную беличью шапку на затылок, решительно, как бы преодолевая что-то, порывисто подскочил ко мне и крепко крепко стиснул. Мне показалось, что булавка достигла сердца. Ошарашенная, я стояла без движения, а он крепко держал в своих объятиях. Мне казалось – прошла вечность, прежде чем он резко оттолкнулся и помчал вниз. На скорости шапка отлетела в сторону, влажные волосы развевались по ветру. За Геной с гиком помчались остальные. Я осталась одна – закрепила ненавистную булавку и сошла пешком.

Каникулы закончились. Гена ходил в 10-й класс, а я в 8-й. Мы не виделись. В апреле я узнала, что Гена болен и давно не ходит в школу. Чем он болеет, я не знала, а расспрашивать стеснялась. Но почему-то вспомнилось то катание с горы, когда он крепко обнял меня и когда шапка слетела с головы... Под ложечкой заныло. В мае, когда уже вовсю грело солнце, и проклюнулась молодая нежная трава, мы с подругой пошли навестить Гену. По дороге, как мне показалось, некстати, подружка с некоторой завистью сказала:

- *А знаешь, ты – дура!*

- *Почему? – обиделась я.*

- *А по кочану! Ведь он влюбился в тебя!*

- *Дура – это ты! Лишь бы языком молотить!*

- *Нет, нет! Помнишь, как мы катались с горы на каникулах?*

- *Ну и что?*

- *А то, что он обнял тебя, и никакую другую! Ты бы видела, как он смотрел на тебя!*

Но мне припомнилась расстегнувшаяся булавка и отчаянный стыд; вдруг штаны упадут у всех на глазах. Я задумалась...

Нас встретила мама Гены, убитая горем:

- *Раечка, Гена тебя давно ждет, а ты не приходишь! Сейчас он плох, уже не говорит!*

Она проводила через кухню в комнату сына. Мы встали на пороге. Комната утопала в полумраке – окно было занавешено. У стены стояла кровать, на ней Гена, неузнаваемый, с отеком лица. На лбу тугая повязка, поддерживающая веки. Мать подошла, поправила голову сыну, и повязку, что-то прошептала нежно. Его лицо дрогнуло. Узнал он нас, нет ли, – не знаю. Мне позже казалось, что узнал.

- *Уж как ждал тебя Гена, как ждал! Спасибо, что пришла. Не суждено моему сыночку жить... - слезы сами катились из ее глаз, - осиротели мы с дедом... Катался на лыжах, вспотел, - смахнув слезы, продолжала, - шапку обронил, головушку простудил – менингит прицепил, леший его заберит, этот менингит!*

Мне было очень жалко маму Гены. А самого парня? Как-то не очень, - он был другой, незнакомый, нездешний уже. Вскоре он умер. Прошли годы. Вспоминая Гену, последнее в его жизни катание с горы, порывистые объятия, мелькнула догадка: *«а ведь тогда, на горе к нему пришла первая любовь, ставшая последней...»*

САМОЕ УТРЕННЕЕ ЧУВСТВО

Мне исполнилось 16 лет. В 9-ом классе стало ослабевать зрение: с последней парты пересела на первую. Я щурилась, чтобы разобрать написанное учителем на доске. До меня дошло, что это результат запойного чтения книг при плохом освещении. Хорошо, если была керосиновая лампа, чаще – полумрак от электролампочки при слабом напряжении.

Пробовала читать при Луне. Все попавшие в руки книги, порой без начала и конца, перечитывались. Все казалось интересным. Это был способ уйти из серого реального мира невзгод, безотцовщины, материального прозябания, в мир красоты и чистых отношений.

Как и все девушки, в 16 мечтала о любви. Однако на одноклассников боялась даже смотреть. При моем нищенском гардеробе рассчитывать на внимание не приходилось. Это подстегивало, во что бы то ни стало окончить десятилетку, а там и институт.

Наступило лето. Решила сходить на прием к врачу-окулисту за рецептом на очки. Очередь огромная – не удивилась, это было обычным явлением. Прислонившись к стенке, стала терпеливо ждать. Осмотрелась по сторонам – вокруг один пожилые люди. В кабинет вошла

едва ли не последней. Села, как было велено. Робко подняла глаза – сердце замерло и куда-то упало: передо мной стоял высокий, молодой брюнет в белом халате. Столь красивого мужчину никогда в своей жизни не видела. Он пристально смотрел на меня, усталость сменилась любопытством:

- Ну, что у нас? – ласково спросил, - *видимо очки? И так рано?*

Я молчала. Началась процедура осмотра и чтения букв.

- Да, да, милая барышня, вы близоруки. Где же так быстро потеряли зрение? - Что я могла сказать? Только смотрела на доктора и чувствовала себя чудовищем.

- Все ясно, романтическая девушка, много читаем романчиков про любовь?

Он поворачивал голову, вглядываясь в зрачки; разговаривая сам с собою:

- *Полечим, полечим, возможно, близорукость отступит.* - Врач был молодой, только-только со студенческой скамьи. Ему хотелось сказать свое слово в медицине, применив новые методики.

Пока глазник, так их в народе называли, писал что-то, я осмелилась рассмотреть его лицо, красивое и мужественное одновременно. Казалось, что только со мной он так ласково разговаривал, называя книжным «барышня». Какое-то теплое чувство наполнило душу, сердце билось, румянец покрыл щеки.

Врач назначил лечение закапыванием капель дома. Следующий визит – через неделю. Неделя оказалась бесконечно длинной, сердце постоянно ныло, мысли крутились вокруг врача. Я потеряла сон. Мне хотелось видеть его, а как? Догадалась приходить к больнице, ближе к вечеру, и ожидать его выхода. Прячась за кустами, терпеливо поджидала, чтобы только бросить взгляд. Он выходил без халата, закуривал сигарету и быстро удалялся, я оставалась незамеченной.

Чувство, поразившее меня, как удар молнии, развивалось. Неужели любовь?.. Лечение не дало результата, и были выписаны очки, минус 3.

Я продолжала ходить к больнице, как на работу. Мечты уносили к тому времени, когда я окончу институт, буду журналистом, непременно поражу его воображение, и мы будем вместе... Наконец получила готовые очки, надела – все вокруг приобрело четкие контуры. Подумалось: сегодня я пойду на свой пост в очках, чтобы лучше рассмотреть любимого. Ждать пришлось недолго, я рассматривала полыхающие огнем августовские георгины и разноцветные звезды астр.

Обернулась – идет он, мой принц! В руках – букет астр. *«А вдруг мне? Вот выйду и покажусь в очках...»* - мелькнула мысль. Он нервно курил сигарету, перемещая ее во рту, ходил взад-вперед перед больничной калиткой, посматривая в одном направлении. В очках четко было видно озабоченное лицо. *«Неужели что случилось?»* - с беспокойством думала я, скрываясь напротив, за кустом сирени.

Как ниоткуда появилась хорошо одетая, красивая девушка, постукивая высокими каблуками. Красотка из голливудского фильма. Мой врач выплюнул сигарету, наступил на нее ногой, радостно пошел навстречу, улыбаясь. Привлек к себе, передал цветы. И в обнимку, смеясь, они удалились.

Я стояла, как жалкая сосулька на солнышке, таяла, и обмирала. Сердце разбилось вдребезги. Мой доктор, - вовсе не мой?! Хотелось плакать, солнце померкло... Я себя ненавидела. Так и не узнав имени, больше не видела его никогда, но астры не люблю и по сей день...

Просто ненавижу.

ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ?

Мой первый год учительницей в малочисленной школе села Андреевка можно назвать удачным. Я, вчерашняя выпускница средней школы, у которой еще не закончился 16-й год жизни, стала учить детей! Мне это очень льстило! Будучи честолюбивой, старалась, как могла, прямо на ходу, осваивать новые методики в педагогике. Свои «успехи» целиком связывала с директором школы - Ниной Ивановной, 27-ми летней девушкой, требовательной и строгой. Она вскоре огласила, что я – «педагог, в котором живет истинный талант». Таланта в себе я не чувствовала, и педагога не ощущала, но директрисе верила. Будучи в душе ребенком, я сблизилась со своими учениками, как настоящая подруга. Они приходили ко мне домой запросто, чтобы долгими зимними вечерами решать задачки. На огромной русской печи рядом с говорливым бочонком бормотухи мы, склонив головы, сражались с арифметикой. По выходным катались с горы на самодельных лыжах, а когда я падала, ребяшня смеялась особенно громко. Летом мальчишки звали удить рыбу, и играть в лапту. Я – равная среди равных. К новогодней елке не только придумывала программу, но и сама шила всем костюмы. Дети, думаю, искренно любили меня, они ежедневно поджидали у калитки дома, где я квартировала, только затем, чтобы нести тетрадки. Приносили первые подснежники, а на Пасху как-то притащили ведро крашеных яиц!

Нина Ивановна, к сожалению, быстро уехала в город, ее перевели на повышение. Нам прислали нового директора - белоруса Ивана Ильича, с женой и четырьмя детьми. Он был математиком. Нас удивляло, что возрастом далеко за 40, он имел детей - дошколят. Жена была много моложе, преподавала немецкий язык.

Мы, учителя, еще не разобрались в новом директоре, а ученики называли его за спиной «фашистом». Выглядел тот странно: приземистый, с кривоватыми ногами, в валенках, либо хромовых сапогах, с глазами цвета выцветшего неба, тонким бесцветным ртом, в уголках которого скапливалась белая пена. Директор часто раздражался по пустякам, и тогда его глаза стекленели, а пены заметно прибавлялось. Я думала про себя: *«Как такого можно полюбить?»*, еще не зная, что быть замужем можно и без любви. При встрече с ним холодела кровь, слова застревали в горле, появлялось стойкое чувство вины. Часто он сидел на уроках, а это очень мешало. Либо зависал в проеме двери, наблюдая за реакцией. Постоянно придирался:

- *Почему вы своего ученика называете Васенькой? У него что, фамилии нет?*

Я терялась, что-то лепетала в свое оправдание.

- *Зайдете ко мне в кабинет после уроков.*

После уроков почти вся учительская команда вызывалась на «проработку». Мы не знали, что нам готовит следующий день. Знали только одно: ничего хорошего! Вызывались и ученики, преимущественно мальчишки, с ними директор не церемонился: выходили с красными глазами и полыхающими ушами. Но никогда никому не жаловались. Как-то зимой пятиклассник Петя опоздал на урок математики - заигрался на льду речки, протекавшей рядом. Разъяренный Иван Ильич сам побежал на речку, да так тряхнул пацана, что его шапка свалилась в прорубь. Он ее выхватил, напялил на голову испуганного ученика, и отправил домой за матерью. Пока Петя ходил домой и обратно в мокрой шапке, он отморозил уши. Назавтра они распухли, и, как большие пельмени, колыхались на ветру. Со стороны было очень смешно, дети хихикали, но мне было жаль мальчугана. В деревне по субботам топили баню, эта практика сложилась веками. Я, как и все, с бабушкой-хозяйкой, находилась в бане, когда раздался стук в окошечко:

- *Это я, уборщица, девоньки! Откройте!* - и, уже обращаясь ко мне, - *вас директор вызывает в школу!* – А я подумала: *Такого никогда не было, может, опять война?* Натягиваю шапку, одежду поверх мокрого тела, и – бегу!

- *Вот же аспид,* - ворчит вослед недомытая бабушка, - *не дает попариться! И чего ему нейметя, слюнявому, в субботу- то?*

Собрались. Зрелище комичное: у кого на голове полотенце, у кого мыльная пена на ушах, а у кого и банный лист к шее прилепился. Все пахнут паром и баней.

- *Проведем педсовет!* - объявляет директор, коварно улыбаясь.

- *Иван Ильич, мы же не готовы...* - ропщут преподаватели, надеясь на милость.

- *Учитель всегда должен быть готов!*

- *Никогда такого не было, чтобы в субботу, да еще ночью, в школу вызывали!* - делились мы друг с другом сомнениями, но терпели. Ибо были послушны, в духе своего времени. Никто и в мыслях не держал пожаловаться в вышестоящую инстанцию.

Закончился учебный год, я уволилась, и поступила в пединститут, крепко помня слова Нины Ивановны, что у меня «талант». Приехала в Андреевку попрощаться с коллективом и учениками. А тут новость ждала невиданная: Ивана Ильича, нашего директора, арестовали!

- *За что?* - был первый вопрос, почти радостный.

- *Он был полицаем - карателем в Белоруссии при немцах, а жена трудилась переводчицей.*

- *Надо же! Вот откуда эти издевательства: из бани на педсовет, оплеухи ученикам, и вечные занудные проповеди. Это в его духе!*

- *Ну да, - школьная сторожиха вздохнула с облегчением, - помотал он нам всем нервов, куда это годится? Забрали всю семью, в НКВД, а судить будут в Белоруссии. Эко забрался в глушь казахстанскую, спрятаться решил! Да не вышло!* - А в деревеньке потихоньку говорили, что нашелся-таки смельчак, что доложил кому - надо о директоре.

И, Слава Богу! - решили все.

В ОЖИДАНИИ НЕОЖИДАННОГО

Я мечтала о журналистике, а поступила в пединститут, - так сложилось! Группа историков оказалась интересной; это были люди с жизненным опытом и рабочим стажем. Старостой стал 34- летний отец семейства, бывший учитель, отличный рисовальщик и музыкант, звали его по имени - отчеству все, в том числе и преподаватели. Поскольку институт - казахстанский, то учились в нем и русские, и казахи. Некоторые казахи приехали из глубинки, по-русски говорили плохо. Деканом был добрейший «папа Вася» Петров. Так как его трехлетний сынок часто бывал в институте, бегал за отцом, и взывал: «*Папа Вася!*», декан для всех студентов стал этим самым «папой». На лекции и семинары ходили охотно, и не только потому, что они были интересными. Интересными были мы сами для себя. Обязательно возникали неожиданно-смешные моменты, над которыми смеялись все без исключения. На семинаре по истории древней Греции, например, показывая на карте острова Эгейского моря, казах из глубинки силился произнести греческие названия островов, тербя себя за ежик ершистых волос:

-*Си- си- рас- рос!* – *Сирос*, - подсказывает преподаватель, морщась.

-*Па – па - срас - рос!*- «Парос» - говорят ему.

-*На – как - сос! Насос!*- кричит студент и радуется, что получилось.

Вся группа покатывается со смеху. Преподаватель, подняв очки на лоб, и оторвавшись от бумаг, строго посмотрела и удивленно спросила:

-*Что, что, простите, вы сказали?*

- *Насос!* – радостно крикнул студент.

- *Какой такой насос? Где вы его нашли?*

- *В Эгейском море!*

Мы представили себе этот насос, перекачивающий Эгейское море в Тихий океан, к примеру, и ржали всей аудиторией. Смеялся и сам автор насоса. В другой раз этот же студент рассказывал о греках - философах. Имена ему давались с трудом. Особенно трудным оказалось имя Аристотель. Сколько не поправляла преподаватель, у того получалось одно: «*Аристото*».

С тех пор оно к нему и прилипло, да так крепко, что парень на него откликался, забыв свое собственное имя.

«Советское право» читал молодой преподаватель - казах. Он с трудом разбирал написанное самим собою. Слушали его плохо, занимались своими делами. Разговаривали вслух. Он с мольбой смотрел на аудиторию, и просил:

- *Товарищи студенты! Вы занимайтесь своими делами. Только не мешайте мне читать лекцию!*

Мы с пониманием относились к просьбе. Последней парой на 2 курсе всегда ставили «Историю древнего Востока», а учились с 15.00, она заканчивалась поздно. У многих, особенно у девушек, возникала необходимость уйти - на свидание, например. Николай Иванович, сильно опоздав, бодро начинал лекцию:

- *Шумер и Аккад в древности располагались в Нижнем Междуречье*, - тут его прерывали:

- *Николай Иванович, отпустите нас, мы сами все выучим!*

Широко открыв глаза за толстыми линзами очков, он, потирая сзади шею, неловко произносил:

- *Да-да, выучите! Я знаю! Идите! Да и голова у меня разболелась что-то!*

Всегда отпускал, начиная следующий раз все с того же: «*Шумер и Аккад...*». Поэтому история Древнего Востока запечатлелась у меня именно этим выступлением: «*Шумер и Аккад*». Новейшую историю читал весьма и весьма знающий человек, умница, Жидков. Высокий, худой, строгий, входил со звонком, будто поджидая его у двери, вынимал маленькую записную книжечку из внутреннего кармана пиджака с планом лекции. Никогда не становился за кафедру и не заглядывал в шпаргалку. Четко и ясно излагал тему, его слушали, затаив дыхание. У меня всегда возникали вопросы, на что он отвечал так:

- *Товарищ студентка, не задавайте подобных вопросов, ибо окажетесь там, куда Макар телят не гонял!*

Я не знала, причем тут Макар с его телятами, и на время задумчиво утихала. Заводилой и автором всяких приколов, шуточек и розыгрышей была толстушка Нонна, блондинка с пышной прической, греческим профилем, короткими ножками и внушительным задом. «Лошадь с гривой»- шутили студенты. Она постоянно демонстрировала свою внешность, считая себя писаной красавицей, но мыла только лицо, а шею оставляла девственно серой. Собираясь в аудитории, задолго до лекций, мы ожидали неожиданного спектакля. Чаще всего Нонна разыгрывала казаха Турара. Очень скромный, стеснительный, молчаливый, ужасающей худобы, он терялся совсем, удивленно раскрыв глаза, когда Нонна-Дездемона, бросалась ему в ноги:

О! Турар Отеллович!

Как я вас люблю!

Икая, умираю!

И изнемогаю!

Полюби и ты меня!

Лошадке плохо без коня!

Мы смеялись до слез: сами эти несопоставимые фигуры вызывали смех! Нонна была хорошей артисткой, роль Дездемоны ей удавалась вполне.

Бывало и так: Турар с опаской входил в аудиторию, оглядываясь, но, откуда не возьмись, выпархивала Нонна, бросалась на шею студенту и пылко читала на ходу сочиненное признание:

*Верблюжонок мой прекрасный!
Принц заморский! Сокол ясный!
О, любовь моя, Турар!
Мой фурор и мой обман!
Я люблю тебя, джигит,
все в нутре моем дрожит!
Я тоскую, и страдаю,
На ответ не посягаю!
Я хUDEЮ от любви,
Ты хоть как-то позови!
Полюбился мне, Туру!
Без тебя я тут умру!
Рыцарь ты мой ранний!
Степной пастух бараний!*

Последние слова утопали в приступе гомерического хохота. Видеть эту парочку без смеха было невозможно: в молодости причиной смеха может быть обыкновенный палец. Сам фактор неожиданно смешной и остроумной ситуации говорил за себя.

Входит в аудиторию важный Тельман Тохтаров, осматривается: вся группа в сборе, каждый занят своим, первая пара, семинар, готовятся. Он проходит за кафедру, - все удивленно смотрят, оставляя свои занятия, - не спеша открывает папку, откашливается, и зычным голосом объявляет:

- *Встать! Суд идет!*- все невольно встают.

- *Подсудимый Петр Прокофьев! Встаньте! Суд выносит обвинительный приговор: Подсудимый Петр Батькович Прокофьев обвиняется по статье «прим», пункт «ж», за похищение котлет, принадлежавших потерпевшему Кимасову, проживающему в соседней комнате. За недожаренные, но съеденные котлеты наказание:*

- 1. котлеты в количестве 6 штук вернуть, предварительно собственноручно их приготовить;*
- 2. в течение месяца мыть комнату потерпевшего, радостно улыбаясь, и не жалуясь;*
- 3. принести извинения либо в прозе, либо в стихах;*
- 4. раскланиваться при встрече низко, в пол, на протяжении семестра.*

Маленький росточком Петя, который все еще ходил в армейской гимнастерке, очень ненаходчивый, переминаясь с ноги на ногу, моргал глазами, и туго соображал. Все это сопровождалось дружным хохотом. Выждав паузу, Тельман продолжал: *«Ваше последнее слово, подсудимый?!»*

Петр, не понимая шуток, огрызался:

- *Ну и дурак же ты, Тельман! Котлеты так сгорели, что превратились в эфиопов! Не выбрасывать же их? И раскланиваться я не буду, слово даю!*

Прозвенел звонок, все немного успокоились. Наш декан, папа Вася, на некоторое время переехал с семьей в общежитие. Его квартирка попала под ремонт. Супруга декана готовила обеды в единственной кухне этажа, где стояли электроплитки. Чаще всего

готовился наваристый борщ с мясом, запахи которого будоражили носы полуголодных студентов. Как-то опять на кафедре перед началом лекций взобрался Тельман Тохтаров:

- Товарищи студенты! Поступила жалоба от всеми нами любимого и уважаемого декана папы Васи. Пройдоха и обжора Совет Сергазинов выловил из семейного борща увесистый кусок баранины, который предназначался товарищу декану за его тяжкий деканский труд. Уловив момент, когда деканша отлучилась, вышеозначенный Совет проглотил мясо, и не подавился при этом. Это позорное покушение на преподавательский борщ невозможно оставить без наказания!

Захваченный врасплох Совет смеялся громче всех, утирая слезы:

- Как ты, Тельман, пронюхал про это? Вокруг же никого не было?

Веселый, никогда не унывающий Совет, был всегдашним героем приключений. Начинался 4-ый год обучения. Все собрались у кассы получать стипендию за лето. Расписался и Совет, но денег не получил.

- Совет, - спросили ребята, - а ты почему денег не берешь?

Кто-то засунул нос в ведомость, напротив фамилии «Сергазинов» стояла загадочная пометка «Ж. Д» в графе «Алименты».

- А что это за ЖД, Совет? Ты что же, женился?

Совет широко улыбнулся, подбоченился:

- Алма-Атинская железная дорога! Ей я плачу алименты. Летом ездил зайцем в Алма-Ату, застукали, теперь вот стипендией расплачиваюсь!

До конца пятого курса Совет не мог сдать зачет по современному русскому языку, его не допускали к экзаменам. Преподавателем была старая дева. Добром получить зачет не удавалось: она студента видеть даже не желала. Раздобыв фотоаппарат, Совет предпринял последнюю рискованную попытку. Остановив в коридоре, взмолился:

- Валентина Ивановна, только не уходите, послушайте! Вы - самая удивительная, самая уважаемая, самая любимая моя преподавательница! Хочу сфотографировать вас на память! И детям, когда появятся, буду показывать ваше фото, чтобы знали о вас, и помнили, кто читал мне современный русский язык! Пожалуйста, позировуйте, улыбайтесь!

Парень бегал вокруг, как заправский фотограф, щелкая аппаратом, а Валентина Ивановна улыбалась, чего не делала никогда. В конце сказала:

- Дайте вашу зачетку! – и поставила «зачет».

Не помня себя от радости, возбужденный Совет вбежал в аудиторию, размахивая раскрытой зачеткой:

- Поставила, поставила, старая перечница!

- Как это? Она же сказала: «никогда»?!

- А я ее сфотографировал! - и показал нам всем фотоаппарат, внутри которого ничего не было.

«ОТЧЕ НАШ...»

Подросток Ира, 15-ти лет, возила почту на дряхлой лошадке, не годной к тяжелой колхозной работе. Все еще шла война, в деревне остались девки, бабы да старухи. Правда, председателем был мужик, но инвалид, без одной ноги. Его деревянная самоделка-нога сильно стучала при ходьбе – ребяташки пугались. Он часто сердился, ругался на больных, измотанных похоронками и тяжёлой работой, баб, и часто-часто топал деревяшкой. Потому Ире еще и повезло, - ее, как других, не гоняли на заготовку дров, сена, в коровник.

Она ездила в городок Катон за почтой, что было, кстати, не близко. Лошадь медленно брела, обнажив худые ребра, понукать было бесполезно. Начинаящая девушка предавалась мечтам о жизни в большом городе, о платьях... о многом, чем забыты молодые девичьи головушки.

В ту зиму выпал глубокий снег. Дорога утопала в колее среди леса. Величественный пихтач обступил дорогу с обеих сторон. Благородная вечнозелёная пихта, обсыпанная снежными подушками, гордо возвышалась среди подлеска.

Почтальонша возвращалась домой. На снях лежал тощий мешок с почтой: письмами с фронта, газетами в школу и правление. Девушка куталась в ветхую фуфайку, поджимая ноги под себя и косилась на почту: *«кому еще везет похоронки?»* Продолжая враждебно осматривать мешок с сургучной печатью, думала: *«Зачем эта война? И когда она закончится? Скорей бы уж убили фашиста Гитлера...»* Пошел снег хлопьями. Она села спиной к лошади и задремала.

В абсолютном безмолвии слышалось пофыркивание лошади, да скрип старых саней.

Странно... как будто что-то холодное коснулось ее... Стало тревожно и тоскливо – она приоткрыла запорошенные снегом веки... - позади саней шел матерый волк! Сначала она не поверила глазам, протерла их рукавичкой: *«Да, с ужасом подумала, - это волк, не собака... да и откуда здесь быть собаке? Что делать? – сердце бешено заколотилось, - кричать? Но кто услышит? Кругом ни души!»* - *Мама, мамочка, спаси! Где ты? Как хорошо дома, с мамой! Никакого города! Только бы жить!* – мчались наперегонки горькие мысли...

Лошадь пока не чуяла, а старый волк не приближался и не отставал – держал дистанцию. Под ложечкой сильно ныло, она разом вспомнила всю свою маленькую жизнь с не хитрыми радостями... умирать не хотелось...

С надеждой еще раз, не поворачиваясь, осмотрелась – вокруг ни одной живой души, никакого постороннего звука: только снег и лес...

Отчаянию не было предела: *«что делать?»* – в сотый раз думала она, сердце замирало от страха.

- Господи, помилуй! – почти закричало ее сердце. Она вспомнила стоящую перед образами мать и ее шепот: *«Господи, помоги!»* *«Надо молиться! Но как?»* - она натужно вспоминала... хоть бы маленькую молитву вспомнить!.. молитва должна ее спасти!

Вспомнила: *«На все воля Божия!»* – так часто повторяла мать: *- Господь Отец наш Небесный! Он знает наши нужды. «Отец, Отец... Отче наш... Отче наш, иже еси на Небесех... да... святится имя твое... - вспоминала медленно, - да придет Царствие Его... Твое... - вспомнила!*

Закрыв глаза, она стала раз за разом повторять молитву...

Уже темнело... подул ветерок, начиналась метель. Лошадь по-прежнему не чуяла зверя, - она была дряхлой и давно устала от жизни, - понуро брела по выпавшему снегу. Язык девушки заплетался – сколько раз она повторила молитву – не знала. Устала...

Равнодушно открыла глаза... И что же?! – Волк отставал и едва был видим, а скоро и совсем исчез! Ира не верила своим глазам... душа ликовала: *«Бог есть! Он услышал меня! Он спас меня! Господи, спаси!»*

Уже в полной темноте приехала в деревню. Согреваясь у горячего самовара, она рассказывала матери и сестрам про волка, про свой ужас и страх смерти, про молитву: *«молитва спасла меня!»*

Мать тихонько смахнула слезу, перекрестилась благодарно:

- Доченька, вера спасла тебя, помни!

- Господи, спаси и сохрани, - сказали хором сестры.

ПОГОНЫ

Моя мама Анна, по-моему, была незаурядным человеком: за плечами имела лишь два класса образования, но обладала великолепной памятью – знала почти наизусть «Евгения Онегина». Более того – у нее был замечательный по силе и тембру голос; играла на слух на всех тогдашних струнных инструментах: гитаре, балалайке, мандолине. Любовь к животным была просто неопишима – думается, много больше, чем к живым людям. Наша корова Малютка, любимое чадо матери, наверное, знала об этом – никого другого не подпускала к себе. Может, именно поэтому мать изучала самостоятельно латынь и лечила, будучи ветеринаром, не только коров и лошадей, но и людей.

Закончилась война, матери предложили переехать в более крупный животноводческий колхоз села Бобровка. Имя это село получило вовсе не от бобров, они в здешнем климате не водились, а от фамилии основателя Боброва. Дали маленькую деревянную избушку, в которой, на правах квартирантки, и поселилась учительница. Самодельные кровати – топчаны стояли напротив, и всегда аккуратно заправленные. Над кроватями на гвоздиках висели довоенные ридикюли. Там лежали тогдашние документы, - а какие, я не знаю,- и облигации. Были и деньги. В школу еще не ходила, шел 6-ой год, сидела взаперти. Как-то от скуки захотелось осмотреть эти ридикюли. В результате осмотра, денег в маминой сумочке оказалось много меньше, чем в учительской. Движимая чувством справедливости, я сложила деньги в кучку, а потом, разделив поровну, заложила в ридикюли. Меня посетило чувство облегчения и удовлетворения сделанным. Но что было вечером, когда все обнаружилось – трудно описать! Мать не только была талантлива, но еще и скоро на расправу – тяжелой рукой отлупила меня, глупышку.

Как и все дети, скоро забыла обиду. Через месяц-другой наступит Новый год! О! этого ждала вся детвора: дед Мороз, какие-то подарки, елка! В серой деревенской жизни это было крупное событие. Мама сообщила, что на елку сошьет новое ситцевое платье! Между тем, к молодой учительнице приехал кавалер, солдат - срочник Михаил. Он иногда навещал свою пассию.

Я с удивлением смотрела на рост пограничника-гостя: голова касалась потолка. Будто на медали, мужественное лицо. Но более всего поражали погоны! Видела их впервые. Они завораживали, когда он сидел за столом, взяв меня на колени. Я их трогала пальцем, восхищалась безмерно, но почему? – таких я не видела ни у кого!

Наконец, мама каким-то чудом раздобыла на новогоднее платье кусок кумача. Видно ткань предназначалась на транспарант. Было сшито красное платье. Помню его до мелочей: на кокетке, с оборочками, рукавчиком-фонариком! В 1946 г. – роскошь! Смутно чувствовала, что к нему чего-то не хватало: хотела погоны, как у дяди Миши. К тому моменту я уже умела читать, писать печатными буквами, и неплохо рисовать лошадей – выучила самостоятельно по маминой фельдшерской книге «Кони». Зная о моей любви к погоням, мама и учительница решили пошутить: «Раюшка, напиши письмо Михаилу – он вышлет тебе погоны». Я это восприняла всерьез, после долгих мучений с химическим карандашом, окрасившим не только руки, губы, но и пол-лица, письмо было готово! На неровном газетном обрывке, местами продавленным разномастными кривыми буквами, разместила текст, съезжающий как бы в сторону: *«Дядя Миша вышлите мне погоны мне сшили красное платье»*. Письмо было передано, каким образом – я не знаю. Наступили томительные дни ожидания.

Как-то вечером, накануне новогоднего праздника, мы втроем сидели за ужином. У входной двери раздался шум: кто-то шумно отряхивался от снега.

Мы насторожились, перестали жевать, лица вытянулись: *«Кто бы мог быть в такую пору?»* За окном стужалась липкая темнота раннего декабрьского вечера.

Отворилась дверь – на пороге стоял солдат - богатырь Миша. Он покраснелся от мороза, радостно улыбался. Учительница смутилась, едва сдерживая улыбку, предложила раздеться и сесть к столу, к самоварчику. Моя мама очень любила чай – в течение вечера могла выпить рекордное количество – до полных 16 чашек! Миша устроился за столом, взял, как всегда, меня на колени, сказал:

- *Раюшка, закрой глаза!*

Я закрыла.

- *А теперь открой!* - Я открыла. Перед глазами появились новенькие солдатские погоны! По моему требованию их тут же пришили к платью.

В отражении старинного зеркала немедленно проявилась девочка - солдат! Вот такой и запомнила себя: в кумачовом платье с солдатскими погонами на плечах.

Я ДЕЛАЮ ВАМ ПРЕДЛОЖЕНИЕ!

Жизнь – невероятная штука и порой закручивает такие финты, что только ахнешь...

Жила-была девица, единственная у папы с мамой. Они не были коренными анапчанами, но, как молодые специалисты, приехали на Кубань когда-то давно. Полюбили море, да радовались на подрастающую дочурку, позволяя ей абсолютно всё. Та выросла смелой, как Жанна Д'Арк, и нахальной, как городской воробей. Местные парни её побаивались, лишь врожденная скромность не позволяла им сразу же линять при виде этой язвы. Небольшого роста, с чрезвычайно живыми глазами, капризно вздёрнутым носиком и пухлым красным ртом, Инка была похожа на ртуть – такая же яркая, подвижная, опасная. В обществе друзей громко говорила и смеялась только она, потому что искренне считала себя центром вселенной. Ну, или хотя бы лампочкой на 100 ватт, вокруг которой носятся бестолковые мотыльки. Так перевалило за 20, но принц на горизонте даже не маячил. Инна загрустила.

Поздней осенью в Анапской поликлинике появился новый терапевт, выпускник Львовского медицинского института. Еврей, Станислав Иосифович. Высокий, молчаливый, близорукий и оттого особенно загадочный.

Местные девчонки скопом повалили в клинику. Выкапывали несуществующие болезни, высиживали длиннющие очереди, чтобы посидеть перед красавцем, насмотреться на него. Объект вожделения в ситуацию не въезжал, он и не подозревал, что на свете водится так много любящих сердец, желающих посвятить ему себя без остатка. Терялся при девичьих намёках, в волнении снимал очки, взирая на пациенток как в тумане. Все казались ему на одно лицо.

Инна заприметила перспективного жениха одна из первых, чаще других посещала поликлинику, так как работала в бухгалтерии клиники. Нахально рассматривала врача, мучила одним и тем же вопросом: *как похудеть?* Доктор, моргая ресницами и опуская красивейшие «Моисеевы глаза» в стол, кротко молчал. В конце концов, Инка втрескалась в Стаса: ей уже не хотелось быть центром вселенной, она желала стоять босой у плиты и жарить любимому телячьи котлеты.

В своей компании она заключила пари, что непременно влюбит медика в себя. Ей мало кто верил: молодой эскулап был холоден, как айсберг, а айсберги не женятся. (Разве что на льдинах.)

Время шло: Станислав привычно принимал пациентов допоздна, был вежлив, терпелив – слава о хорошем враче быстро распространялась. Жил в общежитии. Инна познакомилась с вахтёршей и добыла важные агентурные данные: что объект её интереса никуда не ходит, ни с кем не дружит, не пьёт. Утром обливается холодной водой, бегаёт к морскому причалу, спит при открытой форточке. Согласитесь, что для полководца в юбке этой стратегической информации более чем достаточно.

Приближался Новый год. Инна с друзьями готовила вечеринку, составляя меню и программу. Центром праздника должен был стать Стас! *«Придет или не придет, вот в чем вопрос?»* - подобно Гамлету, мучилась Инна. На её личное приглашение терапевт ответил сухим отказом. Тогда отправились перламентёры и уломали упрямца.

Согласно «военному плану» Инна уселась рядом, поплёскивая при ёлочном свете антрацитовыми глазами. Влажными, как у молодой коровы. Она постоянно подливала шампанского своему визави: *«Немножко, совсем капельку!»*, пила на брудершафт. Непьющий Стасик быстро осоловел, обронил очки на пол. Комната закрутилась, будто бешеная карусель. Ребята отвели его в общежитие и бросили, как куль на кровать, одетого – дверь за ними стыдливо захлопнулась сама.

Инна, похоже, не унывала. Незаметно покинув банкет, телепортировалась в общежитие, сообщив вахтёрше, что недавний гость прихватил ее ключи:

- *Дык он, как тряпка*, - заявила пожилая женщина. - *Напоили его, дрыхнет беспробудно...*

Инна толкнула дверь – заперта; постучала – тишина. Вышла, постояла. Кружась в беззвучном танце, за окном смеялись снежинки. Завернула за угол, форточка на окне любимого была открыта. Долго не раздумывая, скинула сапожки с шубейкой, встала на низкий отлив и с трудом втиснулась в проём. Затрещало блестящее платье, и, скользнув, скинуло хозяйку на подоконник.

Стасик спал, посапывая, как младенец. Инна подвинула его стенке, вытащила одеяло и, прикрывшись, вытянулась рядом. Сон пришел быстро...

Утром эскулап проснулся первым, у него затёк бок и сильно болела голова. Неудобно сел в помятом костюме и обомлел, вытаращив невооружённые глаза: рядом спала девушка. Сын Израилев потерял дар речи... *«Наверное, придется теперь жениться»*, - скользнула змеей тревожная мысль, - *это – как минимум»*.

- *Простите, я не помню, как затащил вас в постель*, - робко сообщил Стас в розовое ушко.

Глаза девушки мгновенно распахнулись и засветились прозрачной влагой: росой на ветвях ангельской души, не иначе.

- *Не надо плакать, не надо!* - взвыл Станислав Иосифович испуганной сиреной. - *Я делаю Вам предложение! Я женюсь на Вас!*

Прошло полтора года. Я часто вижу эту супружескую пару на улицах нашего города с детской коляской. Из нее торчит забавная рожица – сыну Стаса и Инны полтора годика. Ребенок пока мал и не знает, что появился на свет благодаря выигранному пари.

Жизнь, скажу я вам, невероятная штука и порой закручивает такие финты!

Впрочем, вы теперь и сами это знаете.

ПРОСТО ПОПУТЧИЦА

Однажды ранней весной я возвращалась из краевого центра домой на автобусе. Погода была пасмурной с мелким дождичком. За окном - унылые, давно знакомые пейзажи. Ранней весной на Кубани не за что зацепиться глазу: промозглая серость, да и только. Я ушла в свои думы о дочери, которой только что сделали сложную операцию. Длинная дорога, как правило, либо вызывает грусть и задумчивость, либо клонит ко сну, либо навеивает воспоминания. А кого-то тянет на исповедь. Вот и в этот раз:

- *К вам можно присесть?* – раздался над ухом женский голос.

- *Почему бы и нет: место свободно*, - с неудовольствием ответила я.

Рядом устроилась попутчица лет за 50, крупная, породистая, властная. Она долго вертелась – спинка кресла всё время отскакивала, потом все же пересела на другое место. Я только попыталась задремать, но женщина опять переместилась ко мне. Села молча, выпрямив спину – ей было явно неудобно.

- Вот ездила на консультацию в краевую больницу, - нарушила женщина молчание, - через неделю опять поездка, думаю, положат на обследование.

- Что-нибудь серьёзное? – поддерживая разговор, спросила я.

- Диабет замучил, началась отслойка роговицы.

Я с интересом посмотрела в синие глаза, но ничего не заметила:

- Вы что же, можете ослепнуть?

- Вполне! – беспечально заявила она.

Я подумала: *Какая сильная женщина! Не плачется, не ноет. Вдруг действительно ослепнет?* - Стало жаль её.

- А с кем вы живёте?

- Одна живу. Сейчас на пенсии, а работала в администрации.

- Как вас зовут? – поинтересовалась я, чувствуя, что беседа набирает обороты.

- Надежда.

- Есть дети, муж?

- Два сына – Алексей и Владимир. Муж умер не так давно.

- Рак, наверное? - брякнула я наугад.

- Нет, не рак. Внезапно умер. - Надежда замолчала, глядя вдаль сухими глазами: - А было так. Когда младший Алёшка закончил первый курс, то сообщил, что приезжает на каникулы. А мы с супругом, как на грех разругались, да так, что он дня три как жил в сарае, переживал. Я, скрепя сердцем, сообщила ему, чтобы встретил сына на станции. Тот буркнул: ладно!

Ну, понятно, жду их. Долго жду. Приезжает Алеша автобусом – отца с ним нет. Встревоженный: «Мам, когда спускались с горы, я видел жёлтую машину, как у отца, она стояла в кустах недалеко от трассы». Потом его вдруг осенило, он встрепенулся и, как ветер, помчался на улицу. Прихватил гаишников и рванул к машине. И, правда, отец наш! Мёртвый. Инфаркт. Ещё тёплый был...

Замолчала, с новой силой переживая случившееся:

- Хорошо, что не умер прямо на дороге - других бы умертвил. Успел съехать и заглушить машину.

Я невольно подумала: плохо, что не примирились перед смертью. Грех это.

- А сыновья? – мягко свернула я с печальной темы.

- Сыновья? Хорошие парни, не пьют, не курят, и собой богатыри. Старший Владимир закончил два вуза, работает тоже в администрации, дело своё знает.

Тут собеседница резко помрачнела, глаза потемнели, голос обдал арктическим холодом:

- Тоже мне, женился! На «старушке»! Она старше Володьки на 13 лет! Да еще с двумя детьми! Старший ейный сын моему Алёшке ровесник, 20 лет ему. А девчонке – 14. Тьфу!

Я оживилась – такое не часто услышишь:

- Красавица, наверное? Как Софи Лорен?

- Скорее, как Баба - Яга. Обыкновенная, в морицинках вся. Я сначала думала – блажь, пройдёт! Но не прошло. Сын одно талдычил; что он взрослый, 28 лет, сам решает с кем ему быть.

Ну, я и вышла на тропу войны с этой наглой бабенкой; стыдила, обзывала, просила оставить моего мальчика. А в ответ: «Хи-хи-хи, да ха-ха-ха!» Еще той штучкой эта Елена оказалась. И сын ушёл к ней, дома-то я их затретиговала.

- Наверное, обиделись они на вас?

- Да щас! Приезжают ко мне, как ни в чём не бывало. Ленка всегда весёлая, трясёт своей старческой шеей: «Мама, да мама!». Я ей: «Паскуда ты Ленка, бессовестная, видеть тебя не хочу, вали отсель!».

А она: «Шутница вы, однако!». Сама между тем всю посуду перемывает, приберёт, где что у меня в доме разбросано. А сын заступается: «Ма, успокойся! В тебе не разум, а ревность говорит, мозги твои окончательно расплавились».

- Просто пришла к нему любовь большая...

- Какая еще любовь? Он расцветёт, а она уже завянет. Распутство это! Жалко сына, сердце ноет! – (Надя разволновалась, даже вскочила с места).

- Не переживайте, Надежда! Будет ещё у вас любимая сноха. Вот меньшей Алёшка женится...

- Будет?! Да есть уже! – она с размаху плюхнулась на место. (Кресло жалобно пискнуло, автобус качнулся). – Слушайте. Как отца похоронили, Алёша всё дома сидел, а за неделю до отъезда vyšёл прогуляться. На беду мою встретил одноклассницу Алёнку. Как нагулялись, привёл ее домой и прямо с порога выпалил: «Мам, мы решили пожениться! Я скоро уезжаю, и беру Алену с собой». Я дар речи потеряла, чуть не упала. Потом выгнала их и весь вечер проревела. За что мне такое, а?!

- Женитьба – это не смерть. Все рано или поздно женятся, - нетвёрдо возразила я.

- Да что вы такое несете? Ему только 19, пацан ещё! На 2-ой курс перешёл, учиться надо. А тут жена, семья, кормить надо! А он, между прочим, сам на моём иждивении.

- Это - зов природы, мужской инстинкт проснулся, - не сдавалась я.

- Блуд проснулся, а не зов! Ушёл к ней, не стал слушать моих причитаний. С порога бросил, наглец: «Не сотрясай воздух, мне жить, не тебе». Назавтра я разыскала адрес невестушки, побежала туда. Эту Алёну, как выяснилось, воспитал отец. По своему подобию. Вдовец он, полковник в отставке. Свой дом, но порядка никакого. Хохлушка-домработница имеется. Уборкой не увлекается, зато хозяином – весьма. Оно и понятно: мужик видный, ещё не старый...

- А Аленка, какова она? – прервала я эротический пассаж.

- Ой, ни кожи, ни рожи. Маленькая, чернявенькая, худющая, ни сиськи, ни письки, как говорят. И картошку чистить не умеет. - Совсем!

- Гениально, - съехидничала я, - картошку чистить – не космическим кораблем управлять, - научится!

Надежда пропустила мою ремарку мимо ушей:

- Так вот, забрал её Алёшка, уехали. Сняли жильё на тестины денежки.

- Вот и славненько, сыновья определились: не наркоманы, не пьяницы, порядочные семьянины. Чего же вам надобно?

- Я всё не так хотела! Таких снох никак не ожидала. Одна – «старушенция», другая – страшилка. Не пары они моим сыновьям.

Соседка тяжело дышала, часто вздыхала. Вечерело. За окном бежали тени голых деревьев. Вдали показались огни города.

- Может вы и правы, - опять заговорила она, - время лечит. И мой эгоизм когда –нибудь уляжется. Напоследок поделюсь радостью: в прошлом году обе снохи подарили мне внуков, с интервалом в один месяц. Елена родила дочку Варюшку, на которую сын не надышится. А Алёнка родила мальчика Степашку, весом в четыре с половиной килограмма. И где он у неё помещался, такой богатырь?! Ведь она пигалица, - жопа с мой кулак.

Запахло хэппи-эндом, решила я, и обрадовалась:

- Полюбили теперь снох?

- Нет, просто смирилась. Нехай живут. Не всем же красавицы достаются. Этих-то куда девать, мартышек?

- А внуков любите?

- До посинения. Чудо какое–то: голубоглазые, толстые карапузики. Что интересно, похожи друг на друга как две капли воды. Как бы дед порадовался, будь он жив...

- Нянчить помогаете?

- Сами пусть справляются.

- А чем же занимаетесь?

- Да ничем. Брожу как волк с этажа на этаж, только что не вою: то полежу на диване у телевизора, то спущусь вниз, поем, потом опять к дивану и телевизору.

Она взгляделась в окно: *Вот и подъезжаем, пора уже нам прощаться.*

Я подумала, что Надежда оставит свой адрес или хотя бы спросит мой. Все-таки открыла душу, распахнулась, перестав быть ПРОСТО ПОПУТЧИЦЕЙ. Но нет, она вышла, царственно мотнув головой. Синие глаза отрешенно скользнули по мне, пассажирам, салону автобуса. Я недоуменно поглядела вслед, - она не обернулась.

Более мы не встретились.

ЛЮБОВЬ ЗЛА, ПОЛЮБИШЬ И КОЗЛА...

Лето 1949 года подходило к концу, август. Пьяно пахло настоявшимися травами, влажно и призывно мерцали крупные звезды. В одну из таких ночей в колхозе появился новый человек, некто Петр. Это стало маленьким событием в тусклой, серой, трудной жизни местных жителей – женщин, детей, стариков. Бабы любопытно допытывались: *«Кто бы это мог быть?»*

Маленького роста, согнутый, будто горбатый, но еще молодой мужичок часто курил самосад в «козьих ножках», скрученных из газет. Был он невероятно волосат и старина Дарвин, увидев сей экземпляр, лишний раз бы уверился в своей правоте относительно происхождения человека. Большими, выпуклыми голубыми глазами смотрел новоприбывший по сторонам исподлобья и подозрительно. Молчал и не улыбался. Фамилия его была Липовский. Приехал он в многодетное семейство Зиминых к сестре Дусе. Сестра радовалась брату, которого считала потерявшимся очень давно. Брат целую неделю бродил по поселку в больших японских трофейных ботинках и белой рубашке, все приглядывался к местной жизни. За это время у сестры поспела брага и она созвала гостей – отметить встречу родственника. Позвали и мою маму, Анну Гавриловну. Анна была одинокой женщиной и единственным специалистом на деревне. Плюс прекрасно пела, а без пения какая вечеринка?

Мужчины, а это были Петр, его зять Михей – местный бухгалтер, сторож, племянник Иван и несколько замшелых стариков, пили разбавленный спирт, а женщины – бражку.

Петр молчал как всегда, но пил жадно, не закусывая, часто затягиваясь крепчайшим самосадам. Гости, наконец, понемногу набрались и повеселели – за столом стало шумно. Анна не пила вообще – она запела чудным сильным голосом, аккомпанируя себе на гитаре. «Темная ночь», «Синий платочек», «Землянка»... Бабы вытирали платочками скупые слезы, а Петр все сильнее пьянел, и, не мигая, буравил Анну взглядом. Спирт закончился, гость налег на бражку. Сестра Дуся не выдержала:

- *Петенька, брательник, почему не ешь ничего? Кушай, я так старалась. Так-то обопьешься, - плохо станет тебе.*

Петр никак не реагировал, что-то нехорошее появилось в его глазах и повисло, как мутная пленка. Одна баба некстати спросила:

- *Петр, а ты где воевал на фронте-то?*

Пленка разлилась в болото, повисла неловкая пауза. В ней утонули и смех, и «Землянка». Крепко затянувшись самокруткой, Петр зло

выпалил:

- А я 10 лет на Колыме отмотал! И ни на каком фронте не был!! И я вам не фраер безродный эти песни слушать! Мы в забое человечину ели, такие вот дела....

За столом установилась тишина, стихло бряцанье ложек - вилок. В глазах сельчан тревожно заметались кошмарные картинки: кандалы, матерные прибаутки, отрезанные уши и носы, которые любовно поджаривали такие вот нехристи, как этот Петр. Ошеломленная Дуся сидела, широко открыв рот: *«А я-то дура, хвалилась младшим братом! А он каторжник! Стыдобница мне».*

Невозмутимая Анна, отложив гитару, участливо спросила:

- А за что вас, Петр, посадили? На бандита вы не похожи, вы очень даже симпатичный мужчина.

Петр мгновенно распрямылся и сказал, тщательно подбирая слова:

- Я во Владивостоке жил до войны, работал вагоновожатым. Женился, родился ребенок. И так получилось, - вздохнул он горестно, - что девушка бросилась на рельсы. Я не успел остановить трамвай. Вот так...

Петр завладел вниманием: он чувствовал неподдельный интерес к себе. И то понятно: ну кто в такой глубинке видел трамвай? А кто – вагоновожатого? Глаза рассказчика весело заблестели, сутулость исчезла, он чувствовал себя значительным. Вздох облегчения пронесся по застолью: не бандит человек этот, не преступник! Горемыка он...

- Осудили меня, ироды. Дескать, наехал по невниманию. А она сама бросилась, я видел! А разве докажешь?

- Почему так много дали, Петенька? – всхлипнула сестра.

- Так она, та девушка, оказалась беременной.

- Да, дела..., - прошамкал беззубым ртом еще не старый Михей, почти прощая гостю людоедское прошлое, - что ж не разобрали, осудили человека просто так?!

- Девушка-покойница оказалась не из простых людей, дочка какого-то начальника, - добавил скорбной ноты в грустную песнь Петр. Анна заплакала. Она была жалостливой душой.

- Эх, жизнь-копейка! Ну да ладно, что было, то прошло! Давай, Петр, выпьем за твое освобождение и возвращение!

Все выпили, даже Анна пригубила. Веселья не было, все молча жевали.

- Петя, кушай, дорогой гость! Ты все пьешь, а не закусываешь! Вот сало, картошка, курицу зарезали! Ешь, ты такой худой! - жалела Дуся.

- Поправлюсь, ничего! Вот устроюсь на работу в городе, женюсь! – Петр многозначительно взглянул на Анну, - и заживем, как люди!

Мужики вышли на воздух. Было тихо. Теплый ветерок нежно оглаживал пьяные физиономии. Следом потянулись бабы: пора было по домам. Потом никто не мог вспомнить, из-за чего завязался спор, а вслед за ним вышла драка. Драку затеял Липовский. Жилистый и проворный, как обезьяна, он успел накостылять всем, и даже навесил фингал под глазом сердобольной Анне. Мужики Петра зауважали. Было видно: за 10 лет человек прошел неплохую школу.

Через неделю или две Анна привела Петра к себе. Официально с ним зарегистрировалась.

- Ань! Ты хоть дочку-то спросила?! – интересовались бабы, изумляясь скороспелому замужеству.

- А чего спрашивать? Дело-то мое!

Я слышала этот диалог и, будучи еще маленьким человеком, поняла, что мать мною пренебрегает. Новый муж матери мне сразу не понравился. Резко и навсегда. Отцом его никогда не называла. Все заработанные деньги Петр пропивал, а напившись, колошматил мать. Она все ему прощала. Тюрьмой никогда не попрекала. О разводе даже не помышляла.

Любила его...

СТРАСТИ ПО ЕГИПТУ

Скажите! Какая из учительниц истории не мечтала бы побывать на развалинах римского Колизея, в чудном индийском храме Тадж-Махал или, наконец, у египетских пирамид? Такой равнодушной и безразличной, пожалуй, не отыскать. В молодости, не вполне понимая почему, возникает непреодолимая жажда путешествий. А если выпадает шанс, то это не иначе как подарок судьбы! Не сидеть же дома, коллекционируя пыль со своего платья!

Поездка в натурально капиталистический, по сути, Египет, в реализации нежданно выпавшего счастливого шанса была осуществлена вместе с супругом. Излишний восторг был сознательно или несознательно отравлен рядом случайных происшествий. Началось со сборов. Кто-то, на беду, из будущих путешественников, предложил взять водку, дескать, в мусульманском Египте «сухой закон», а выпить не мешало бы! Тем более на отдыхе, вдали от парторганизации. А может, продать? – думали прагматичные жёны, считая, что тайком это возможно, ведь мусульмане тоже не дураки выпить. Затариться водкой для меня и мужа было глубочайшей ошибкой, принесшей разлад и определённые нравственные страдания. В Москве были куплены три бутылки водки «Старка», как известно, жидкость имела глубоко насыщенный кофейный цвет, но высоко ценилась в среде русских мужиков.

Бутылки были заботливо укутаны новоприобретёнными вещами: белыми брюками, светлыми шортами и прочим барахлом, необходимым в жаркой стране и подходящим советским товарищам. Всё это улеглось в венгерском, на наш взгляд, очень модном клеёнчатом чемодане.

Каково же было наше возмущение и негодование, когда в Каире, после разгрузки самолёта, мы обнаружили разбившиеся бутылки, окрасившие коричневыми пятнами брюки, шорты, шляпу, рубашку и все прочее. Туристический гардероб мужа напоминал своими пятнами колониальную униформу! Неприятное открытие, что одежда безвозвратно потеряна, заставила пережить горькие упрёки и суд совести. Стирка не дала ожидаемых результатов, она только усилила яркость предательских пятен.

Предсказанная жара оказалась чистой правдой. Ничего не поделаешь – пришлось обряжаться: в пятнистую осевшую волосяную шляпу, с нервно опущенными краями, как у последнего казахского чабана, в шорты с рыжими пятнами, в некрасиво полинявшие брюки. Это стало предметом горьких насмешек и укором мне: «Женщина, смотреть и думать надо!» - заявил обиженный супруг. Что не помешало ему пользоваться успехом у дам и безрассудно флиртовать с ними. Кто знает? – может в силу необычного мужского очарования, сдобренного пятнистым видом. Дело прошлое, теперь не узнать.

Пока что шли обычные каирские экскурсии, но все с нетерпением ожидали посещения знаменитых пирамид.

Мы уже знали, что всё боится времени, а время боится пирамид! Наконец на апогее ожидания появился автобус: «*Ура! Едем к пирамидам!*» Впечатление от одного их вида превзошло всякое нетерпеливое ожидание. Опамятовавшись, задрав головы, часами можно было стоять, так и не постигнув величия величественного! Пирамиды – это тайна, в которую невозможно проникнуть!

Затем спуск в пирамиду Хеопса. Как нам казалось, в древнем воздухе витал вопрос: «*а что там, внутри?*». Никто не мог составить себе ясного понятия: это творение рук или божества?!

Наконец, по пологому деревянному настилу мы достигли пустой погребальной камеры: ни барельефов, ни росписей. Пугающая, подземная пустота – неприятное открытие! Но поражающая пустота пугала своим величием.

Подтягиваются отставшие туристы, молчат, как поражённые молнией. Некоторые складывают в полиэтиленовые мешочки камешки «на память», другие просто стоят в немом оцепенении.

Вдруг в тишине высокий мужской голос уверенно вскричал: «*Надо же, в таких голых комнатах под землёй жили фараоны!*»

Сначала повисла звенящая тишина, многие перестали собирать камешки, другие захлебнулись от вопиющего невежества, ведь у обладателя реплики было высшее образование. Поистине, никогда не надо смешивать учение с ученостью. Парень пожалел, что обнаружил безнадёжную тупость, и отступил назад. Все зашумели, высказывая разность мнений.

При осмотре каирского музея археологии советские туристы-атеисты, растерявшись от обилия раритетов, удивлённо покачивали головами: *«где же эволюция?»* - вид забальзамированных кошек и собак был точь-в-точь как сейчас, а сазана хоть сейчас на стол! В то время я, как замороженная, стояла у хорошо сохранившейся мумии фараона Сета II, скрупулёзно рассматривая коричневую кожу, жёлтые ногти, кустики седых волос на лысеющей голове и, не доверяя своим глазам, предавалась философии о бренности жизни, о скоротечности времени. Становилось не по себе, т.к. суждения о прошлом не выходили за рамки обыденной настоящей жизни. Человеческий ум отрицает всё, что не понимает. Древняя жизнь из учебников по истории как-то не состыковывалась с этими мумиями, вещами, барельефами. Трудно вместить невместимое. И это я с грустью ощущала реально.

Наглядно ощутимая перемена в настроении туристов произошла в зоопарке. Тут всё радовало глаз: загадочные павлины с их умопомрачительными по красоте хвостами, важные и надменные страусы, роняющие перламутровые перья и многое другое, живое и глазастое. Среди восхищённых восклицаний изумления не чувствовалось жары и утомления. Но произошёл нелепый казус с нашим туристом, имевшим невиданную по тем временам кинокамеру. Мы задавались резонным вопросом, - где знаменитые нильские крокодилы? Если их нет в реке, то где же они?

Оказалось, что здесь, в зоопарке, есть небольшой экземпляр, около двух метров в длину. Гурьбой повалили туда к бассейну с мутной водой и куполообразной железной решёткой. Окружили плотным кольцом, разглядывая спокойную, непроницаемую воду – крокодила нет! Владелец кинокамеры, воровато оглянувшись, полез на решётчатый купол, держа наготове камеру для съёмки, хотя надпись чётко запрещала не только лезть на купол, но и близко не подходить. Смотрителя поблизости не было, а табличка, думали, просто предрассудок.

Мы с напряжением ждали, когда же, наконец, появится крокодильчик. Наш «кинооператор» уже лежал наверху и целился камерой, как вдруг стремительно выпрыгнул «зверь», тоже целясь в парня наверху. Мы не успели отпрянуть, и были забрызганы серой водой. Наш «герой» так испугался и вздрогнул, что выронил камеру в подарок крокодилу и кубарем скатился вниз. Тут подоспел смотритель и отогнал нас подальше, а смущённый и опомнившийся бывший владелец камеры чуть не рыдал. Вид его у многих вызывал сочувствие, хотя были и такие кто злорадствовал: *«так тебе и надо, не будешь носиться с камерой, как с писаной торбой...»*

Далее, по плану, поездка на юг, в долину царей. За окном поезда с кондиционерами мелькали необычные картины, вроде бы мало чем отличные от фараоновских времён. Ручная обработка полей, вместо насосов всё ещё шадуфы. Старый, обшарпанный советский трактор без верха встретился только один раз. Буйволы для вспашки были так худы, что напоминали больше мумии, чем живой скот. Поля радовали глаз, напоминая шахматную доску, на одних квадратах что-то сеяли, на других убирали урожай, на третьих зеленели всходы. Голые подростки купались в мутных водах Нила и таращили чёрные глаза на проходящий поезд. Вдоль железнодорожного полотна в тени распятих на колышках полотнищ отдыхали чёрные аборигены Египта – копты.

Проходили и народные поезда, битком набитые бедным людом, с пассажирами даже на крышах вагонов. Это было в порядке вещей – транспорта не хватало.

При переправе через Нил, на пароме, местные арабы прицепились к нашим мужикам, выкрикивая оскорбления, типа: *«вы шухер-мухер!»* и прочее. Наши мужчины было разъярились, назревала потасовка. Но, к счастью, вмешались гиды, и паром вовремя причалил к берегу, где уже поджидал автобус. Наши долго кипятились: *«ишь, какие гадёныши, мы им Асуан, а они нам – фиги, да ещё обзывают, поганцы!»*.

Но потрясающий вид долины царей, масштабность раскопок, каменные колоссы, подземные усыпальницы остудили горячие головы «советиков». Мысли переключились на знаменитую гробницу фараона Тутанхамона. Возвращение в Каир было тихим и умиротворённым. Хотя теперь старались ходить по городу группами и не оставлять в номерах фотоаппаратов, опасаясь провокаций и засвечивания плёнок. Посещения каирских базаров не обошлись без восточного обмана: масло вместо духов, поддельное золото... При осмотре музеев - развалин под открытым небом опасались попрошаек, за отсутствие «бакшиша» могли и руку оторвать.

Поразительно, что грязная оборванная арабская детвора знала на уровне разговорного русский, английский, французский языки, и безошибочно узнавала на значках «Лэнина».

Отдых в Александрии близ Форосского маяка был не менее интересным, но завершающим этапом туристского турне по Египту. Страсти по нему переросли в переполненность впечатлениями с грудой фото. Было что вспомнить, а при случае и рассказать друзьям и знакомым.

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

Советская послевоенная деревня. У границы Монголии, а дальше - только горы и леса. Единственный очаг культуры - клуб, - деревянная покосившаяся изба без ступенек. Еще семилетняя средняя школа в двух избах, без забора. Детей мало, мужиков выбила война. Самое посещаемое место – смешанный магазинчик на окраине деревни. В одной комнатенке свалено все: мешки с сахаром, конфеты в ящике, бочка с керосином, куски ткани, сбруя, десяток лопат. Хозяйкой этого «госдобра» была сердобольная Дина: давала товар под запись, и в обмен на яйца весной. Маленькая ростом, хрупкая продавщица не имела выходных, работала допоздна, мерзла зимой, летом отбивалась от мух. Дома управлялась с хозяйством дочка Валя; доила корову, кормила скот, обихаживала огород в 12 соток, потому закончила только семилетку. Родилась Валя до войны, отца Федора забрали на фронт, там он и сгинул, «пропал без вести». Дина долго ждала мужа:

- *Держись, девка, держись! Можя, попал в плен, можя, ранен, потерял память от контузии, да мало ли что? – шептали бабки, - придет твой Хведор, чует сердце!*

«Держаться» в женском смысле было нетрудно: в деревне одни инвалиды и старики. Но был и парень, детина рослый, розовый, поноватый, без растительности на лице. Девчата его чурались:

- *Тихон – это не мужик, - рассуждали, - лентяй, врун, плакса. Любит только себя, и притворяется больным.* (Такова была визитная карточка Тиши).

И вдруг, неожиданно, стал Тихон с зимы торчать в магазинчике, то ли добротный дом Дины понравился, то ли хозяйству позавидовал. Как-то по весне принес букетик одуванчиков и предложил пожениться. Дина, вопреки молве, согласилась, думая про себя: *«Валя выйдет замуж, а кто будет на хозяйстве?»* Она твердо знала, что никогда не забудет Федора, никогда не полюбит Тихона, но пусть будет мужик в доме, - руки лишними не бывают.

Родилась девочка - точная копия папаши, такая же крупная и плаксивая. Все 3 года Валя нянчила капризную сестренку, терпела и любила.

Папаша Тихон вконец заважничал: он ведь стал отцом! Дина его приодела: зимой новые валенки и полушубок с плеча Федора, летом – модные штiblеты и полотняный костюм. Числился сторожем в магазинчике, чем невероятно гордился. - Кормилец! Побаивался только Дину: *«А вдруг выгонит?»*

Поздними вечерами Дина приносила клетчатый платок с вырубкой, сидели собирать и считать купюры, на что наблюдающий за процессом Тиша грубо реагировал:

- Дина, ты зря зовешь считать деньги всяких чужих, - намекая на падчерицу и квартирантку, - умыкнул еще трояк, другой...

- Ты бы либо помолчал, либо помог бы сам. Не возьмут они...

Тихон уходил в дальний угол и принимался плакать, очень обидчивым оказался, слово против не скажи.

Соседка, баба Катя, упрекала Дину:

- На что тебе этот барбос? Малахольный какой-то! Ничего не делает по хозяйству, ни тебе двор почистить, ни, к примеру, воды натаскать в баню с реки. Дармоед, да и только! Не то, что Хведор, тот был хват!

Дина вздыхала, утешая себя тем, что Тихон все-таки отец Ленуськи, любит ее. А ночами, вспоминая Федю, плакала в подушку, вздрагивая худенькими плечами. Благо в это время Тихон сторожил магазинчик и слез жениных не видел. Валя просыпалась и утешала мать, как могла. Ей исполнилась 17 лет: расцвела девка! Васильковые улыбчивые глаза смотрели на мир радостно, будто счастье притаилось за углом. Коса в руку толщиной, в руках все горит: золото, а не девушка! Приехали из города сваты:

- Наш купец - ваш товар! – сказали.

Устроили смотрины. Товар (невеста) был первым сортом: работающая, улыбчивая, веселая, полноватая (что даже хорошо). А «купец» - мелкий, конопатый, с желтенькими жидкими волосиками, как у младенца, заикастый.

- Не пойду я за него! – твердо заявила невеста. – Никогда!

- Как это, не пойдешь? – гневно воскликнул Тихон, пыжась, - пойдешь, дорогая!

- Дорогие сваты, поезжайте с миром, подумаем до осени, - примирительно заявила Дина.

Сваты уехали. Тихон надулся и объявил бойкот.

Поздним сентябрьским вечером, выкопав картошку, уставшие Дина с Валею сели вечерять. Стук в окно: злющая собака охрипла от лая, женщины насторожились:

- Кто бы это мог быть? Тишка вернулся? Магазин ограбили?

В проеме двери стоял худой, в рванье, мужчина. Молчал. Знакомый и, вроде, чужой. Длинная пауза, а потом:

- Федя, неужели это ты? – закричала Дина и бросилась к незнакомцу, - Валя! Твой отец вернулся!

Весь вечер трое проплакали, слушая печальную исповедь выжившего в лагерях отца и мужа. Тихон обиделся и ушел к матери, напоследок показав пухленький кулачок:

- Не думайте себе там много, я еще вернусь! И с зэком посчитаюсь!

Федор промолчал, у него была законная бумага об освобождении, и бояться ему было нечего. Стал со временем поправляться и оживать. Дина расцвела на радостях такой красотой, что освещала всю деревню, никаких прожекторов не надо.

В это же время Валентина получала письма от деревенского парня, служившего на Дальнем Востоке. Он все писал, и писал о своей любви, что всем стало ясно: эти двое созданы друг для друга. И, когда жених под Новый год вернулся в родную деревню, стало ясно: свадьбе – быть!

ПЕХОТА

Иван Илларионович Шуйский – директор средней школы, историк и ветеран, поэтому часто выступал по приглашению, с воспоминаниями о Великой Отечественной войне. Всякое выступление начинал со слов: *«Пехота – царица полей, и я тоже служил в пехоте!»* Отсюда – прозвище «Пехота», за глаза, конечно. Историю, как науку, знал исключительно хорошо, возможно даже лучше, чем в бозе почившие корифеи Ключевский с Соловьевым. Как директор, вполне соответствовал советским общеобразовательным стандартам: строгий, как Суворов, неподкупный, как Робеспьер, некрасивый и тщедушный, как Павел I. Зато жена взяла все; крупная в кости, как мастодонт, высокая, с грубым лицом и пористым носом, переодев ее в мужскую одежду, можно было смело принять за Соловья – разбойника, временно спустившегося с ветки. «Пехота» боялся второй половины, которая тоже была директором, но в вечерней школе. Он был несказанно рад, что днем сам ошивался в школе, а вечерами не видел жены. Ночью они оба спали. Иногда Ивану Илларионовичу казалось, что он забывает лицо супруги, и он всерьез опасался не узнать ее поутру. Трое взрослых детей оказались предсказуемо умными, окончив учебные заведения с золотом и красными дипломами. Дочери вышли замуж, а сын защищал кандидатскую. К несчастью, погиб на дороге Петербург – Москва. На похоронах безутешный отец сказал слезливую краткую речь, закончив ее словами: *«Спи, мой дорогой!»*.

Полоротая пионервожатая, вчерашняя школьница, спросила:

- Ван Ларионыч, вы разве верите в Бога?

- Ты что, дорогая, с елки свалилась? Я – коммунист!

- А почему «спи»? Он что, проснется? Интересно, когда?

- Дурочка, это просто традиционная форма речи, не более.

- Неправда ваша, тогда, если в Бога не верите, надо говорить «сгнивай!» или там «разлагайся!», правда же?

- Иди-ка отсюда, родная, - сказал директор, на секунду растерявшись от девичей глупости, и забыв: зачем он здесь, на кладбище?

«Пехота» обожал молодежь, особенно, молоденьких девчат, - чем никого не удивишь, - и вожатую он простил. Прощал и хвалил новоначальных учительниц, уроки которых посещал. Наслышанные о строгом директоре, нетвердо зная предмет, те смущались, краснели, заикались, несли всякую чепуху. Аудитория почти не реагировала, занималась своими «важными» делами: юноши втихаря играли в карты, делились папиросами для предстоящей перемены. Девушки за откидными крышками парт красили губы, выщипывали брови: они точно знали, что слушать при директоре не обязательно, а тему прочитают дома.

К пожилым педагогам Иван Илларионович относился с предубеждением: разбирал каждую их фразу, отмечал неточность дат, несоответствия исторических параллелей. Бедные старушки от обиды плакали в гардеробной, сморкаясь в гипюровые платочки, и похрюкивая.

Подобная сегрегация была неведома большинству, кто бы мог предполагать, что в сердце стареющего мужчины кипят страсти, не хуже, чем у Дантона. Историк пытался скрыть свои чувства, и долгое время ему это удавалось.

Дело в том, что в школу пришла выпускница ИнЯза: настоящий профессионал, немка по национальности. Настолько хороша, что описать почти невозможно. Нет, не Наталья Гончарова-Пушкина, другой типаж, но тоже безупречно-изысканный.

- Японская статуэтка, - определила ее уборщица, первой увидев в коридоре.

Она имела ровный характер, всегда улыбалась, охотно вступала в беседу, нравилась ученикам, которые сразу прониклись к педагогу уважением, как к знатоку своего предмета – немецкого языка.

«Пехота» зачастил на уроки немки. При этом та не краснела, не робела, не заикалась, а с красивой улыбкой вела урок, игнорируя школьного босса. Это сильно задевало самолюбие директора, но он терпел, любясь молодостью, красотой, умом Эльзы-учительницы. Наконец осознал, что, как зеленый пацан, впервые по-настоящему влюбился. Он страдал неимоверно, мучился, будто от проказы, презирал себя за слабость, перестал спать, он бежал от женщины, и бежал к ней, пока, наконец, не выдержал и объяснился.

Эльза слушала внимательно:

- Я вас понимаю, Иван Илларионович, потому что сама пережила подобное, причем безответно...

- Неужели такое возможно? Вы – богиня! – удивился Шуйский.

- Да, да, было. А, правда, вы были в Англии, как говорят? Через Германию ехали?

- Был, в числе лучших директоров, нас знакомили с английским образованием.

- А я там не была, но вот представьте, Иван, родители собрали документы и уезжают в Германию на ПМЖ, и я с ними. Вот заявление, подпишите, пожалуйста.

Подписанную бумагу Эльза повертела в руке, подошла к Ивану Илларионовичу, обняла, прижавшись, и крепко поцеловала в губы.

- Спасибо за любовь! – сказала. И – ушла навсегда.

И все, для «Пехоты» завертелась жизнь по – старому; тот же круг, очерченный школой, уроками, домом.

Все то же самое, да не все: в центральной точке его сознания навсегда поселилась Любовь, сотканная из шоколадных волос, изумрудных глаз и прощального поцелуя...

А с этим багажом можно жить, если не быть слишком расточительным.

СТРАННАЯ СЕМЕЙКА

- Девушка, сколько раз говорить вам; не берем мы без стажа! Не берем! – чиновница с сердцем стукнула по столу. – Даже по протекции!

Люда с дипломом Бауманки стояла, как оплеванная, завершая неудачный круг попыток устроиться на работу.

- Все норвеят остаться в Москве, а она не резиновая...

- Поймите же вы, - со слезами выговаривала просительница, - я 5 лет училась, когда же мне было стаж зарабатывать? Везде гонят: то нет вакансии, то нет стажа. Лучшие было бы мне заочно учиться, по-вашему?

- Заочно, да! Да! – бюрократка даже приподняла со стула мощный зад, - в дипломе, между прочим, нет пометки «заочно»!

- Но это профанация: при таком виде обучения знаний не будет!

- Зато опыт будет, - «сын ошибок трудных»! Нам важен **опыт!** Прощайте!

С горя Люда отправилась на рынок, ее внимание привлекли сначала фрукты, - и отличные, надо сказать, фрукты! – а следом за ними и сам продавец. Не продавец, а картинка! Целлулоидная, из журнала «Лучшие мужчины мира».

- Я Демис, понтийский грек, а вы кто?

- А я – Людмила, - девушка мягко улыбнулась. - Вы почти Демис Руссос, певец, я видела его по телевизору. – Бархатные глаза продавца сверкнули брызгами хрусталя:

- Я временно продавец, хорошие фрукты, берите, - и парень насыпал в пакет крупной черешни. – Денег не надо, это презент, в обмен на телефончик.

Телефончик? В голове Людмилы запел ангельский хор. Весьма и весьма упитанная толстушка никогда не пользовалась вниманием парней, а тут такой подарок небес – знойный, черноокий грек! Так Люда познакомилась со своей судьбой. Воистину, жизнь – штука сбалансированная, что-то недодаст, а что-то компенсирует, надо лишь чуток подождать.

Отправились вместе на берега Черного моря – родину возлюбленного. Мать Демиса, только что вернувшаяся из Греции, не обрадовалась пассивности сына; она привезла ему в невесты пятиюродную племянницу. *«Пусть поживет эта Люда, и Афина тоже, посмотрю, какая из них получше»* - думала старая гречанка.

На берегах курортного моря не нужны ни академики, ни профессора, ни, тем более, выпускники престижных вузов. Нужны продавцы всего и вся, чтобы счастливый отдыхающий увез в своем чемодане полтонны ракушек и декалитры кубанского вина. Поэтому Люда пошла в продавцы. А Афина – в официантки, но, когда поняла, что соперница беременна, ушла на съемную квартиру.

У Людмилы родился маленький греченок Телемах, но она не снижала темпов и много работала, пытаясь накопить на собственный дом, благо землю подарил дед Демиса. Сам возлюбленный почти не работал – мать снабжала валютой, - днем отсыпался, а ночами просиживал в кафешке «222» с друзьями – греками; пили вино, травили анекдоты, слушали оглушающую музыку, танцевали «сиртаки». Афина не возвращалась на родину, в свободное время приглядывала за Телемахом: ей нравился этот ребенок, спокойный и хорошенький.

Людмила торговала успешно и скоро стала хозяйкой собственного магазинчика; помогли деньгами родители. Дом потихоньку строился и, когда пришло время переселяться, Демис страшно удивился: в затуманенном развлечениями мозгу новость никак не укладывалась. Он выпучил яркие глаза, приподнял густые брови и спросил:

- *Что это? Как это? Когда?*

Они были расписаны, поэтому Демис стал совладельцем жилья, к которому не приложил ни рук, ни средств, ни-че-го. Свекровь, естественно, тоже переселилась к молодым. Афина продолжала навещать новоселов, охотно оставаясь нянькой при ребенке. Было странно на это смотреть со стороны, но, рассуждали люди, женщина - все же пятиюродная сестра Демиса, что в этом такого уж удивительного? Хозяин с супругой почти не виделся, а с Афиной часто распивал кофе:

- *Афина, - как-то сказал, - ты переезжай к нам, зачем тебе за аренду жилья переплачивать? А у нас бесплатно!*

Так, к величайшему изумлению Людмилы, Афина обосновалась в ее доме. Дом общий, заявил Демис, что хочу, то и делаю!

- *Посмотрим!* – и Люда обратилась в суд. Суд отклонил иск на том же основании.

- *Уходи!* – крикнула Людмила Афине, и выкинула ее тряпки на крыльцо. Подросший Телемах собрал пожитки, и вернул в дом:

- *Мама, не трогай вещи тети Афины, она хорошая, пусть живет у нас!*

Люда было смирилась, но, когда увидела, что ее муж перекочевал в спальню соперницы, подала на развод.

- *Ты, видимо, хочешь дом перестраивать на две половины?* – язвительно поинтересовался Демис, - *давай, жги! Дело это затратное...*

Люда не зря окончила Бауманку: шестеренки в ее голове скользили плавно и в унисон, поэтому она поняла ситуацию и приняла. Она днями пропадала в своем магазинчике, по дому же управлялась Афина: стирала, гладила, убиралась, готовила греческую долму из молодых виноградных листьев, занималась с Телемахом. Парень с отличием окончил среднюю школу. Иногда ошибался, называя Афину «мамой». Других детей в этой странной семье не было, скандалов – тоже. Безмолвная Афина стала подругой Людмилы, выслушивая ее рабоче-торговые истории о дрызгах с покупателями.

Когда Телемах поступил в Московский универ, то часто звонил обеим женщинам, скучая, и начинал диалог всегда одинаково:

- *Здравствуйте, мамки мои! Как здоровье, мои дорогие?!*

«СЛИВОЧКИ» ОБЩЕСТВА

Татьяне исполнилось 75 лет, браку – 50, - двойной юбилей.

Собрались друзья – товарищи за богато сервированным столом. Как водится в нашем народе, посыпались хвалебные речи. Пили за здоровье, за долголетие, за красоту юбилярши. Ближайшая подруга пожелала, чтобы «все было хорошо». Столь незатейливый тост - форменное надувательство, ибо оно не оправдывает ожидания ценителей высокого слога, но Татьяна все же улыбнулась:

- Было, было хорошо! И очень хорошо – тоже было, но теперь я всего лишь пенсионерка с болезнями...

Приехал из Штатов сын мужа Тимур:

- Поздравляю прекрасную из дам маму Татьяну! Спасибо за всё!

И собравшиеся горячо захлопали; на столе мерцали запотевшими боками бутылочки с разнообразными наклейками, и не терпелось продегустировать содержимое этих заграничных посудин.

Татьяна для сына мужа матерью не была, но зато была помощницей и другом. А теперь по порядку.

Татьяна, как говорят, писаная красавица, белорусско – прибалто – польских кровей, лицом напоминала актрису Доронино, но много лучше. Мужчины, как мухи вились вокруг юной красавицы, не давали проходу. Наравне с юнцами рядом крутилось и плешивое старичье, теряя остатки благопристойности, и на что – то надеясь. На первом курсе Таня вышла замуж за одноклассника, родители возмутились:

- Ты что, дочь, лучше не нашла? С твоей-то красотой? Это богатый товар. Твоего Славу в толпе не узнаешь, к тому же, он безотцовщина.

В комнате общежития родилась Иришка. Через два года разошлись. Слава ревновал к каждому столбу, пытался поднять руку, но Татьяна - боец: сковородой огрела мужа и вытолкала из своей жизни вон.

- Гражданка, комнату освобождай, она записана на Вячеслава, - прошипела как-то комендантша. И пришлось уйти в снятое жилье, устроиться на работу.

Место секретарши нашлось в одном министерстве, - причем руководство соблазнилось только внешностью претендентки, - а для Иришки выделили местечко в детском саду. Со временем Татьяне дали двухкомнатную квартиру. Бывший муж Слава, с какого – то перепугу, стал претендовать на дочь, пытаясь украсть ее. Так вот бывает, когда блески сгоревшей любви выжигают разум у брошенных партнеров. Домогательства мужчин и поведение «бывшего» плохо влияло на настроение Татьяны. Вот уж 25 лет, молодость уходит, а семьи нет. Как – то, в момент отчаяния, в ее приемной появился мужчина, который, судя по документам, был министром одной из соседних республик Союза. Внешности настолько замечательной, что Таня, впервые за много лет, растерялась: «какого – то артиста напоминает», а кого именно – сообразить не могла. Он представился, назавтра принес букет роз, потом пригласил в ресторан, а потом - уехал.

Вано, так его звали, предварительно поинтересовался:

- Разрешите, милая Татьяна, вам изредка звонить?

- Разрешаю! – быстро ответила женщина. – *А зачем?*

- Вдруг возникнут дела, например, по работе.

Звонки были, вполне деловые. Впрочем, сквозь пространство Татьяна отчетливо ощущала строгую нежность Вано, или ей только казалось? Она надеялась и ждала. Ровно через год Вано внезапно объявился в Москве: поступило предложение из столицы, есть вакансия.

- *Танечка, я развелся со своей женой, давай, поженимся!* – сказал Ваню, переступив порог приемной.

Очарованная Ванюшей, - как она его внутри себя называла, - на минуту растерялась, а потом выдохнула:

- *Хорошо!*

- *А ты станешь принимать на летние каникулы моего сына Тимура?*

- *Безусловно!*

Так сложилась судьба Тани; пазлы легли так ровненько, что 50 лет пролетели, как один день.

Ваню оказался прекрасным мужем и отцом, он работал замминистра, знал европейские языки:

- *Танечка, - повелел как-то, - тебе придется уйти с работы, я вполне способен обеспечить семью.*

Она без лишних слов уяснила, что восточные мужчины не терпят препирательств, и мгновенно уволилась.

В летние месяцы занималась Тимуром:

- *Мальчик мой, ты обижаешься на отца, что ушел из семьи?*

- *Нет, тетя Тань, мама сказала мне, что человек вправе выбирать свою судьбу, а если приходит настоящая любовь, то не надо держать человека, особенно мужчину. Он на это имеет право.*

- *Твоя мама, Тима, мудрая женщина, я ее уважаю.*

Тимур вырос, выучился, уехал в Штаты, Ириша вышла замуж за бельгийца, жила в Париже.

Пришла старость и к Ваню, отправили «товарища» на пенсию. В первый нерабочий день он не знал, куда себя деть: поиграл во дворе в домино, но не понравилось. Посидел у ТВ: скучно. Почитал Ремарка, попробовал вздремнуть. Всю жизнь как белка в колесе, в черед «рабочих вопросов», всем нужен, многое можешь решить, и тут вдруг ррраз! – и свободен. Вакуум. Вечером грянул инфаркт. Парализация.

Приехала его первая жена Ануш, она имела мед. образование, - и вдвоем с Татьяной они выхаживали своего мужчину. Массировали, купали, кормили. Но процесс был необратим, и Ваню оставался в кресле под пледом. Как – то выкатили седовласого, похожего на постаревшего льва Ваню в сад, где терпко пахло мокрыми после дождя яблоками, и оставили его, задумчиво разглядывающего прозрачно – сверкающую даль.

- *Ануш, как ты думаешь, в чем секрет семейного счастья?* – спросила Таня почему – то.

- *А секретов нет, дорогая моя, есть мудрость в нашем народе: «Не перечь мужу, во всем с ним соглашайся, а делай по- своему!»*

ВОЛОНТЕРЫ

Август. Жарко. По пустынной проселочной дороге бредут в деревню Сосновку волонтеры: брюнетистая Валя и огненно – рыжий, в конопушках, Валентин. Три километра давались с трудом. Валик нес закутанную в целлофан новенькую лопату, перекладывая ее с плеча на плечо. У Вали за плечом мотался модный рюкзак ядовитого раскраса.

- *Валюша, а ты знаешь, как копают картошку? Я, к примеру, не видел даже, как она растет. «Фри» - знаю, «пюре» - знаю, «в мундире» - знаю, а про живую – ничего.*

- *Эх ты, бедолага! Я-то в курсе, что это такое, на даче выращиваем.*

Валек, по прозвищу «Огонек», мелко шагая, вздохнул:

Научишь меня?

- Легко! – девушка рассмеялась, - это проще простого, выковыривай, и все, я соберу.

Около заросшего деревенского пруда копошилась ребятня; она занималась строительством дамбы из грязи, палок, и водорослей. Завидев необычную незнакомую парочку, дети разинули рты, и один, самый смелый, заорал во все горло:

- Рыжий, рыжий, конопатый, убил бабушку лопатой!

Огонек оглянулся и показал хулигану жидкий кулак:

- Они что, знают про бабу Фросю, к которой мы идем?

- Деревенские, - сказала Валя, - всё и про всех знают.

- Надо же, убил бабушку! Я в жизни и мухи не обидел...

Баба Фрося в сарайчике перебирала картошку, выцветшие от времени глаза пронзительно и недоверчиво оглядели пришедших:

- Это вы-то волонтеры, что ли? Ждала вас, ждала, да и уж половину сама выкопала.

- Мы пешком с электрички, жарко, - оправдываясь, сказала Валя; бабуля ей сразу приглянулась, уютная такая.

- Вот, я и говорю, картоха-то-мое пропитание, да мешанку курям готовлю, без нее мне – никак!

Бабка с трудом поднялась, взяла палочку, принесла кваску:

- Пейте с дорожки, детки, квасок-то свой, самодельный! Не магазинная трава. - Волонтеры отпили напитка: вкуснотища!

- Баба Фрося, - осмелел Валик, - свои дети у вас есть?

- Нетути, милок, были, да сплыли.

- Куда уплыли? – живо поинтересовалась Валя.

- Далеко, отсюда не видать, милые. Все мы уплывем, когда придет время...

- Умерли, да? – догадалась девушка.

- Можно и так сказать. Война убила, фашисты, пятеро сыновей было. Последние – двойняшки. Внуков не оставили. Одна, как пень, живу, а Бог не забирает. Пора бы уж!

Согбенная старушка вернулась к своей работе, рядом гуляли куры, под надзором величавого петуха. Он строго оглядел гостей, громко пропел что-то.

«Каков красавец петух, - подумал Валек, - перья переливаются перламутром, гребень алый, шея в изумрудном воротнике», а вслух сказал:

- Первый раз вижу петуха...

- Да, ты прав, - заметила Валя, - в Москве по тротуарам петухи не ходят. Только в магазине обнаженные курочки на прилавках лежат...

Определенно, сарказм у нее был в крови.

-... Пошли копать, - добавила она через паузу, - мы же помочь приехали.

Как оказалось, Валек не умел держать лопату, не знал и не видел картофельного гнезда: ботва уже засохла, а холмики земли размыли дожди. Валя возмущалась:

- Ты перепортишь всю картошку, смотри, сколько изрезал?! Тоже мне, волонтер!

Девушка показывала пальцем, где гнездо, сама брала в руки лопату, у нее получалось складно, а у Огонька - плохо. Наконец, не выдержала:

- Иди ты, парень, куда подальше, я – САМА!

- Нет, не уйду! – конопушки на носу Валика угрожающе потемнели.

- Тогда собирай клубни в ведро, я сама буду копать!

- Ни за что! Я не баба, в земле копошиться. И не курица! Если на то пошло, то копай и выбирай сама, я посижу на скамеечке.

Вышла баба Фрося:

- Устал, милоч, да? Али ногу поранил? Покушать вам приготовила, крошечку вкусенькую...

- Баб Фрось, он не устал. И не заработал крошки, лентяй, а не волонтер.

Огонек вспыхнул, что добрый костер, выхватил из рук Вали новую лопату, - острую, как мачете, - и швырнул ее с такой силой, что та, сверкнув лезвием около уха бабули, пролетела десяток метров и срезала голову роскошному петуху.

- Ой! – тихо сказала бабушка, - ты что, окаянный, наделал? Петуха решил! Как без него курочки будут жить? Завянут без мужичка. Ты об этом подумал?

- Ему нечем думать! – гневно заявила Валентина, - потому что у него нет мозгов! Только наглость, позерство, и пара ушей!

- Ах, так! Оставайтесь со своей картохой сами, а я пойду тушить леса под Рязанью! – Валек пнул грабли, посмотрел на неподвижного петуха, и быстро удалился.

До вечера Валя с бабушкой выкопали всю картоху, наварили свежей, и славно ею отужинали, перемежая с малосольными огурчиками.

Аркашка

Аркадия всегда звали Аркашкой, и никак иначе. Высокий, нескладный, с длинным мокрым носом и мутными глазами, был он личностью противоречивой. И никто не мог разгадать, что в образе его подлинное, а что – шутовство. То он морщился, то хмурился, то криво улыбался, то хохотал ни с того ни с сего. Говорил одно, а делал другое. Непонятно, как отслужил срочную службу в армии, как общался с друзьями. Незнакомым представлялся:

- *Подполковник КГБ. В данный момент приставлен следить за вами, шпионом Монголии, – и высвистывал одной ноздрей посиневшему от ужаса визави «Наша служба и опасна, и трудна...»*

Сторожил склад взрывчатки, к которому мало кто рисковал приближаться, разве что пес бродячий подбежит, задрав хвост, да, понюхав опасливо окрестность, отбежит вскоре. Что Аркашка делал в одиночестве на своем опасном складе, никто не знал. Скука же смертная? Возможно, такая тоскливая работа толкала нашего сторожа на грубые розыгрыши, или, говоря выпендренно - эпатажные поступки. Например, садился на надутый шарик и скакал на нем, или снимал штаны при дамах, - а под ними вторые и третьи, - выворачивал зверски белки глаз, менял голос с низкой октавы на высокую, здоровался с кошками и собаками... Люди охали и ахали, и советовали Аркашке весело:

- *Женись, Аркашка, образумишься, будешь человеком, а не придурком.*

- *У меня высокие требования, - отвечал тот, выворачивая правый глаз и раздувая волосатые ноздри, - ищу молоденькую нетронутую девушку, высокоморальную красавицу, и только так! Чтобы дочь профессора была или академика.*

- *Ну да, ну да! Какая дурочка пойдет за тебя? Никудышний ты типаж.*

И правда, такой красивой дурочки не нашлось, зато проявилась вдова – обрусевшая молдаванка Марьяна с четырьмя сыновьями. Вскоре, предъявляя свою толстую жену друзьям, - все официально, через ЗАГС, - Аркашка сказал:

- *А что? Готовые пацаны, сопли вытирать не надо. Здорово же? Не у каждого столько!*

А ведь ранее утверждал, что ребятню не любит, просто не терпит.

Через год семейной жизни возрастная жена родила совместного сына:

- *Ничего, не помешает до кучи, где четыре, там и пятый вырастет, да и теща поможет.*

Дома находиться Аркадий категорически не мог, и ставил свою супругу в тупик:

- *Куда опять намылился? На работу или к другу?*

- *На кудыкину гору... - и уходил.*

Иногда втайне ездил на рыбалку. Рыбачок был никакой, а посидеть – помечтать на природе с папироской любил.

- Аркаша, - возмутилась как-то жена, - почему врешь мне всегда? Скрываешь все от меня, ты - как сундук, полный моли.

Мужчина задумчиво вывалил язык, пошевелил им, затем затянул лопату в рот и сказал медленно:

- А почему я, мужик, отец пятерых детей, должен докладывать бабе? Я люблю свободу, вот и весь мой сказ. Кормилец я, уважай царя в семье!

- Ты отец одного сына, между прочим, и всегда в долгах. Цари в долгах не бывают.

- А это, дорогая, мое хобби: люблю занимать, а потом отдавать, что тут такого? Зарплата сторожа маленькая, а кормить пяток деток и одну жирную бабицу - дело сложное.

- Жить с тобой, лентяем, это действительно очень сложно, сынов бы постыдился, - крикнула Марьяна, распаяясь. – Обещал огород трактором вспахать, а вместо того шлялся где-то целую неделю. Где ты был?

- У брата гостил.

- Я звонила, брат тебя не видел полгода!

- Он забыл. У него с головой плохо. Стукнулся о тыкву. Полосатую, сорт такой.

- Я уйду от тебя, - сказала женщина, и заплакала.

- Кому ты нужна с пятью двоичниками? – удивился Аркашка и выпучил левый глаз. – Все переменится к лучшему, - сказал, и опять ушел в неизвестность.

Жена работала на двух работах, а теща сидела с детьми, огородом, поросятами, и курами.

- Аркаша, - сказала устало бабка как-то зятю, - прошу, поищи более денежную работу, доча-то моя убивается на двух местах, а так на тебя надеялась-то? Жена тебе все же, пожалел бы ее.

- Я с детства читать книжки люблю, - строго сказал Аркадий, глядя не на тещу, а в потолок, - люблю читать, понимаете? Вы с дочей своей, на двоих, хотя бы один букварь освоили, а?

Теща ответствовала тихо:

- Освоили, мил дружок. Это у тебя 8 классов с коридорами, а я десятилетку окончила, а Марьяша – техникум.

- Да? А кругозора никакого! Книги надо читать, в них вся сила! Самообразование! Книги – это свет, а тещи – это тьма. Вот сейчас, к примеру, читаю одну очень мудрую книжицу под названием: "Почему все бабы дурынды страшные, а мужчины - умные кузнечики?" профессора Дудница. Еврей такой.

Зашла Марьяна, поглядела на вытянутое мамкино лицо, вклинулась в разговор:

- Ты не обижайся, Аркадий, но скажу честно: я устала от этой твоей демагогии, образованный ты наш. Вот так, как сейчас, даже я, со своими двоичниками, жить не хочу. Хочу в нормальных условиях, как люди, обретаться, а не приживалкой у моей матери старой, ей покой нужен, а детей – пять, шум и гам, то дерутся, то плачут. И ты тут еще, со своим аппетитом и дурацкими гри масами. Не смешно. Уходи от нас, ладно?

Что-то неуловимо изменилось в лице Аркашки, он стал деловым, что ли, перестал шевелить ушами, сел на стул:

- *Ладно, Марьяша, прости, успокойся, все будет хорошо. Скоро будем жить в хорошем доме с садом.* – При этих словах шея у тещи вытянулась, как у гусыни, и окаменела. – *Ну, правда, чуток осталось.*

- *Ой, насмешил, суслик ушастый! Давай, сними штаны еще, помаши причиндалами, чтобы нам всем веселее было!*

- *Я копил деньги, и давно на подработке. Не только сторожем, но и на ремонте квартир. Плюс как-то выиграл джекпот в лотерею. Я серьезно занимался этим делом, ну, поверьте мне, девочки!*

У Марьяны в зобу сперло дыхание, три минуты она не могла выговорить ни слова, а потом выдохнула:

- *Правда? Какой ты у меня молодец! Принц мой белоснежный! Красавец мой таинственный! Мужик мой работающий! Сокол мой быстроекрылый! Дай, расцелую тебя!*

Аркашка хотел издать какой-нибудь смешной звук по привычке, но сильные мощные руки жены уже обхватили его, притянули к губам, он деланно смутился и передумал: все-таки отец такого большого семейства и владелец дома с садом должен быть более серьезным! Разве не так?!

Японский городской

Георгий, то есть Гоша, рос без отца. Родитель, конечно, был, но увлекался не детьми от четырех жен, их кормлением и воспитанием, а алкоголем и болтологией, работать не любил. Обычно бездельничал, лежа в сени виноградных лоз материнского дома, и читал потрепанные книжки, покуривая сладкую сигаретку. В общем, сибарит, любимыми выражениями которого были «японский городской» и «не комильфо». О японском полицейском Цудо Сандзо, напавшем 11 мая на цесаревича Николая II, и рубанувшем наследника по черепу саблей, папаша вычитал когда – то в юности и странным образом проникся этим событием, а на языке навсегда повисло выражение «японский городской». «Не комильфо» он услышал от первой пассии, и потому женился сразу, сочтя, что подруга достаточно образована, чтобы стать ему парой. Позже, впрочем, бросил без сожаления, но Гошка, толком не запомнив отца, усвоил выражение про городского и произносил его экзальтированно, нахально, и с вызовом:

- *Японский! Городской!* - и поднимал палец вверх. А что, надо ценить словесное «наследство» от родителя, каким бы оно ни было мизерным.

Школьником Гоша сбегал с уроков, - науки его не интересовали, - и учился курить. Кое – как одолел 9 классов, далее, спустя время, забрали в армию. Служил в Мурманской области, где в основном чистил снег, красил траву в зеленый цвет и дрался с сослуживцами на табуретках. Несколько раз в перерывах между этими важными занятиями старшины давали солдатикам поддержать в руках деревянный макет автомата, и сказать: «*Тра-та-та! Пух! Пах! Враг убит!*». Гошке это нравилось; все, как в сопливом детстве, словно вернулся назад, и балдеешь с детьми в песочнице. Еду давали скудную, но Георгий и с мамкой не особенно роскошествовал, потому приучился любить хлеб без ничего. Хлеба ломоть и чая пол-литра, вот и сыт.

На службе неожиданно быстро вырос и превратился в здорового детину, красотой и ростом пошел в мать, так что после армии пользовался у девчат немалым спросом. Эта странная метаморфоза поразила соседей, знавших парня еще постреленком:

- Ну и ну, - говорили. – *Даже нос из кнопки превратился в римский. Бывает же такое? Был воробышко, а стал орел!*

Орел шоферил, подрабатывал на море спасателем. Как-то подхватил мальчонку 3-х лет на полузатопленном матрасе.

- *Японский городской!* – прокомментировал, - *детей малых берут в море, безмозглые взрослые!* – (Тучная бабка соскользнула с матраса, надеясь спасти внука, и потонула, конечно).

В другой раз вытащил девчушку, тягун поволок:

- *Куда смотрят родители!* - возмущался громко, - *японский городской! Лопают пиво, имбицилы, за ребятей не смотрят, жалко их, беспризорных...*

- *Чтобы не жалеть, своих заведи,* - как-то неосмотрительно заметила мать.

- *Придет время, заведу!*

Пришло это время, да уж: в доме появилась некрасивая женщина, в годах, для знакомства с мамашей жениха. Встала на пороге и принялась изучать потолок. По шее струились тонкие морщинки.

- *Вот Лиза, моя невеста,* - сказал Георгий нежно, - *правда, мам, классная тетка она у меня?*

Мама что-то промычала, а после ухода снохи страшно возмутилась:

- *Тебе что, сынок, девок не хватает? Все побережье ими усыпано?! Любую пальцем помани?*

Гриша присел на стул:

- *Мне ее жалко, ма, ну, японский городской? Кто ж ее возьмет, такую страшенькую и староватую, да еще с двумя детьми? Два пацана у нее, Алешка и Олежка, от двух предыдущих мужей, грека и армянина, симпатичные детки, им папка нужен.*

Мать еле не грохнулась в обморок: будучи редкой красавицей, изящной и полной тонкого вкуса, она и в людях любила эту голубую кровь, артистизм, образованность, чувственность, хорошие данные, гармонию, а тут что?

«*Старая корова,* - *подумала она с горечью,* - *куда катится этот мир? Бесстыдство полнейшее, ни нравственности, ни морали; завлекла мальчишку и задрала голову. Все навыворот! Господи, верни Домострой!*». А вслух, еле сдерживаясь:

- *Еще и с детьми? Ты определенно сошел с ума. Сам еще ребенок: под подушкой машинки прячешь. От кого она их нагуляла, чад своих?*

- *Ничего не нагуляла, мам, официальные браки, все нормально. Было еще два, но там детей не завелось. Ну, не открывай ты так рот, пацаны хорошие, я с ними играюсь, и Лиза очень добрая. Она медсестра, сердце у нее одинокое, мы друг друга, может, искали? Любовь у нас, может, вечная? А, японский городской?*

И впрягся Гоша в работу, семья как-никак, дети. Некрасивая Лиза имела легкий характер, щедрую душу. Уступчивая и милая, и Гоша полюбил ее искренне. Уходя на смену, оставлял ей записочку непременно: «*Дорогая Лизонька, три маленьких и больших поцелуя чмок – чмок-чмок, КРЕПКО – КРЕПКО! Дом убрал, хлеба купил, позвоню, если будет время. Береги себя и сынков. Ваш папка*».

Гоша познакомился с Лизой на приеме терапевта: заболел желудок, мучила мигрень. Это, знал, результат службы: простуда, плохое питание, и странные непроизводительные занятия на свежем воздухе.

Дети пошли в школу, они были погодки, но Олежка слабоват, и потому оба сели в первый класс. У Гоши проявился еще и радикулит, «молодые» поднапряглись и купили в кредит подержанную машину, чтобы где-то проехать, а не тащиться пешком с руками, опутанными сумками и детьми.

- *Это хорошо*, - сказала мать Лизы, - *машина-то, домик бы вам еще, или квартиру, а то снимаете жилье, а это дорого и тесно.*

- *Работаем, мама, над этим*, - хором заметили Лиза с Гошей, - *да зарплаты никакие.*

Но работали не только над «этим», но и над «другим», ибо скоро родился совместный киндер, опять сын, желанный и последний, видимо, Елизаветы. Рождался он нелегко и больно, и Лиза, в потугах, не раз вспоминала Сарру, жену Авраамову, которую сподобил Господь понести на старости лет Исаака. И шептала искусанными губами:

- *Господи, помоги!*

Гоша от радости чуть не рехнулся. С того самого часа, как стал отцом, он решил всего себя посвятить сыну, и, памятуя о своем обездоленном детстве, стал отцом - наседкой. Он прирос к ребенку. Мать для кормления отбирала Тишку у Георгия силой, тот не спускал его с рук. Обласканный малыш очень рано стал ходить, читать, помогать по дому. Крохотный, а уже тянет ручонки к молотку: дай, помогу, отец! Или у ног матери вьется, просит помыть чашечку.

Так прошло три года. И грянула мобилизация. С этого сентябрьского дня в молодой семье не стало покоя, страх поселился в каждом углу. Георгий перестал спать. Болезни обострились. Каждый день ждал повестку, вздрагивал, если звонили в дверь, или тренькал телефон. Бабка утопала в слезах, в конце концов, не выдержала накала, и ушла в монастырь.

- *Вот уже троих забрали из нашей бригады, японский городовой, видно, я на очереди*, - заявил жене ночью.

- *Гоша, ты успокойся или уж иди на эту операцию.*

- *Ты думаешь, что говоришь, Лиза? Кто будет кормить вас, платить кредиты? Ты одна не вытянешь.*

- *Не вижу выхода, дорогой. Страх ожидания страшнее всего на свете. Может, и убьют тебя, но люди и вообще умирают, даже малые, даже младенцы. Это уж как Бог управит.*

Лиза не умела хорошо говорить, она хотела донести мысль, что если не удастся вернуться от удара, и он вскоре тебя настигнет, то стоит ли бегать вообще?

- *Целый год живем как на вулкане, ты испереживался весь, язва обострилась. Иди, а я молиться буду*, - продолжила жена, глядя Гошу по спине теплой ладонью.

- *Может и так*, - вздохнул Георгий, блестя в темноте глазами, - *убежать не смогу, - нет денег, да и патриот я.*

За патриотом пришли на работу через неделю, принудили подписать контракт. Дома воин сказал жене:

- *Вот и все, моя дорогая Лиза! Завтра отправляюсь! Береги себя и пацанов, не плачь, и им не позволяй, все будет нормалёк.*

Подбжевавший Тишка понял что-то; сморщил носик, завлажнел глазками, притиснулся к ноге отца, на что тот, не удержавшись, прикрикнул:

- *Отставить слезы! Это нынче не комильфо! Папка ваш нигде не пропадет, он, это... не японский городовой!*

Кротость – свойство людей сильных

Клавдия Степановна до войны командовала крупным ленинградским универмагом. Блокада круто изменила её жизнь: мужа арестовали. И вот, молодая, умная и красивая женщина осталась одна с тремя детьми, младшему на начало войны исполнилось полтора года. Пережила эвакуацию в далекий, незнакомый, продуваемый ветрами Казахстан. Поселили у самой китайской границы, в места холодные, Богом забытые. Как в стихах:

Занесла меня судьбина

в такую глушь -

Нет ни деревца, ни тына -

солонцы да сушь.

Средняя дочка, Надя, постоянно болела ангиной, ей бы в Крыму жить, а не в этом глухом крае. Благо, в деревне оказалась знающая докторша, тоже из Ленинграда:

- Клавочка, если Надюша доживет до 17-и лет, будет жить и дальше, надо постараться! – Вот и тянули две женщины девчужку до семнадцати.

Жили в деревянном домике с печкой, топить зимой ее надо было постоянно, чтобы детям было тепло, особенно болящей. Дровами не особо разживешься, больше кизяки в ход шли, а они быстро прогорают. Старшая, Валентина, уже закончила десятилетку и решила учиться на педагога, а за братом присматривала Надя. Клавдия Степановна заведовала магазином, единственным в деревне, где продавалось все: керосин соседствовал с хомутами, крупы с гвоздями, мыло с ведрами. Интеллигентную заведующую уважали местные, в деревне никто её не называл женой врага народа, сочувственно смотрели, тепло здоровались. А Наде становилось все хуже и хуже, и врачиха добилась перемены места жительства. Переехала Клавдия в пределах того же Казахстана, но в городок с более щадящим климатом. Там Наде минуло 17 лет, и она расцвела. Глаза – озера синие, коса до полу. Окончила среднюю школу, да и уехала в Среднюю Азию учиться в техникум, поближе к теплу. Клавдия Степановна выдохнула: кризис миновал. Подрастал сын Борис. Старшая Валентина была уже замужем, работала директором школы. Бабушка на пенсии помогала дочери нянчить трех внуков. Дочь – директор, и зять – начальник на производстве, а Клавдия Степановна – дома командует, все хозяйство на ней, и внуки, конечно. Приехала Наденька, окончив учебу: ей через месяц на работу по распределению.

Мать не могла наглядеться на дочь свою умницу и красавицу писаную, но тут увидела вещий сон, и содрогнулась, пытаясь забыть его. Вечером, после бани, Наде стало плохо: температура, тошнота. Увезли в больницу, но на третий день ей стало нестерпимо больно, умерла мгновенно: кровоизлияние. Клавдия не выла, не стенала, волос с головы не рвала, только почернела, да поселилась в сухих глазах печаль извечная.

- Бог дал, Бог и взял, - отвечала строго на соболезнования людям, отворачивалась и быстро уходила.

Остался с матерью сын Борис, жениться не хотел, хотя злые языки поговаривали, что на стороне у него имеется ребенок. Он дружил с одноклассницей, и мать особо за него не беспокоилась.

Однажды эта красивая парочка, Борис и Елена, возвращалась с последнего сеанса кино. Держались за руки, светила луна, было лето:

- *Ой!* – вскрикнула девушка. – *Как же, Борька, тут хорошо! Пойдем садами-огородами, по травушке пушистой!*

Тут со стороны прилетел камень и угодил Борису в висок, тот рухнул, и больше не встал. Пронзительный девичий крик разрезал тишину пополам. Клавдия Степановна сама убрала сына, организовала похороны и обед. Она ничего не упустила, ничего не забыла, душа-то плакала и билась, но кто видел это? Однако окружающие Клаву люди оценили эту выдержку и стойкость, поразились. Будучи атеисткой, заявила твердо:

- *Значит, так угодно Богу, не моя воля, но ЕГО!*

Правильно сказал когда-то Квинт Тертуллиан: *«душа по природе – христианка».*

Теперь на семейном, так сказать, балансе, осталась только старшая Валентина с зятем и тремя детьми. Клавдия и суетилась с тройным усердием - варила вкусные обеды для четверых мужчин, заготавливала варенья-компоты, стирала, копалась на даче, следила за внуками. Дел невпроворот, только успевай. Мальчишки свою бабушку просто обожали, без нее – ни шагу, помощники и юмористы. Клавдия никогда не жаловалась на судьбу, что в мирной жизни лишилась мужа и двоих детей. Утешала плачущих, давала займы всегда, что было, никогда и ни с кем не сплетничала, не лезла в отношения дочери, была доброжелательна и трудолюбива.

Особо привязалась к младшему внуку Игорю, которого в семье звали Егорка. Он родился, когда оба старших брата уже прилично подросли. И его, последыша, да еще красивенького, как красно солнышко, любили все. В пятилетнем возрасте попросил отвести себя в церковь и крестить. Родители пришли в громадное недоумение: откуда у мальчишки такое странное желание? Может, подговорил кто, сынок, а? Но тот молчал, и уперся, и плакал, и бился, пока на его тоненькой шее не заблестал малюсенький крестик. Однако родители старались одевать сыну рубашечки с высоким воротом, абы кто из людей не прознал, не донес.

Пролетели 17 лет. Игорек отправился в Ленинград поступать в Университет. И поступил. Каникулы проводил с бабушкой, которая была все еще деловитая и разумная. Все также хозяйничала на кухне, сооружая любимому внуку отбивные котлеты. Закончил Игорь учебу, по традиции ребята-сокурсники, теперь уже готовые геологи, решили в общежитии устроить вечеринку. Игорь не пил вина, он вообще не пил, но курил с недавнего времени. Он вышел из парадного, прислонился к стенке и закурил. Это видел один из знакомых, который поздоровался с ним. Прошел час, другой, ребята забеспокоились: где Егорка? Походили по комнатам, поспрашивали. Услышали звук сирены «Скорой помощи», выбежали. Игорь лежал у стены мертвый, с ножом в груди.

Отец хоронил сына там же, в столице на Неве. Мать Валентина от горя слегла. Клавдия Степановна ничего не говорила, он сомкнула губы в тонкую скобку и страдала молча. Механически ополаскивая чашки под журчащей водой, думала о скорой встрече с дочкой, мужем, сыном, внуком.

«Я скоро, любимые. Вы только подождите...»

И я, когда вспоминаю об этой своей давней знакомой, всегда думаю: *не о таких ли вот смиренных, как Клавдия Степановна, людях, говорил Господь наш - «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю»* (Мф. 5: 5)

Цветок жизни

Варвара Сергеевна возвращалась в Москву, где жили ее дети, с 4-летним внуком. Лето, жара, поезд. В купе расположилась полная молодая дама, она деловито поглощала лапшу «Доширак» с половиной батона колбасы. Косо и недоброжелательно встретила она новых попутчиков, и, надув пухлые губки, изрекла, сверля взглядом мальчонку:

- Между прочим, с детьми есть отдельное купе, понарожают такие вот бабушки внуков, и потом отдохнуть не дают приличным людям...

Варвара Степановна промолчала, застывая нижнюю полку, а внучок осваивал замкнутое пространство: двигал дверями купе, залез ногами на столик, опрокинул тёткин «Доширак», пытался поскакать на чемодане, но воткнулся в стойку столика и тихо заплакал. Быстро высох от слез и заявил громко:

- Тут плохое доЛожное движение!

- Не ребенок, а чертенюк, - вспыхнула толстая дама, понаблюдав три минуты за активными действиями мальчика, и, стряхивая лапшичку с колен, *- не воспитываете мальчика, потому он егоза у вас и шалун!!!*

Бабушка не выдержала:

- Не сердитесь! Дети есть дети, для них жизнь – это движение! Это цветы жизни, между прочим!

- Нет, - не согласилась женщина, *- ваш внучок - исключение, репей придорожный, такие только ремень понимают.*

Чтобы смягчить обстановку, бабушка представилась:

- Меня зовут Варвара Степановна, а вас?

- Да Римма я, - буркнула та.

- Риммочка, у вас есть, наверняка, свои дети, и вы понимаете, что вагон - не лучшее для них место.

- У меня нет детей! – с вызовом, почти крикнула, *- хотя я замужем не первый год.*

После чего сердитая соседка отвернулась к стене, а малыш приступил к трапезе. Весь вечер внук носился туда-сюда по всем купе, знакомясь с людьми, а Варвара стояла в коридоре у окна.

Спать улеглись на полке вдвоем, внучок вздрагивал и вертелся, а бабушка накрывала его одеялом. Она не спала совсем, то сидела, то ложилась «валетом», то прохаживалась по спящему коридору. Римма храпела, как казак в русско-турецкую.

Утро началось по накатанной: внучок ни минуты не сидел спокойно, даже покусился на шоколадку Риммы, что совсем было неэтично, но он делал это с провокацией, пытаясь обратить на себя внимание, подружиться таким вот маневром. Варвара же Степановна боролась со сном, часто моргая и ерзая. Она уже не бегала за внуком; силы оставили её, она думала: *«Никуда не денется, двери наружу заперты».*

И окончательно провалилась в сон. Падая на дно пропасти, покрытой чем-то волнующе-мягким, она услышала, как попутчица сказала:

- А ну, малыши, тащи свою машинку, будем грузить песок!

Сашулька заинтересовался: песка же не было. Он принес свою маленькую облезлую машинку, и на столе появилась «строительная площадка». Руки Риммы стали ковшом экскаватора, а также краном, и бульдозером. Грузили сахар – песок из пакетиков, и работа закипела. Виртуозные движения рук полной тетеньки завораживали малыша, а команды сыпались одна за другой. Виртуальная игра захватила обоих, пока бабушка спала, неудобно прилепившись к стене. Находчивая Римма, как грамотный прораб, задействовала все, что было под рукой. Не только сахар, но и чай, ручку, тюбик помады (газовая труба), салфетки, заколки, обертки конфет (целлюлоза), и сами конфеты (обед для работников стройки)...

Она громко и властно руководила работами, на ходу выдумывая разнообразные экстренные ситуации: аварии, пожар, ремонт, недопоставки стройматериалов. Разными голосами озвучивала персонажей:

- *Водитель молодец, выдать премию! Грузчика уволить, разбил стекло!*

- *Не надо грузчика, он хороший,* - подыгрывал маленький Саша, улыбаясь, - *а, тетя Римма?!*

- *Грузчика не увольнять, он хороший! Но не давать зарплату никогда, пусть работает задаром!*

Они смеялись, взрослый да малый, пихали друг друга локтями, и написали на салфетке докладную директору, чтобы обеспечил стройку новым автотранспортом. Крупными печатными буквами Сашок намалевал под диктовку: *Директору. Просим прислать нам сто больших машин, а то стройка встанет. И тогда вас, как негодного начальника и жулика, посадят в Колыму.*

Сердитые работяги.

Тем временем бабушка проснулась, наступила пора обеда. Внук трепетал: он был полон новых больших проектов и желаний.

- *Успокойся, Александр Дмитрич,* - сказала прораб Римма сопливому руководству, - *ешь, после обеда начнем возведение аэропорта.*

Сашок поел и стал засыпать, а Римма принялась сооружать из бумаги стаи самолетиков.

- *Вы отдохайте,* - сказала миролюбиво Варваре Степановне, - *а мы с Сашей, когда проснется, то и поиграем, и погуляем. Нам тут в Токио слетать надо!*

Вторая половина дня прошла для бабушки мирно и безболезненно: Саша был плотно занят Риммой. Он висел на ее шее, пока они «летали» в Токио и Сингапур. Потом они поплыли на Бермуды. Потом достроили аэропорт и космодром и улетели на Луну. На Луне астронавтов встретили недружелюбные кракозябры, но получили отпор. Поэтому оттуда парочка вернулась усталая и почему-то перепачканная мороженым. После этого был ужин. Сашок сидел на полных коленях Риммы и гладил ее за щеку:

- *Теть Римм, давай вместе жить? Нам бабушка мешать не будет.*

Римма закашлялась. Подмигнув Варваре Степановне, сказала малышу:

- *Я приеду к вам, но попозже, а сейчас меня дядя ждет и собачка. Дядя плакать будет, он соскучился.*

- *И собачка заплачет?*

- *Да.*

Потом женщина виновато посмотрела на Варвару:

- *Варвара Степановна, простите меня за грубость, ладно? Спасибо вам за внука, он просто прелесть. Одуванчик, цветочек, конфетка жизни. Скрасил мою поездку, давно я так не веселилась!*

Не сотвори из себя кумира

Людмила Гавриловна родилась и состарилась в Алма – Ате. Единственный ребенок в благополучной семье был обласкан до невозможности. Ее судьба с точки зрения обывателей была яркой, как солнце: все вокруг Людмилы светилось и переливалось, преследовала Удача, сопровождали Успехи, не отлипала Фортуна, и вся их наемная свита со всеми возможными привилегиями. Школа и институт - с золотыми медалями, разумеется, как похвально окончена и музыкальная академия. Образчик «золотой» девушки распределился в министерство, на вполне себе уютный пост. Министром на стала, как Екатерина Фурцева, но мало чем ей уступала по красоте, обаянию и обожанию, занимая пост начальника крупного отдела по импорту – экспорту. А что в далекие времена СССР такой пост распределителя благ? Да все! И ты сам в шоколаде - на шее нить натурального жемчуга, на ногах – французские сапожки, дубленочка из Швеции, парфюм из Италии. И все мужики сворачивают шеи за этим шлейфом Tiziana Terenzi, и проклинают своих жен, которые, ясно, до такой небесной красоты и «пахучести» не дотягивают. Поначалу неистово путешествовала, не была разве только в Антарктиде и на Аляске, - не захотелось: холодно. Потом остепенилась, покрутила головой в поисках кавалеров и вышла замуж по расчету, за вдовца – коллекционера. Детей не планировала с юности. Поселилась в красивой квартире мужа, похожей на музей. Медленно плавая, как в аквариуме, среди венецианских зеркал и картин кистей Джотто и Мазаччо, она прикрикивала на прислугу, яростно натиравшую антиквариат и готовившую изысканные яства. Сама же в своей счастливой жизни не вымыла ни одной тарелки, не купила ни буханки хлеба, не почистила ни одной картофелины. На работе – успехи, да премии, в личной жизни - стабильность и роскошь. Муж баловал молодую яркую жену, ни в чем не отказывал: шкафы ломались от шуб и костюмов, а пальцев не хватало для колец с бриллиантами. Людмила по этому поводу часто предсказуемо шутила:

- Хоть еще десяток пальчиков пришивай, правда, же, Котя?

Живи, да радуйся, как говорится. Но... Бывает и у богатых это самое «но».

Грянула перестройка, а потом и развал СССР. Все это внесло хаос в общественную и личную жизнь. Пожилой муж не выдержал потрясений и скоростно скончался, только его и видели. Старая, испытанная честная домработница уехала к детям в Россию, а Людмила осталась одна, без мужа, служанок, удачи и счастья. Отдел ее сократили, а саму отправили на пенсию. Женщина перебивалась сухомятиной: готовить не умела и не хотела: не комильфо. Часто кто – то стучал в дверь, в глазок Люда видела местных ребят, кричавших оскорбления и царапающих дверь перочинными ножами. Мир летел в тартарары, и как было удержаться? Звонил по ночам телефон с требованиями отдать квартиру, страшные угрозы произносили каждый раз разные голоса, и казалось, что весь мир против тебя, все желают смерти. Людмила Гавриловна исхудала, опала лицом, потеряла сон, и дрожала, как суслик. Зашторила окна, на дверь навесила цепей, а соседка сверху спускала корзину с продуктами. В дверь стали не просто стучать, а ломиться. Терпела- терпела, да и отправилась утречком в милицию писать заявление. Дежурный устало и сухо пообещал прислать патруль, но не сказал, когда. В городе было неспокойно: шел процесс отнятия и дележа квартир и домов, брошенных утекавшими русскими. А тут не только квартира, но и богатство неисчислимое, Людмила обоснованно боялась. Спустя недели две пришла женщина в форме. Людмила описала ситуацию со слезой, вплоть до деталей: что сидит на хлебе и воде, что от стресса сильно постарела, и что выпали с испугу волосы, и открылась диарея.

- Диарей, - повторила она, - *прямо-таки очень сильная... разноцветная, даже...*

Женщина в форме, Марина, невозмутимо все выслушала за чашкой кофе, который сама и сварила, обошла квартиру, рассказала о мародерстве, и пообещала помочь.

Стала приходить раз в неделю, успокаивала, закупала кое- что из продуктов, быстро варила каши и киселя. Людмила рассказала всю свою красивую жизнь, показала кольца, шубы и мебель.

- *А вот зеркальце от Лукреции Борджиа, род такой из Валенсии, если не путаю...* - и Людмила покрутила в руках историческую реликвию, тонкую, изящнейшую вещь, через века оказавшуюся вместо резиденции известных отравителей в центре Азии, в квартире, опутанной угрозами и мстостью со стороны бывших кочевников и скотоводов.

Марина сделала проникновенное лицо, хотя ей плевать было на старину, а вот денежный эквивалент этой рухляди весьма заинтересовал.

Через полгода Людмила Гавриловна, под неусыпной опекой милиционерши Марины слегка успокоилась, доверилась и даже поправилась на полкило, и считала недавно чужую женщину родной душой.

- *Людмила Гавриловна, я вам принесла российские газеты, почитайте объявления об опеке над старушками, возможно, какой вариант вам и подойдет?*

В следующий раз то же самое: *«Почитали, Гавриловна? Интересный вариант с Анапой. Курорт, тепло, красивый особняк, своя комната. И, представьте, на всё готовом! И пенсия – ваша! Никто не отберет! Устроить вам?»*

- *Да-да, Мариночка, мне это объявление пришлось по душе, но я думаю, думаю. Я ведь за это время стала верующей. Вот и думаю, что вас мне Бог послал. А что с отъездом?*

- *О, не волнуйтесь! Я все устрою: пенсию переведу, билеты куплю, чемодан вам загрузу, на самолет посажу. Вот телефон, поговорите с вашей анапской опекуницей:*

- *Але, -* проскрипела Людмила Гавриловна, - *это Анапа? Галина Николаевна? Очень, знаете ли, приятно!*

И начались сборы.

- *Мариночка, а как моя квартира? И все добро в ней?*

- *Да не волнуйтесь вы! Когда получите российское гражданство, с опекуницей продадите всё, а денежки на ваш счет плюхнутся, опять будете путешествовать, жить припеваючи, знаете, на таких больших круизных лайнерах кататься туда – сюда... Заживете, ох, и заживете!*

Людмила Гавриловна улыбнулась: а что? Она и должна зажить хорошо, родилась для этого, и это справедливо. Собрала халатики и купальники в чемодан, Марина увезла ее в аэропорт.

Галина Николаевна, пахнущая жаром и арбузами, встретила ласково, обнимала, хохотала, угощала. *«Очень колоритная: сильная, усатая, черноглазая, -* думала Людмила. – *Хороший человек».*

Комната на 2-ом этаже была приличной, обставлена всем, вплоть до холодильника. Последующие полгода прошли сносно, опекаемая столовалась вместе с хозяевами, но Галина уже не обнималась, и не улыбалась, пенсию оставляла себе, велела самой постоялице убирать комнату и мыть посуду. Потом две женщины разругались, Галина Николаевна толкнула Гавриловну, та упала и разбила ухо. Долго плакала, потому что и ухо жалко, и в жизни с ней таких вещей не происходило. Теперь Людмила варила себе гречку на электроплитке, с хозяйкой не общалась.

Никакого гражданства Галина не собиралась оформлять, о чем нагло сообщила Людмиле, собирающейся вернуться в Алма – Ату. Но тут старуха узнала, что Марина – дочь ее хозяйки и не только заняла квартиру, но и оформила ее на себя! Она побежала к «Галке» и назвала ее мошенницей. Та, однако, обиделась, и перестала пускать ее в церковь, запирала на ночь. Людмила договорилась с соседкой в обход Галины, и та грузила ей корзинку с продуктами, потом и это лавочку хозяйка прикрыла. Как – то жарким днем Людмила сбежала, а каким образом – никто не ведает. Говорят, ее видели в местной Церкви, разговаривающей с батюшкой. Отец Иоанн никогда не рассказывал, куда отправил Людмилу Гавриловну. Но одной прихожанке, духовно близкой, по секрету шепнул:

- Каждый человек – источник своих бед. Жалко женщину, совсем запуталась. Отправил туда, - и махнул рукой. – Пока есть время, пусть кается. Много грешила, в гордыне вся. И ты иди, дорогая, все тебе знать надо. Узнала? Так иди, и не болтай никому. Молись, да Бога не забывай!

И ушел.

Mein Gott

- Открывать! Открывать! – кричала обезумевшая Ирма, *- o! Mein Gott!* – мой Генрих там, на вокзал! *Открывать дверь! bitte schön!* – и трепала за куртку проводницу. Между тем бездушный поезд набирал скорость. Слезы текли ручьем по щекам женщины.

- Да замолчи ты, наконец! Вережишь как резаное порося, позову бригадира, - вырывалась та из цепких рук немки.

- Ну, чего тебе? – недовольно спросил огромный детина. – Ирма, плача и сморкаясь, сбивчиво поведала свое горе: они, втроём, как депортированные немцы, ехали из Поволжья в Казахстан, а муж Генрих сошел на остановке, чтобы обменять золотые сережки на хлеб, а вот поезд ушел, и что делать? Не успел, остался...

- Никуда не денется твой Генрих, чай, не ребенок, а ты не истери, замолчи, не то высажу и будешь бежать по рельсам, задрыга. Или еще хуже: объявлю шпионкой, тогда и бежать не придется, - пойдешь к стенке за пулей, а потом к своему немецкому Богу, рвать эдельвейсы на лугах вышних, немчура проклятая. – Изрек все это, и ушел.

Ирма поплелась на свое место, где ее дожидалась зареванная сестра Эрика. Она тихо прошептала на немецком: *«Пока я пялилась в окно, и пыталась открыть форточку, чтобы позвать Генриха, кто-то украл наш чемоданчик с документами и сменой белья...»*

Ушла толстая баба по соседству ехидно высказалась:

- Индо это еще хорошо, что ваш узел с верхней полки не сперли!

- Schweine! (Свиньи!) – только и могла сказать Ирма, пряча в пальто сопливый платок.

Сестры затихли, так как шла война, и немцев ненавидели. Женщин привезли в большой областной город, но за отсутствием документов сплывили в деревню. Поначалу пришлось нелегко: жили в землянке, ели мороженую картошку, а потом Ирму пригласили в школу преподавать немецкий язык, но при условии смены имени. Так бойкая и энергичная Ирма стала Ириной Карловной, учительницей, и получила теплый домик с огородом. Эрика убирала навоз на ферме, а запах настолько въелся в нее, что даже отпугивал бродячих собак.

- Сестренка, не стой рядом! – просила Ирма, проверяя тетрадки учеников. *- Голова от тебя болит.* – Та обижалась, конечно.

Прошло три года, закончилась война. В деревню приехал инспектор:

- *Nemku ot detej ubrat'!* – рявкнул. – И подписал соответствующую бумагу.

- *Auf Wiedersehen, деревня!* – выдохнули сестры, и перебрались в небольшой шахтерский городок, где для врагинь народа нашлись две «неплохие» должности в туберкулезном диспансере. – Ирма стала кастеляншей, а Эрика или Эмма – нянечкой. Опасаясь заражения, мало кто жаждал работать в этой клинике, и ни сладкие посулы, ни высокие зарплаты не помогали. Но сестрицам деваться некуда, поэтому работали на совесть, и по прошествии времени им выделили комнатенку в трехкомнатной квартире, то есть подселили к семье. Главврач, отец-благодетель Иван Степаныч, хряпнув спиритику, напутствовал новоселов добрым словом:

- *Клиника дарит вам, женщины, две списанные железные кровати, хоть вы и немцы, но тоже люди...*

Сестры жили тихо, как мыши, хозяев не беспокоили, готовили еду на электроплитке в своей комнате, между собой общались только на родном языке, никогда не ссорились и не смеялись. Ирма вздыхала, часто вспоминала своего доброго, неуклюжего мужа, похожего на медвежонка, сроду ничем не обидевшего ее, и любящего беззаветно. *Ох, mein geliebter Gott (мой любимый Бог), был бы жив мой Генрих, как было бы хорошо!*

Но Генриха не было, зато годы накатывались без стеснения, морщилась кожа, седели волосы, побаливали ноги. Обеих сестер отправили на пенсию в 50 лет: вредное производство, так полагалось. У Ирмы пенсия повыше, у Эрики - поменьше. Питались вскладчину, неделю готовит одна, неделю – другая. Ирма иногда подрабатывала за отпускников на прежней работе, - ее просил главврач, - а Эрика вязала крючком кружева, их охотно покупали местные модницы на воскресном базаре. Каждую заработанную копейку опускали в большую фарфоровую свинью. Собирали деньги на обратную дорогу домой, в Поволжье. Хотели умереть там, где родились. Ели мало и ходили на две высохшие доски без сисек. Ни на что не жаловались, всегда улыбались приветливо и по-доброму относились к соседям. Ирма часто повторяла: *«Ich danke Gott für alles!»* (Благодарю Бога за все!).

Что особенно удивляло соседей: сестры всегда вставали очень рано, никогда днем не ложились, кровати стояли заправленные, пол протирался ежедневно, комната проветривалась. Чистюли, в общем. Тихую, молчаливую Эрику (Эмму) часто звали посидеть с детьми.

- *Guten Morgen!* - говорили, чтобы угодить, - *приходите, тетя Эмма, с детьми посидеть.*

- *Хорошо,* - говорила та. Она рада была присмотреть за чужой малышкой, своих-то детей никогда не было.

Никто ни разу не слышал от нее отказа, даже если было давление, или сердце шалило, только поправляла платок на голове, и быстро шла. Сказала как – то сестре:

- *Alles ist durchaus erträglich (Все вполне сносно), но плохо, что кирхи нет.*

Как-то приехал двоюродный брат – офицер из Германии, - нашел по своим каналам, - так, вспомнить лица родственников. Пообщался чуть-чуть, выслушал одиссею сестер, сказал сочувственно:

- *Еле язык ваш понимаю, какой странный он, как незнакомый диалект. Впрочем, неважно... Да, поколбасило вас, дорогие мои тетушки, врагу не пожелаешь. Но что делать, уже и жизнь ваша под уклон, не исправить ничего, старое дерево не пересаживают, тут вам стареть, тут вам и умирать.* – Подкрутил усы, да и уехал. Спасибо, что был.

Еще порог не остыл за гостем, как из больницы звонят, просят Ирму заменить заболевшую кастеляншу. Пошла, что же не пойти? На второй день подваливает к Ирме повариха, говорит:

- *Подь сюда, Ирка! У нас тут больной появился, вроде немчура, как и ты, иди покорми, не ест, шельма, сдохнет же.*

Ирма побежала в палату, долго сидела в ногах больного, похожего на лист фанеры, - серый и плоский, но, то ли тот был в забытьи, то ли просто притворился и видеть никого не хотел. Глаза не открывал, и все. Так бывает, когда хочешь умереть, а тебе не дают.

А потом шевельнулись веки, из-под них полился слабый свет, и Ирма закричала истошно:

- *Nein, nein! Mein Gott, das ist Heinrich! (Нет, нет! Мой Бог, это же Генрих!).*

Все эти 25 лет ее Генрих, милый любимый муж, искал жену, не терял надежду, и она его не подвела!

А потом трое долго плакали, вконец залив пол в комнатушке, но не от жалости к себе ревели, совсем нет, а от счастья, от того, что Бог всегда помнил о них. А позже, когда Генрих поправился, они собрались и уехали в Поволжье, чтобы далее перебраться в Германию, на свою историческую родину.

- *Oh, mein Gott! Wie schön das Leben ist! (О, мой Бог, как прекрасна жизнь!)* – сказала Ирма мужу.

- *Да,* - согласился он. – *Она прекрасна.*

Влюбиться до одури

- *Ты, Кирюша, свободен, можешь уезжать уже сегодня, а дети останутся при мне. Развод устрою на днях,* - сказала ровным голосом жена, прихорашиваясь перед зеркалом. Она была красива особой античной красотой, и знала это.

Кирилл тупо смотрел на жену, не совсем улавливая смысл сказанного. Она была старше, и опытнее, и он привык доверять ей.

- *Почему и зачем?* – наконец разомкнул губы.

- *Меня назначили директором колледжа, а кто ты? Ну, добрый, заботливый, симпатичный, однако этого мало, пойми. Мне нужен статусный мужчина, чтобы не стыдно было перед сослуживцами.*

- *Ах, вон оно что? Статусный! Ищи своего «статуса», раз не нужен Человек. А как же Машка, дочь наша общая?*

- *Встречайся, когда захочешь, я препятствовать не буду. Но помни, что мать для девочки важнее.*

Кирилл уехал в Новороссийск, к родителям. Сказать, что не переживал, - было бы неверно, но работа спасала. Часто вылетал по делам компании. Вот и сейчас загодя приехал в аэропорт, соображая, где бы перекусить в ресторане. От нечего делать равнодушно скользил взглядом по снующим пассажирам и вдруг нечаянно увидел в окошке кассира зеленые глаза. Будто током пронзило, как в юношестве, чувство было такое сильное, что мгновенно промокла спина.

- *Любовь нечаянно нагрянет,* - тоскливо подумал Кирилл, осторожно шевеля плечами, и сбрасывая напряжение, отдышался, и подошел к окошку, где красивая женская головка вопросительно приподняла брови:

- *Билетов на проходящий рейс нет!*

- *Билет есть у меня,* - хрипло произнес он, отошел и присел напротив, забыв про командировку и ресторан. Его самолет улетел, Кирилл дождался конца рабочего дня, а, когда кассир вышла, он подскочил:

- Простите, я ждал вас, хочу подвезти...

- А я вас не знаю, и с незнакомцами, представьте, не езжу, - каблучки застучали к выходу.

- Простите, простите, меня зовут Кирилл, и мне будет приятно подвезти вас до дома, тем более, что по пути. И еще на улице ливень, слышите, как барабанит?

- Хорошо, поедem, - девушка вздохнула.

- Минутку, я весь день вас охранял, чтобы не упустить, и потому так и не перекусил. Давайте сначала в ресторан?

- А зачем вы меня охраняли?

- Вы мне понравились.

- Интересно. А вы мне - нет.

Поехали и поехали.

- Я представился, а вы промолчали. Как вас зовут?

- Тина.

- Первый раз слышу такое имя.

- Это уменьшительное от «Валентина». В честь Терешковой назвали, но я маленькой девочкой не могла выговорить, так что получилось «Тина».

- Прекрасное имя! Тиночка! Прелесть! И вам идет.

Вот так, высадив Тину, и узнал ее адрес.

Теперь Кирилл забирал Тину с работы, подолгу сидел в ее доме, ни о чем и ни о ком не мог думать, только о ней, задыхался от любви, подаривал цветами, коробками конфет. Ревновал сильно, и потому добился ее увольнения. Срочно обзавелся собственным жильем и позвал возлюбленную замуж. Тина, однако, колебалась:

- Мама, не знаю, как быть с женихом. Он мне то нравится, то не нравится. Зовет замуж, говорит странные слова, краснеет и бледнеет, как мальчишка. Какой - то он не ковбой, что ли...

- Разберись, девочка, чем не нравится? С виду неплохой человек, крепко любит тебя, это видно, а ты смеешься над ним.

- Замучил своей любовью, ни шагу без меня, даже по делам ездит со мной. Я уже приросла к нему, я ведь женщина, а не портсигар.

Тут и Кирилл нарисовался:

- Тиночка, едем к моим предкам, собирайся, знакомить буду.

Родителям Тина понравилась:

- Цаца какая, одобряю сынок, - сказал отец, поглядывая на сноху, - правда же, мать?

Мать, натерпевшаяся от мужниных «цац» с три горы, сказала спокойно: Слюни утри, дорогой, ты уже отстрелялся. Сынок, красивая у тебя девочка, но так вроде ты ей не особо нравишься, заметила я. Или просто сдержанная она, непонятно.

Кирилл стал готовиться к свадьбе: купил белый костюм, дорогое кольцо жене и попроще – себе, платье белое, грудь выпятил и позвал в ЗАГС.

-...а я не хочу, - жаловалась Тина сестре, - я могу сомневаться? Заказал портрет мой художнику, говорит: пусть висит перед глазами, чтобы я ни на минуту о тебе не забывал. Маньяк какой – то. А где же гордость мужская? Сколько денег на это художество ухлопал...
- А мне он нравится, - перебила сестра, - мой типаж - авантюрный, честный, пламенный, яркий. Мачо, но с нежным сердцем. Жаль, на меня не смотрит даже...

-Я устаю от него... - ныла Тина, - душа не лежит.

- Жаль. Стерпится – слюбится. Не мы придумали.

Ладно, после долгих раздумий Валентина согласилась зарегистрировать брак. Переехала к мужу.

Поначалу жили мирно. Кирилл, как и прежде, не сбавлял оборотов: дарил цветы, подарки, сам покупал продукты, не отпускал ни на шаг, всегда сопровождал к родителям, - а папаше коньячок прихватывал, - тестя баловал, а сам почти не пил.

А потом начались споры. Тина хотела свободы, бунтовала, хотела на работу и взглядов других мужчин. Она мечтала воссесть на свое царственное место в касе - охраняемом дворце, - и поглядывать на весь мужской мир томно, как гаремная красавица. Она прибегала домой, под крыло матушки и шептала ей про свою несчастную долю, иногда привирая.

Кирилл приезжал, падал на колени, - молодые мирились, чтобы через три дня повторить весь спектакль снова, от первой сцены до последней. Это повторялось многожды, пока мать не возмутилась:

- Или живи, или уходи от него, надоели своими разборками.

- Да уж, - резюмировала сестра, почти как у Есенина:

«...ведь разлюбить не сможешь ты,

Как полюбить ты не сумела».

Тина тайком уехала в Москву, но муж и там нашел свою супругу, но не вернул, та проявила твердость.

Он продолжал приходить в дом родителей Тины, его вскоре перестали узнавать: почернел, постарел, сник, погас. Старикам было немного стыдно, они утешали, как могли, советовали забыть дочь свою:

- Давай, коньяка дернем! – предлагал старик деланно-веселым голосом, - потом с соседкой познакомлю. Ух, и заводная баба! Продавцом в продуктовом. Глаза - «во!», сиськи – «во!»

- Тиночка моя единственная, - шарахался от такого предложения Кирилл, и завывал: « любовь моя, жизнь моя! На кого ты бросила меня, червя земного? Что я без тебя?»

И горько плакал.

Потом перестал приходить.

Потом записался во Французский Легион и сгинул.

- Лучшие так, - сказал тесть своей жене, - а то бы порешил себя, - да, мать?

- Не знаю, - сказала женщина, умудренная годами. - Чувствительный он какой- то, зять наш. Ну, скажи, что он в нашей Вальке нашел такого необыкновенного-то? Вот никак не пойму... Обычная она, и не особо умная. Влюбятся вот так, до одури, и ходят, и кружат, будто заколдованные в Царстве сна, и никак в себя не придут. Морок какой- то. Ты чего не ешь? Остывает...

Одна совесть на двоих

Сестры родились двойней. Как водится, папа ожидал сына, но не случилось. Непьющий до того мужчина надрался так, что проморгал выписку из роддома. Уже у подъезда подхватил два розовых свертка, - и ни единого футболиста, - нацепил кислую улыбку и вяло чмокнул красавицу-жену. Он нутром чуял, что не видать ему теперь сына. Дочек до года игнорировал, а как только они подросли, стало видно: Юля – внешне копия отца, Аля – клон белокурой мамы. Со временем отец примирился с женским поголовьем, но на руки брал только Алю, Юльку отталкивал и шипел: *«Иди к матери!»*. Девочки окончили школу и поступили в вузы. Но Юля, грустная тихоня, осталась при заболевшей матери, а красивая и бойкая Аля, генератор идей и концентрат энергии, схватив свой красный диплом и ворох амбиций, улетела в Турцию, подальше от семейных проблем:

- *Пока, май систер!* – и, как не было у Юльки родной души.

У матери операция за операцией, отец попал в аварию – собирали по частям. Юля стала не только Золушкой, но и сиделкой при родных родителях. Все заботы семьи легли на ее плечи, ни отпусков, ни выходных.

- *Доченька, выходи замуж, пока не поздно. Внуками порадуешь,* – шептала родительница.

- *Какие внуки, мама? Какой там замуж? Я с тобой и папой возжусь, нет ни сил, ни времени на встречи и свидания.*

- *Как-нибудь, Юленька, найди себе пару. Я вот поправлюсь, помогу...*

- *Ма, мне нужен такой, как папа, но его пока не встретила,* - перебила Юля.

- *Дурочка, папа не надышится на Альку, а ты – папа, папа... Не любит он тебя.*

- *Зато я его люблю. Лучшие папы нет на свете, и муж мне нужен точно такой же - безумно любимый, и уважаемый мною.*

Приходила помочь по хозяйству сестра отца тетя Катя, а язык у нее – что бритва:

- *Красивая ты, Юлька, только нос на семерых рос, а одной достался, а потом – жопа толстая, шея тонкая, голова, как у змеи. На любителя ты, короче, ищи своего мангуста.*

- *Спасибо, тетя Катя, обрадовала,* - обижалась Юлия, но тайком подходила к зеркалу и плевалась: *«Уродина!»*. Она знала стихотворение Евгения Долматовского *«Некрасивых женщин не бывает»*, и первые строки его:

Некрасивых женщин не бывает,

Красота их — жизни предисловье,

Но его нещадно убивают

Невниманием, нелюбовью,

но не верила им: бывают некрасивые, и не обаятельные, вот, она же есть.

Между тем, Аля работала в Турции, в крупной нефтяной компании. Красивая блондинка запала в душу пожилого турка - начальника, и стала жить с ним, потому что удобно и комфортно: денежки у турка водились. Отпуска проводили то во Франции, то в Эмиратах, то в Черногории: финансы не берегли. У начальника была семья, и дети были, но кто бы ему помешал иметь еще и русскую любовницу? Со времен Османской империи такая

связь считалась нормальной, и нисколько не предосудительной.

- Алечка, - звонила мать издалека, - *зачем тебе старая головешка? Ты же молодая, красивая, со знанием многих языков, найди себе парочку из молодых, любимого мужчину найди, деток родишь.*

- Нет, не могу его оставить, он хороший, - весело несло с далей мусульманских. - *Привыкла я к нему, ма!*

А потом мужа-старикана долбанул инфаркт. Больница, шунтирование. На операции ушли все сбережения этих двоих, а восстановление шло медленно - возраст. Оправили деда на пенсию: гребни, родной, смена молодая за дверями. Аля тоже уволилась, надо было ухаживать за больным. Первая жена впряглась, помогала кормить с ложечки совместного мужика, таскать мыть в ванную, ну, и на горшок, конечно. Юля возмущалась справедливо:

- *Брось ты этого своего нищего пня, мама совсем плохая, отец еле ходит, хорошо, что тетя Катя помогает, а то бы я уже сама тут скончалась от переутомления.*

- *Не-не! Не могу, сестра! Мне его жалко очень, как он без меня, мой Невзат? Умрет сразу. А вы сильные, вы дома, вам легче.*

Юля работала, уставала, а дома надо было терпеть эту старую тетку Катю с ее катарактой и скверным характером, и ухаживать за больными. Юля любила мать, все силы тратила на уход, следила за отцом-инвалидом. До поздней ночи жарила-парила. Тетка видела все хуже, хватаясь за стены, но ругалась, не переставая:

- *Корова безрогая! Юлька! Никому ты не нужна с носярой своим, так девкой и помрешь. Ты хоть любила кого?*

- *Папу люблю, маму люблю, разве этого мало?*

- *Дурочка несчастная, - старуха трясла длинным когтем перед лицом Юли, длинным, слоистым, - это же не то! Алька хоть старикашку нашла, по Европам поездила, прокатилась по жизни с ветерком, а ты? Правда, у нее детей нет, но от плесневелого деда какие дети? Пни его под зад, так и развалится.*

Время текло в заботах и трудах, мать таяла на глазах. Похоронили. Отец жил на лекарствах, тетка слегла, потому что вконец ослепла. Юля звонила, вопила, взывала к состраданию:

- *Аля, приезжай, сестричка! Я одна, устала тащить это много лет, не справляюсь, ну, хоть временно помоги! Прошу тебя, сердечко родное!*

- *Не могу, Юль, что ты? Как я брошу больного мужа? Прости, не приеду, я тут нужна. Мне сейчас с Нахрим на базар за пастилой, хотим порадовать своего мужика, так что гуд бай, потом набери. Я занята.*

Отец дряхлел, очень сдал после смерти жены, весь дом украсил ее портретами, по 2 и 3 раза звонил своей любимой дочери Але:

- *Как ты, родная? – кричал, светлея, а про себя врал без зазрения, - а я молотком, душа моя! Я еще о – го – го!*

Потом и он угас, а через два года Юля похоронила и дряхлую тетку, да и осталась одна.

- *Аля, здравствуй, родная! Переезжай домой. Мы вдвоем как-то проживем. Будем работать, дом большой у нас, а? Одиноко мне очень, семью свою не смогла создать из-за забот, жду тебя, сестричка.*

- *Ты что, сдурела? Как я мужа брошу? За ним уход нужен, мне его жалко...*

- Я похоронила троих, помнишь? - не выдержала Юля, - пока ты подтирала зад своему, прости, Невзату, вместе с его женой. У тебя, вообще-то, совесть есть?

Трубка несколько секунд молчала, а потом насмешливо сказала:

- В Европе она не нужна, а ты что, детка, многого со своей-то совестью добилась?

И тут ничего не скажешь поучительного, кроме того, что есть люди - как золотые прииски, и сколько бы ты не черпал крупинок из их недр, попадают все больше и больше, и не оскудевают хранилища те. А есть люди, чья жизнь прольется сквозь сито, и не зацепится ничем: ни камешком, ни каплей изумрудной. И нечего делать близ этих сит старателям, и плачевны труды их, и уходят они с таких мест далеко.

Чтобы никогда не вернуться.

Три танкиста

В самом конце войны танкист Яков получил осколочное ранение в ногу. Пришлось хирургу отнять ее по колено. Молодой солдат долго горевал: «Какой из меня теперь тракторист?»

- Это еще хорошо, - утешал военврач, - мог бы голову потерять, а так – только ногу. Теперь на балансе у тебя полторы ноги и третья не задета. Экономия, и какая! – один сапог, один валенок.

- Да-да, товарищ военврач, хорошо бы туловище отчекрыжить, тогда и брюк не надо, одной рубахи хватит. Не смешно!

Более 3-х месяцев на товарняках, на костылях, добирался до родного колхоза. Но вместо дома с матерью нашел целехонькой только баньку, в ней и поселился. Мать ранней весной отравилась колосками, вместе с ней полдеревни вымерло, а дом оставшиеся в живых местные разобрали на дрова. Старичок-плотник вырезал из полена протез, приладил ремни-крепления, и стал Яков на ноги.

- Чегой-то ты, Яшка, отираешься в баньке, скоро зима, поди, замерзнешь? – выговаривала соседка, бабка Стеша. – Эвон сколько солдаток с домами, выбирай и живи.

- Я ж без ноги, кому нужен такой?

- И без ноги - мужик, была бы цела голова, да руки! Мужиков-то, мабуть, у нас наберется с десяток, и все дряхлые уже, на том свете их с фонарями обыскались. А девки наши одолели меня, все тобой, мил человек, антирисуются... Ты уж выбери, пока они друг друга не перегрызли.

- Баб Стеша, к кому прибиться мне? Кого посоветуете?

- Да хучь к Агафье, Аганей мы зовем ее. Сурьезная, лицом приятная вдовушка, молодая ишо, и с дочкой. Ты должен ее знать, библиотекарша она.

Поковылял Яков по длинной деревенской улице в самый конец. Вот и справный домик с высокими тесовыми воротами. Во дворе собака лает: «Не голодают, видать, - мелькнуло в голове». Постучался.

Выбежала Агания, немного смущаясь, завела Якова в дом. Приняла. Стали жить вместе. Бывший тракторист устроился счетоводом в конторе. Выделили старую, смирную лошадку и таратайку, чтобы не месил грязь инвалид.

Один за другим народились трое мальчиков. Довольный Яков дал им имена погибших танкистов – товарищей: Вовка, Пашка и Толик. И радостно сообщал деревенским:

- Танкисты растут, - мужики!

Живой и энергичный Яков не сидел дома, во дворе хватало мужской работы, пацаны вертелись рядом, помогали.

- Мужички, перерыв! – И отец закуривал самокрутку, брал гармошку и зычно запевал: *«Три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой»...*

Песня далеко разносилась по деревне. Мальчишки смеялись, дрались, играли в войнушку. Хорошо на душе Якова, но он хотел теперь девочку, матери помощницу, себе – отраду. Так получилось, что конторская шалава из города уехала в отпуск, и не вернулась. Сердобольный Яков привел осиротевшую девчущку в дом:

- Вот вам сестра, мужики, зовут ее не по-нашенски, Викторией, будет пусть Витя, прошу не обижать! – и грозно показал сынам кулак.

- «Виктория» – это победа, женский род, а Витя - это мужской род, - высунулся Вова, хмыкнув.

- Неважно, Витя - сподручнее, - отрезал Яков.

Старший Вовка вымахал, не знай в кого, но учился так себе, сбегал с уроков к отцу в контору, освоил счета и помогал.

- Ты, Владимир, не девка же, чтобы сидеть в конторе, и не инвалид, как я, учись на тракториста, в армии будешь танкистом, слухай батю.

Но в армию не взяли - плоскостопие. Пашка, наоборот, был приземистый, шустрый и воровитый. Обожал рыбалку и охоту, с 12 лет полюбил выпивать. Тырил тайком старый дедов бердан и стрелял в перелеске ворон, либо в банку какую метил. Мать упорно прятала оружие, но он находил его везде, даже в огороде, канаве, на чердаке, пока мать бердан не утопила в пруду:

- Застрели еще кого, чумной, – сказала.

- Толку с него никакого, с Пашки, - жаловался отец другу-председателю, *- мать разбаловала, любимчик ейный. И Толик меньшей – ни рыба, ни мясо, одно слово – вахлак,* - Яков гладил бороду и горько вздыхал. – *Не получились из сынов танкисты, так, семя испорченное.*

Самый красивый Толик был отпетым лентяем, и разрушителем. Что ни возьмет в руки - ломает обязательно. Большие голубые глаза отсвечивали пустотой. Даже в армию его не взяли, написав в решении, что просто дурак. Он не расстроился: прилепился к какой-то городской обеспеченной матроне и стал жить на ее иждивении. Домой вообще нос не показывал.

Отцу выдали фабричный протез, и дали молодого коня взамен сдохшей лошадки. Поехал по деревне - а навстречу два гусеничных трактора гнали, конь испугался и понес. Таратайка перевернулась, Яков запутался в постромках. Похоронили.

Вовка заменил отца в конторе. Однажды уехал в райцентр с отчетом и не вернулся, женился. Дом лег на плечи Вити. Она выросла в некрасивую, крупнущую, конопатую девицу, размером с лошадь, зато работающую.

- Павел, тебе пора работать, хватит баклуши бить, - как-то сердито сказала Агафья сыну. – И женись на Вите, я заметила – давно с ней шалишь, уже и испортил, видимо. И чтобы без разговоров! Я болею и старею, мне помощь нужна.

Расписали пару в поссовете. Некогда веселый, шумный домик с гармошкой и песнями притих, будто умер.

Что было - то прошло? Совсем нет.

- Мать, внуков скоро жди, - сказал смущенно Пашка матери одним утром. - Двойню, вроде, у Витьки в животе нащупали врачи. А я пойду, к отцу на кладбище наведу, а потом на охоту, может, зайца подстрелю.

Спустя минуту, на дворе послышался веселый Пашкин свист: жизнь, как и прежде, продолжалась.

Надежда – нерв жизни

Ученица 10-го класса, долговязая рыжая Клава влюбилась в учителя физики Федора И. до потери сознания. Девчонки-одноклассницы шептались в туалете:

- И чего она в нем нашла?

Маленького росточка, толстенький, вечно куда-то спешащий колобок, живчик с мотором. Не Аполлон, простой смертный.

Сами они поголовно, и, конечно, тайком были влюблены в математика Юрия В., красавца знойного, но женатого.

Клава не скрывала своих чувств, иногда плакала.

- Клавка, это не герой твоего романа, - утешали подружки, - он ухаживает за «химичкой», и вообще, вы не пара, сама понимаешь. Ты – как жердь, а он - колобок, к тому же, старше намного.

- Вы не понимаете! Вы никогда не поймете! Я люблю его, люблю, какой есть. Другого мужчину мне не полюбить никогда!

И вот это, сказанное с надрывом, означало одно, что барышня запуталась в своих чувствах, и мечется по бесчисленным комнатам своей собственной вавилонской башни, пытаясь найти выход в безумной череде помещений и лестничных проемов, возносящихся к небесам.

- Пройдет, - решили одноклассницы, взглядываясь в измученное лицо Клавдии, - у всех проходит.

Пришла весна, наступила пора экзаменов, зато отступили страсти по Юрию В; девчонки активно обсуждали свое будущее, кто и куда будет поступать? Донеслась весть, что Федор И. женится и сейчас едет из ЗАГСа. Отменно шустрая Лида предложила:

- Девчонки, побежали смотреть на свадьбу?

Спрятались в кустах сирени у дома Федора Ивановича. Он выскочил из машины в черном костюме, белоснежной рубашке, и подал руку невесте с цветами. Они скрылись в доме, а авто, обдав любопытных пылью и отработанными газами, исчезло за поворотом.

- Ну, как твоя любовь, Клава? Поубавилась?

- Нет. Буду любить вечно.

- Вечно люди не живут, они умирают.

- А я буду любить и после смерти!

Вечером Клаву увезла «Скорая» - наглоталась таблеток. Промыли желудок и вернули девицу домой.

- Сколько лет миру, а все одно и то же: травятся барышни от придуманной любви, - сказал с осуждением врач родителям Клавы. *— И не знают, безумные, что будет и вторая любовь, и третья, и несть им числа впереди, этим любовям. Сколько гормон будет кипеть, столько раз и полюбят, - физиология. Но как донести им это, ведь не слушают, не слышат?*

К удивлению учителей и одноклассниц, троюродная Клава поступила в медицинский институт. По окончании его работала терапевтом вдали от родных мест. Замуж не выходила, зато приобрела уважение пациентов, как знающий специалист-диагност. Эта слава разнеслась по всей округе, ехали к ней издалека.

Как лучший врач, была командирована в числе других специалистов в одну из дружественных стран Африки, для борьбы с эпидемией. Потом была Индия, и опять Африка. Шли годы. Вернулась не только с долларами, но и с черненьким сыном, чем всех коллег привела в оторопь: вызвали в крайком партии.

- Вы, Клавдия Петровна, надежный коммунист, проверенный патриот, как вы могли нарушить моральный кодекс строителя коммунизма? Вы родили ребенка от чуждого элемента! Позор!

- Никакого позора, - невозмутимо ответствовала Клавдия, *- дружественные страны разве могут быть нам одновременно чуждыми? Вы уж определитесь с их статусом. О каких еще элементах вы мне намекаете? Кроме всего прочего, я незамужняя, и навряд ли выйду когда, а опора, в виде сына, мне необходима. Годы идут. Цвет кожи значения не играет. Мы все братья: черные, белые, желтые. Я много лет, по велению партии, лечила больных в Африке, они такие же люди, как и мы. К тому же, у меня есть правительственные награды, я неподсудна, по сути.*

Партчиновник поубавил пыл и не мог сказать ничего другого, как «до свидания».

На одном из крупных совещаний повстречала землячку, очень обрадовалась. Та, между новостями, сообщила и вот такую:

- Знаешь, Клавочка, наш бывший учитель Федор И. разбился в самолете, такая страшная авария была, никто не выжил.

Клаве стало плохо, но она взяла себя в руки:

- Нет, не слышала. Сколько времени прошло, сколько событий минуло, дорогая моя... А учителей я даже и не помню, все забылось.

После долгих раздумий решила вернуться в родные края, где проживали еще родственники, и пустовал родительский дом. Взяли в местную больницу участковым врачом, а ребенка оформили в садик. Начался непонятный ажиотаж: никто и никогда в тех краях не видел негритенка. Иные прикасались к кудряшкам, иные экспериментировали, измажет ли кожа руку сажей, и какова она на ощупь. Проходу не давали на улице:

- Ух! Какой чертенок! Надо же, будто вымазанный! А ладошки розовые!

- Как кукленок! – восхищались другие.

Это на первых порах, а потом всплеск удивления постепенно угас. Клава ни с кем не общалась; работа, ремонт дома, огород, сын. Однажды ночью поступил вызов, она как раз дежурила на «Скорой».

В темноте она не узнала дом Федора, как и не узнала постаревшую химичку, зато узнала свою постаревшую любовь - самого учителя.

Только и сказала:

- Долго будете жить, Федор И., я слышала, что вы разбились в самолете.

- Да, я и сам был удивлен, но нет, пронесло, я летел следующим рейсом.

Через три месяца скончалась жена Федора Ивановича, - перитонит, - хотя Клавдия и старалась из всех сил вытащить ее. Федор сидел с женой в больнице до конца, но, похоронив ее, и оплакав, выждав 40 дней, предложил руку своей бывшей ученице.

Черненький мальчик обрел отца, а Клава – любящего мужа. И кто сказал, что вечной любви не бывает?!

Беспроцентный выигрыш

Света Морозова, миниатюрная девушка с нежным овалом лица, имела прямо – таки аристократические манеры. Не мудрено; в доме начальника ОРСа (Отдел Рабочего Снабжения) была прислуга под видом далекой родственницы, а мать серьезно занималась детьми.

В старших классах Светлана серьезно влюбилась в одноклассника Виктора, отличника, спортсмена, и просто красивого парня. Девчонки завидовали по - страшному, парни саркастически ухмылялись: «Подумаешь, нашла себе спортсмена! Хотя бы альпинист был, а то так, теннисист! Что это за спорт такой?» Вместе поступали, он – на юрфак, она – в педагогический. Встречались, даже прохожие люди умилялись: «какая красивая пара!»

Через два года свидания резко сократились, Виктор оправдывался нехваткой времени, заявлял, что нужно подготовиться к соревнованиям. В один из моментов такой «подготовки» Света случайно встретилась с ним. Парень шел, насвистывая, под ручку с высокой девушкой. Увидев Светлану, ничуть не смутился:

- Это Ирма, знакомься, коллега из ГДР.

В другой раз прислал своего друга Артема с сообщением, что едет в Англию на соревнования. Расстроенная Света почти не приглядывалась к этому другу, отметив только помятую рубашку и давно не видевшие утюга брюки. Серые, невыразительные глаза блестели умом и вниманием. Артем довольно часто приходил с поручениями от Виктора, и приносил цветы, как догадалась Светлана, от самого себя. Она стала привыкать к Артему, считая его и своим другом. Перед концом обучения, сдав все экзамены, отправились в молодежное кафе, а там напоролись опять на Виктора.

- Привет, друзья! – радостно воскликнул он, - присаживайтесь за наш столик, знакомьтесь, это моя жена Ирма... она...

- ...коллега из ГДР? – заикаясь и глотая слезы, уточнила Света. – Виктор, нам надо поговорить.

- К чему, милашка? Я Виктор - победитель женщин! Передо мною открывается заграница! А что дашь мне ты? Мне надо по жизни выигрывать, нет, моя фея, с тобой не та лотерея!

- Пошли, Артем, нам тут делать нечего.

Получив диплом, Артем и Светлана поженились.

- *Ланочка, меня распределили на Алтай, в колхоз, агрономом. Как ты к этому относишься?*

- *Положительно, Артем, куда ты, туда и я.*

Прибыли на место: красота природы неописуемая, а глухота местности поразительная.

Предложили жильё: пустой, полуразрушенный домик с большим огородом, без печки. Отыскать печника не удалось. Вооружившись литературой, засучив рукава, Артем, что – то мурлыкая себе под нос, сложил приличную печь. Запахло теплом, уютom, стало не так грустно. К зиме утеплили стены, починили крышу, и родился первенец – девочка. Света, не переставая, работала в школе напротив, бегая на переменах покормить дочурку. В деревне не было магазина, но колхоз выделил овечку и коровку. Огород давал обильные овощи. Света не жаловалась и сама управлялась с хозяйством, научилась доить скотину, стирать белье в лохани, которую подарила соседка, квасить капусту и печь хлеба. Лицо загорело и обветрилось, руки трескались от воды и земли, плечи покрылись волдырями от укусов цепней и оводов. Артем в теплое время года почти не бывал дома, пропадая в полях, где работали подростки и женщины. Вытаскивал колхоз по урожайности, сам садился за трактор в период пахоты и жатвы. И стал избранным председателем колхоза. Каждые два года в семье рождались дети, и это были сплошь девчонки. Ожидания наследника никак не оправдывались. Светлана Юрьевна стала матерью – героиней, рано вышла на пенсию.

Десять детей в семье! Это не шутка. Подросшие девочки помогали матери, чем могли. А она образовывала своих девочек, как когда – то занималась ею ее собственная мать. Все сестры окончили вузы, а со временем вышли замуж. Внуки летом навещали дедов, купались в речке Березовке, собирали грибы и ягоды. Глядя на галдящую ораву веселой ребятни, Светлана радовалась и думала каждый раз: *«Вот оно, где счастье – то!»*

Артем Петрович председательствовал уже 20 лет. При нем появился магазинчик, медпункт, аптека, новая школа. Себе он тоже на месте старого домика возвел хороший бревенчатый дом. Отрастил густую бороду; так легче защищать кожу от загара. Как и прежде, не сидел в тиши кабинета, метался по полям и фермам. Но старость все – таки подкралась, в 65 лет с почетom отправили на пенсию, дом передали новому, молодому коллеге. Супруги выбрали старшую дочь и переселились к ней в город. Каждый вечер уходили на прогулку в ближайший сквер. Тут уже много было знакомых, таких же поседевших передовиков.

На этот раз присели на скамейку к сухопарому старику в усах, с надвинутой на переносицу шляпой, он раскуривал трубку:

- *Разрешите присесть рядом!* – обратился Артем Петрович.

- *Раз-зрешаю!* – надменно протянул тот.

- *Что-то знакомое послышалось в голосе, Артем пригляделся:*

- *Ба! Сколько лет, сколько зим! Это же Виктор!*

Виктор оглянулся, пошевелил обрубком ноги:

- *Артемыч, колхозный пахарь?! Здорово!*

- *Не пахарь, а бывший председатель колхоза,* - не выдержала Светлана.

- *Как твоя жизнь сложилась, друг мой? Жена, дети?*

- Ни того, ни другого, - деланно зевнул Виктор, кивая подбородком на костыли, - заметь, даже ногу потерял, ну, вот и приехал на радон лечиться. Слышал про твое председательство, слышал, про десяток девок, что ты наплодил и вырастил, слышал, Артемка. О тебе вся область знает. Так что 0:10 в твою пользу! Ничего, я тоже не в убытке: вся комната в медалях спортивных и грамотах!

- Медали не погладишь, не поцелуешь, что с них толку, - сказала Светлана задумчиво, с некоторым недоумением разглядывая злого высохшего старикана, бывшую свою любовь – и, нежно облокотившись на мужа, и взглянув ему в глаза, добавила: «Пошли, дорогой, в садик за внучками, - уже пора!»

Die Ordnung (Порядок)

Согласно немецкому порядку, Ирма Генриховна Босс, уроженка Волгоградской области, окончила Иностраннный институт. Зная местный диалект, желала постичь классический немецкий язык с прицелом найти интересную работу с достойной зарплатой, но дальше муторного преподавания дело не пошло. Вышла замуж за местного парня, куда распределили. А это оказалось далеко от родных мест. Томики Шиллера и Гете пылились среди банок с капустой. Муж был далек от любого немецкого, более тяготел к таким классическим занятиям, как полежать, поесть, выпить и прикинуться умным, что было сущей неправдой.

Теперь Ирина Геннадьевна Камышина (на русский лад) с немецкой педантичностью строила свой «орднунг», заключающийся в трех «К»: киндер, кюхен, кирха.

Родилось четверо детей: Лена, Ваня, Володя, Гена. По настоянию упертой жены началось строительство каменного дома, дети помогали. Завели животину: корову, порося, уток, гусей, кур. Дом строился на отшибе, у пруда. Некогда стройная Ирма быстро превратилась в дебелую, неопрятную бабищу, зимой и летом в азиатских глубоких калошах. Вероятно, в них и спала, умученная трудами.

Ленхен после 9 класса поступила в медучилище, а через год родила пацаненка, от короткой и бурной связи. Но мать отнеслась с пониманием, и скрыла этот факт от соседей. Федька рос с «братьями», считая родную мать сестрой, а бабуку - матерью. В итоге имелся полный порядок: и дети есть, и дом, вот только с кирхой не удалось, в большом селе не было даже православной церкви. Дети росли, муж временами напивался. Ирма крутилась и на работе, и по хозяйству. Однообразная жизнь Камышиных резко оборвалась с падением «берлинской стены». Советских немцев позвали на историческую родину. Ирина-Ирма, запутавшись в своих родинах, разволновалась не на шутку: уезжать – не уезжать? А шанс-то какой! – раз в жизни выпадает. Неужели упускать? Она, как бы по-новому, посмотрела на свой быт: грязный двор, немощеную улицу, резиновые калоши, ворох грязного белья. Какое убожество! И так всегда? Как заведенная – работа, работа, работа, хозяйство, огород. А где жизнь? Где книги, улыбки, красивая музыка? Просачивалась жизнь без радости, как пустая водичка сквозь сито. Вся большая семья по вечерам живо обсуждала новую горячую тему. Все дети, включая первоклашку Федьку, были «за». Германия, которую они рассматривали на карте, казалась им Эдемом, раем, который они когда-то потеряли. Только отец категорически отказывался: «Здесь родился, здесь и помру!»

Порядок несколько ломался, ведь в семье должен быть отец и муж! Но Ирма приняла твердое решение: уезжать! Дети с небывалым воодушевлением приняли решение изучать немецкий, в доме зазвучала незнакомая прежде речь. Мать утешала: «Все – равно будем переучиваться, но база не помешает». Семья рушилась на глазах, отец втихаря напивался, увеличивая обороты, а мать бегала по инстанциям, переделывая документы. Теперь все стали БОСС: Ирма Генриховна, Ленхен, Вольдемар, Иоганн, Генрих и Фридрих. А как быть с отцом? Он на уговоры не шел, кричал со злостью:

- Пошли вы куда подальше, предатели! Не поеду!

Фрау Ирма билась в истерике, уговаривала:

- Все будет хорошо, чего переживаешь? Не сразу, а потихоньку, освоишь язык, научишься пить шнапс, устроишься на работу.

Муж тяжело молчал.

- Чего молчишь? Соглашайся! Баварское пиво очень вкусное.

- Не хочу я ихнего пива...

- Жилье нам дадут, выплаты за детей хорошие, ну, родной?

- Сказал же, здесь родился, здесь и умру! К фашистам не поеду.

- Сейчас другое время. Все поменялось, а фашистов и здесь полно. Вон, наш сосед, собаку отравил, точно - фашист.

- Они отца моего убили, дед от голода помер, не поеду.

- Русские тоже немцев немало порешили, - резонно заметила Ирма. – Война - никому мать не родна.

- Отцепись, - наконец оформился мыслью супруг, - не поеду, тут сдохну.

Как чувствовал.

Рано утром поехал Камышин на велосипеде на работу, и неизвестный грузовик на безлюдной проселочной дороге сбил отца семейства. Похоронили. Ирма тяжело переживала гибель мужа, будущую неизвестность, тяжелые сборы. Тут было не до хозяйства: про корову почти забыли, порося продали, птицу поворовали бомжи. Продать дом не получалось, пустили квартирантов.

Прошло немало лет после отъезда семьи.

Как-то летом появились в селе два высоких, симпатичных парня, по виду иностранцев. Это были Вольдемар и Иоганн Босс, приехали оформлять проданный дом. Они – то и рассказали: Ленхен выпорхнула замуж сразу, и удачно. Мать переучилась на медсестру, похудела, похорошела, и тоже вышла замуж за отставного летчика. Братья приобрели неплохие профессии, а Федька – Фридрих так вообще стал известным музыкантом. Братья говорили на плохом русском:

- Мы благодарны матери, ее стараниям, настойчивости. Жизнь сложилась очень неплохо. Все в порядке!

И, когда три бывшие бабки – соседки выслушали это известие, и кивнули, немцы добавили:

- В полном порядке!

Не дрейфь, маманя, прорвемся!

У Ленки был во всех смыслах подозрительный отец, - по воспоминаниям бабки и прочих немногочисленных родственников, - лукавый, здоровый, ленивый, мошенник, уголовник и...

- *настоящий шайтан!* – с запоздалой ненавистью заключала бабушка, сжав тонкие от старости губы.

Мать о своем бывшем любовнике вспоминать не любила, потому что тот дубасил её в перерывах между отсидками, и крепко. Но привязал к себе эмоционально и чувственно до такой степени, что всё ему прощала, любые унижения. После последнего срока хахаль завязал с преступным миром, потому что годы уже не те, да и тюрьма здоровья не прибавляет, но и к своей пассивности не вернулся, а нашел другую бабу, посвежее, и с квартирой побольше. С сыном созванивался раз в три года, в пароксизме пьяных воспоминаний, но не помогал. Однако Ленка помнил отца, пусть и смутно, особенно его многочисленные наколки, рыжие усищи, карточные фокусы, и чтение арабских сказок, чтение выразительное и захватывающее:

- *О, визирь!* – вопрошал бедный рыбак, кланяясь, и протягивая светлейшему пяток золотых рыбок, - *возьми это, и используй по своему произволению, а я пойду...*

Ленка прятался под одеяло и засыпал, пока отец журчаще озвучивал речи падишахов, джиннов, волшебников, гурий, принцесс, луноликих рабынь... *А тела женщин - при свете месяца - как перламутровая чешуя. И где-то там у всех красавиц - цветок наслаждений, надо же? И что это?*

«Губы!» - решал Ленка, а затем выстраивал во сне воображаемый дворец из слоновой кости и смело заходил туда, в поисках щербетов, сказочников, нефритовых шкатулок и кувшинов с джиннами, - *твоими рабами по совместительству, которые задымятся до самых небес, а потом исполнят любое твое желание»...*

Так и вырос, пропитанный восточными фантазиями и русским сибаритством. Мать любила, все прощала, друзья не переводились, чем не жизнь?

И вот сегодня. Было бы хорошо, если бы не было так плохо. Плохо потому, что охота выпить, а денег нет. Зато есть друзья - выпивошки, а это хорошо, они не дадут засохнуть на корню, дадут в долг.

«Как чудесно, что нет толстой ворчливой жены, которой сколько не дай, всё будет мало, - с женщинами всегда так. У них пасть как ковш экскаватора - все там пропадает: авансы, получка, сапоги, шубы, печенья, записки, счета и вся мужская жизнь. Все подчинено слову «надо! А вот мне не надо!»

Ленка радовался, что сейчас отчитываться не перед кем. В первый раз женился по молодости, так, не хватило опыта, да и мать послушал: *«женись, да женись!»* По ее же совету жена сделала аборт. Этот новый человечек сплотил бы всех, но, увы. Разошлись.

Потом случилась Анька, мелкая каракатица. Забавная и колючая. Но она люто возненавидела мать, и поэтому расстались.

Потом подцепил Настену с двумя детьми. Хорошая женщина, милая, и готовила очень вкусно, но постоянно просила денег, а где их взять? Не захотела сама крутиться, вот и потеряла его, своего визиря.

- *Так и останешься холостяком?* – спрашивала мать. – *Годы идут, топнешь в вине свое счастье?*

- *Какое с бабами счастье?* – отмахивался сын, - *если что, успею.*

Ему казалось, что он никогда не постареет, все постареют, а он – нет. Но у Бога нет исключений из правил, хотя Ленька о Боге и не знал.

- *Распустился ты, сынок, до безобразия,* - наседала мать. – *Брюхо какое отрастил! Ужас!* – (О, шайтан, как надоели ее упреки!)

- *...это привычка, а не распущенность,* - отмахивался детина. Больше всего на свете он любил свои привычки, самого себя, это удобно и полезно, а весь мир пусть катится в пропасть.

- *Что делать с сыном, не понимаю,* - жаловалась мать сухопарой соседке, - *живу, как на вулкане. Как думаешь, Оль?!* - Но та молчала, она была бездетной, а пьяниц ненавидела просто люто.

Ленька иногда умел радовать: то принесет из леса лисичек и закричит с порога:

- *Мамка, жарь!*

То наловит с полкило плотвиц, и сам же охотно их стрескает.

Так и накатило Леониду 40 лет. Это мужской расцвет, апогей, так сказать, но в данном случае нет ни постоянной работы, ни жены, ни детей, одни долги. Да! Есть еще любимая кошка, они обожали друг друга, от нее исходила столь мощная волна любви, что Ленька не мог не отвечать тем же. Временами возникал интерес к женщинам, но зачем им ленивый запойный толстяк? Правду сказать - он был страшненький, но красивый. Страшненький – по мнению окружающих, но красивый в собственных глазах.

Жил с матерью – пенсионеркой. Может, ждал, когда та умрет? А что это даст? Ноль! Она, как поплавок, не дает сыну утонуть окончательно; поможет, покормит, простит, пожалеет.

Одно время «бомбил» - но лавочку городские власти прикрыли, сторожил, но за спанье на дежурствах выгнали, устроился грузчиком – опаздывал, опять пинка под шумный зад. Налегал на рыбалку, но к рыбе требуются масло и хлеб, - бросал.

- *Клянусь чалмой Шахрияра,* - выпренно заявлял друзьям, - *я еще буду богатым! Мне еще отправит любовное письмецо сама Бритни Спирс, гурия сердца моего! Вот, запишите себе это в уголках глаз тысячью иголок!* – *О, непременно запишем,* - ржали друзья, - *но ты торопись, дехканин, чтобы к тому моменту, когда это произойдет, ты не облысел окончательно, и иголки твои не заржавели.*

Один верный друг, - по- настоящему верный и последовательный, донельзя лаконичный, - посоветовал Леньке пойти на завод, в один с ним цех.

- *Сборка,* - сказал, - *просто сборка, работа два через два, ничего сложного. Кормежка в столовой, зарплату не задерживают.*

- *Я же не разбираюсь в деталях,* - попробовал выкрутиться дружок Шахрияра, но номер не прошел; - *научишься, на конвейере одно и то же,* - сказал, как отрезал, друг.

Ну и ладно: два дня работа, а два дня можно квасить. Но грянули санкции, и завод переориентировался: зашуршало по кабинетам начальство, работы были приостановлены. Мать стала ныть: пришли сроки платить по кредитам, есть нечего.

- *Не плачь, маманя, не дрейфь, наложница сердца моего, скоро завод заработает. А я пойду, глоточек дерну.*

- Тебе бы, сынок, глотку запаять? – спросила мать сыновнюю спину, но та исчезла за входной дверью.

Завод отправил Ленькину бригаду вместе с двумя другими на Урал, подкалымить, в порядке рабочей солидарности.

- Знаешь, мама, там хорошие деньги платят, за три месяца набегжит прилично! – обрадовался Леонид такой новости.

- Хорошо бы, сынок, - поверила мать, смахивая слезу счастья, - есть Боженька на свете, повезло и нам, горемычным.

Уехал, общались по ватцапу. Ленька хвалился, что живет в общеаге, - пардон! Отеле де лос Острангерос, - что все ок! Получил первую зарплату, и на душе так хорошо, что впору написать в уголках глаз тысячью иголок...

- хватит, - смеясь, прерывала мать болтовню, - не надо про иголки, до связи, будем экономить на переговорах, итак денег нет.

В то злополучное утро, месяц спустя, неожиданно открылась дверь. (У Лехи были свои ключи). В проеме стоял сын, с цветущим фингалом в половину лица.

У матери отвисла челюсть, задрожали руки:

- Это ты? Почему? Ведь прошло мало времени?

Она торопливо выпила валидол и белыми губами прошептала:

- Почему ничего не сообщил? Что случилось? Откуда синяк?

- Мам, я не хотел расстраивать тебя, думал: приеду и объясню, и ты поймешь. Ведь поймешь же? Я не виноват! Произошла групповая драка в общежитии на 23 февраля, а там одни мужики – вахтовики, ну, пришлось повоевать. Да, я первый начал! Взял, да и двинул в рожу! А что? Этот хмырь назвал меня «кабаном»! А я не стерпел, ведь я стройный! Ну, почти! И вот, меня, как зачинщика, уволили. И теперь я не работаю ни там, ни тут. Ну, мы ведь пробьемся, маманя, да? Ну, не плачь, и не дрейфь, я с тобою рядом!

- Детский сад, - подумала несчастная женщина, - кого я воспитала? Не дрейфь», «кабан», «двинул», «Шехерезада сердца моего», «пробьемся»... Иллюзия, слова, бессердечность, хамство... Что делать?

Она пошла в их общую с сыном комнату, достала любимый томик О. Генри, открыла на первой же странице и прочитала:

Спят рыцари,

Ржавеют их мечи.

Лишь редко-редко

Кто из них проснется,

И к людям из могилы постучит.

Люблю. И все для него сделаю

Иногда в послевоенную деревню ссылали лиц, неугодных власти. Вот так и Матвей, слесарь-инструментальщик, и, одновременно, изобретатель, был обвинен в троцкизме (без пояснения, впрочем, что это такое, и кто лидер сего явления), и вместе с женой отправлен в глушь. Своих детей у пары не было, потому удочерили девочку 5-ти лет. Матвей хотел пацана, но случай подарил эту вот Люську, -

поезд разбомбила немецкая авиация, погибла толпа народу, а вот эта сиротка, белобрысая и заикающаяся, выжила, и стала дочкой, о чем Матвей ни разу не пожалел. Жена, бывшая актриса, относилась к ребенку холодно. Но жизнь постепенно наладилась, избу-развалюшку Матвей постепенно отремонтировал, получился приличный домик о трех комнатах. Самую большую и светлую заняла жена, время проводила на кровати, вся в кружевах. Подружилась с местной завклубом, которая благоговела перед городской штучкой, с замиранием слушала воспоминания о прежней яркой, полной овец и поклонников жизни, и помогала по хозяйству. Девчонка вертелась около отца, любила его, сопровождала до кузни, где тот работал. Дома, в теплом сарайчике, Матвей устроил мастерскую, где делал бабам крючки для вязания, кружки, тяпки, лопаты, вилы. Люська помогала; ей особенно хорошо удавалась пайка ведер, котелков и прочей утвари. Деньги они не брали, потому что у колхозников их не было, отдавали натурой: яйцами, мукой, салом, овощами. Кузнецы на деревне всегда были в авторитете, и Матвея, как умельца, сильно уважали.

Люська постепенно стала подмастерьем, а иногда выполняла сложные работы получше стареющего отца.

А потом умер Сталин, начались перемены, Матвея освободили, он с семьей получил право перебраться в небольшой городок, где купил домик с огородом.

Жена Агния тут же упорхнула в родной приволжский город, она скучала по театру, и существовать без него не могла физически. Матвей остался с дочерью, в 17 лет та превратилась в крупную деваху, с конопатым лицом. Бросать отца не захотела, работала слесарем, вместе с ним, чем очень удивляла мужиков, отиравшихся в мастерской, они о таком и не слышали, чтобы девка была слесарем, да каким! Не мудрено, что через год забеременела, но долго скрывала, утягивая живот.

Дома родился недоношенный мальчишка, хилый, маловесный.

Кормили его коровьим молоком. Матвей молчал, ни о чем не расспрашивал, однако грешил на заезжего механика. Но через три месяца Люська исчезла, а механик остался. Нашлась среди пеленок и записка:

«Папка, прости, не ищите меня, я уезжаю к маме»

Матвей взял отпуск без содержания, нянчил внука. Помогала купать его, лечить болячки соседка-бабушка:

- Матвей, так не выживет твой малец, вот, ей-Богу, умрет! Как его хоть звать, чтобы поминать потом, скажи-ка мне?

- Тупун тебе на язык, Мишкой будет, вырастет парень, вот увидишь!

Мишка постоянно болел. В отсутствие деда бродил по двору среди кур. Однажды старый петух клюнул мальчонку в глаз, и Мишка окосел. К слесарному делу относился равнодушно.

В школе никак себя не проявлял, он не любил учиться, там еще и Мишку дразнили:

- Косой! Подавился колбасой!

Или:

- Михаил - коров доил!

Еще и третья кличка «сысой» образовалась от фамилии. Мишка злился, мастерил рогатки и стрелял камешками по воронам, однажды попал в окно соседке.

- Фулюган! – сказала та беззлобно, - нет на тебя управы, безобразник! – и, через паузу: «Пирожков хочешь? Поешь, сердешный! Сиротинушка ты ж моя, без матери, без братиков. Накось, кушай, а дед пирожка не испечет, пуцай!»

Матвей помогал старушке то забор наладить, то печку подшаманить, то крышу залатать.

- Золотые руки у тебя, Матвей, все так говорят.

- Это так, - соглашался мастер без гордости, - хотел, вот, парнишку научить, передать свои умения, ан тот не хочет, а жаль. Вот Люська моя была огонь, это да! Редкая умница; в металле разобралась.

- И где ж она теперь?

- Скажу прямо: мать свою родную как-то сыскала. У нее теперь. А ты, Власовна, знаешь, что сильнее родной крови нету.

- Ну да, ну да, - старушка вздохнула. – Но ты не переживай, родимый, внучок ростом не вышел, плюгавенький, косою, какой ему металл? Я вот заметила, он звезды любит. Все про какие-то Венеры говорит, про Путь Млечный указывает. Но, если по правде, Матвей, не разберусь я в нем до конца, непонятный он какой-то, неслух, еще схватишь ты с ним горяшка.

- Ни, Власовна, не схвачу. Поправится он. И выправится. Я стараюсь для него, все есть; обут – одет, кур держу, чтобы сырые яйца были. И книгу ему купил про звезды эти, астрономией называется.

- Ты сам, Матвей, болеешь, кашель какой у тебя? Лечись!

- Да, Власовна, туберкулез у меня, скажу по секрету, но мне все-равно на себя. Я Мишку люблю и все для него сделаю.

Диагноз подтвердился, на обследование более точное отправили врачи Матвея в Москву, тот прихватил и Мишку, чтобы столицу посмотрел. Временно жили в гостинице, как-то в ресторане познакомился Матвей с американской четой, те приехали усыновить ребенка. Матвей предложил Мишку, уже зная, что долго не протянет. Американцы те были этнические русские, дело быстро уладили, - тогда это сделать было легко, да и свои дипломатические каналы помогли.

Забрали Мишку и увезли, а дед остался один. Поначалу сильно скучал, но потом стало не до того: болезнь навалилась, так что улетела душа в небесные сени довольно быстро.

Прошло несколько лет. На улице, где когда-то жил искусный кузнец, появился высокий блондин в заграничной одежде. Это был Мишка – Майкл Квентин. Он плохо говорил по-русски, он искал могилу отца, потому что дедом Матвея никогда не считал, а настоящим папкой. Взгляд у заезжего иностранца был прямой и открытый, потому что после операции дефект исчез. Майкл постоял у пустого дома, сходил на кладбище, навестил глухую столетнюю Власовну. А потом уехал навсегда.

И только через неделю местная городская газетенка вызнала, что навещавший их городок Майкл Квентин – всемирная звезда в области теоретической астрономии, и что таких высоких гостей им не видать еще 500 лет, как минимум. Редактор схватился за свою плешивую голову и прислал спецкора. Тот битый час терзал глухую Власовну, и ничего не смог выпытать кроме вот этой загадочной фразы:

- А как же? Любил егой-то, да, Мишку. Так и сказал, мил человек: «Люблю дите, как любил Люську. И все для него сделаю, значитца!»

Гусь да гагара

Анька родилась последней среди семи своих братьев и сестер. Рождалась трудно: головку тащили вакуумом, еще и повредили суставы таза. Голова на длинной шее западала назад, до пяти лет девчонка не ходила, а потом напоминала Пизанскую башню. Школу посещала редко, болела. Дразнили ее дети так: *«гусыня, каланча, размазня»*. Но читать и писать научилась все же. Помогала братьям-сестрам по хозяйству. Племянников нянчила. Если ее ругали за что-либо, только улыбалась.

- *Малахольная, что с нее возьмешь, но опять же сестренка,* - говорил старший брат.

Малахольная золушка дотянула до 35-ти лет, замуж никто не звал.

- *Да кто ее возьмет? Не вышла лицом, шея кривая, ходит плохо, приживалка у своей же родни,* - вздыхала старенькая мать, - *жалко ее, хоть бы какой вдовец объявился.*

А на этой же улице жила семья с пятью братьями. Все красивые, черные, как цыгане, глаза – жгучие, но младший почти как карлик, как тогда говорили: *«метр с кепкой»*. Правда, мускулистый парень, и работающий. Тоже 35 лет, но не женатый, девки нос воротили от него, и называли *«кубышкой»*. Работал в шахте, забое, домой приносил неплохие такие деньги.

- *Ты бы, Степушка, взял в жены соседку Аньку? Хорошая она, хорошая, работающая. Детей заведете, а?* – советовала мать сыну.

Но братья были против: зачем лишаться добытчика?

- *Ты что, Степка, очумел? Она же инвалидка! Брось ты эту затею! Когда мне костюм купишь, кстати? Обещал!*

Скорее наперекор, чем по зову сердца, позвал Степан Аню замуж. Она спокойно согласилась. Зажили своим домом, но детей не было. Решили поехать в дальнюю деревню к бабушке-повитухе.

- *Поздно вы приехали, детушки,* - прошамкала та. – *Родовая травма, трудно править.* - *«Детушки»* пали на колени, уговорили. Бабушка пожалела. Каждый день топила баньку, вымачивала Аню в травах, разминала, массировала. Учила разбираться молодую женщину в своем тонком искусстве, врачевании.

- *Растения - словно люди,* - нашептывала она. - *Ночью они спят, а утром умываются росой и начинают питаться теплом солнышка Божия. Собирают травы в солнечный день до трех пополудни, а припозднишься, детка, так не на пользу сие пойдет – съест травка-муравка все тепло солнечное. Ты запоминай, запоминай.*

И такое вот сказала позже:

- *Ты родишь один раз, не больше, а потом лечи сама, благодари Господа за чадо свое, людям помогай. Травку дам тебе, позже и сама собирать начнешь. С Богом поезжайте теперь, наладится все у вас.*

На удивление, родилась двойня: мальчишки-близнецы. Степан был рад до потери пульса, Анна отнеслась спокойно. В нужное время собирала и сушила травы, детей держала и воспитывала дома, никаких садиков. Мальчишки росли, как дубки: красивущие, как отец, и высокие, как мать.

Родители теплыми вечерами садились на лавочку, и наблюдали, как растут их птенчики, которые состряпали из досточек и шарикоподшипников самокат и по очереди катались на нем. Прохожие оборачивались на мальчишек, любовались ими, потом оглядыва-

ли Аню со Степаном, качали головами: *«Ну, и пара! – гусь да гагара!»*. Неподалеку от дома вырыли котлован для многоэтажки, но пошли проливные дожди, а после забили ключи, и котлован стал озером, и окрестная ребятня купалась в нем. Мальчишкам, известно, каждая лужа – море. Установилась необычайная жара. Анна лежала с мигренью. Мучилась.

- *Мама, можно пойти покупаться?*

Анна отмахнулась, а дети поняли, что можно. Один из братьев утонул. Степан разом постарел, поседел, обмяк. У Анны отнялись ноги.

- *Это ты виновата, ты! – ядовито шипел жене. – Зачем отпустила?* – Анна молчала.

Степан замкнулся вконец, перестал бывать дома, уходил к братьям. Больше самих родителей переживал оставшийся в живых сынок, он как будто потерял сам себя, жить не хотел. Но болезнь матери мальчишку останавливала, он стыдился своего страха, и одиночества, и ухаживал за ней.

Как-то Степан сдавал смену, его окликнула Клава, крановщица:

- *Степушка, хватит маяться, сына не вернуть. Давай, выпьем за упокой?*

Она достала шкалик самогонки, Степан захмелел. Клава уволокла добычу к себе. Так он у нее и остался. С сыном встречался, прятал глаза, предлагал деньги. Сын часто моргал, держался, крутил головой, денег не брал. Мать стала травницей, к ней шли в очередь, давали деньги, и продукты.

Как-то встретились бывшие супруги в магазине:

- *Когда вернешься домой, Степа?*

- *А зачем?* – спросил тот. – *С тобой я просто так жил, а Клаву я люблю.*

Время, как вода, утекало. Сын – красавец вернулся из армии. А на шахте случилась авария, бригада Степы под завалами, вся, как один, легла. Анна с сыном поковыляла к шахте, где стояла «Скорая», а рядом лежали погибшие. С краю – вот он, её колобок Степан. Анна припала к груди, и вдруг услышала слабое биение сердца. Они с сыном скорее погрузили в тачку отца и повезли домой! Анна обмыла мужа, обложила травами, накапала пипеткой в рот густого куриного бульона, сыну сказала:

- *Поди, баню растопи, но не до жара! Там Степа будет лежать. И я с ним.*

Долго боролась за жизнь своего Степушки, но травы, молитвы, и любовь помогли. Стал Степан поправляться. Оформили его на пенсию, по инвалидности.

Закатилась в гости Клавонька, притащила вещички Степана:

- *Садись, Клавдия, милости просим,* - сказала заметно исхудавшая Анна. – *Чайку будешь?*

- *Нет, не за тем пришла.*

- *Степан выздоровел, можешь забирать.*

- *Еще чего не хватало: не нужен мне твой инвалид...*

Прошло еще время. На лавочке, как когда-то, сидела странная седая парочка, - *«гусь да гагарочка»*. Она молча любовалась на веселый табунок внуков, катавшихся на магазинном самокате.

- *Ба! Деда! Смотрите!* – кричали эти четверо, разбрызгивая молодую энергию до небес.

А сверху ласково пригревало солнце, ветерок нес ароматы цветов, и все начиналось сначала...

- *Анна, как хорошо, что мы вместе,* - сказал Степан.

И Анна кивнула.

Быть как все

Семейство Скирды состояло из мужа Митяя, т.е. Дмитрия, жены Сони и трех детей. Жили они в финском доме, хотя Митяй работал всего лишь рубщиком на мясокомбинате. Соня вела хозяйство, любила мужа и поспать. Могла заснуть сидя, стоя, и на ходу, поэтому имя ей очень подходило. Митяй обожал водку и борщи. Борщи поглощал прямо из кастрюли, вытаскивая смачную кость двумя пальцами, и рыча при этом, как голодный лев. С водочкой отношения особенно наладились после рождения его третьего ребенка, дочери Дашки. Сначала – радость, а после – незаживающая рана. При корявой, неказистой внешности родителей, девчонка росла восхитительной красавицей. Вся родня как дубовая роща, ни одной березки, а тут - на тебе! Сомнения терзали душу Митяя: неужели Соня изменила ему? Сама мамаша тоже сильно недоумевала: неужели кто-то оприходовал ее во сне? А спала она крепко, не разбудишь. И Митяй запил... Вторая боль – старший сын, копия отца, такой же вахлак, но только с разными глазами. Один - черный, второй – голубой. Он получил от отца странное имя Байрон.

- *Что за имя ты придумал?* – сердилась Соня. - *Что это такое будет: Байрон Дмитриевич Скирда?*

- *Имя как имя, вполне замечательное. Как барон, ну, титул такой. Впрочем, ты не поймешь все – равно, был такой писатель хороший в Шотландии. Или в Австрии. Или музыкант.*

- *И где ты его раскопал? Отроду не слышала я такого имени?*

- *Из газеты «Правда» взял. Помнишь, курицу мне завернула, я и почитал от нечего делать. Там и написали, что этот Байрон хороший конструктор, неплохие вертолеты создает.*

Соня зевнула, и отправилась спать: какая разница, кто такой Байрон? Сын уже ходит с этим именем.

Сын рос, обвешанный комплексами, как елка - игрушками. Ему не нравилось имя категорически, как и то, что он разноглазый. На улице его дразнили абсолютно все, включая приятелей. Приходилось пускать в ход кулаки. Даже родная сестра не отставала от обидчиков:

- *Не Байрон, а баран! Левый глазик прячь в карман!*

Приходилось мстить красавице сестре, отвечая ей по – простецки, но мстительно:

- *Дашка - какашка поймала букашку!*

За свой недостаток Байрон винил родителей, не слушался, хулиганил. В пять лет уехал на товарняке до Новосибирска. Его вернули домой, упирающегося, и кусающегося, в злых соплях и слезах. Хотел утвердить себя, чтобы уважали, но как? Научился скрывать разноглазость, привык смотреть вниз, опустив пухлое веко, либо прищуривал то один, то другой глаз.

Школа – это отдельная опера, учился плохо, на твердое «три», при большом скоплении двоек. Дразнилок избивал, уроки пропускал, косые взгляды не прощал. Как-то физичка поставила в одну клетку четыре двойки: за незнание урока, грубость, хамство, и плевок под ноги. Байрон выкрал журнал и сжег его. Невзлюбил Байрона и физрук. Тогда подросток написал на листке бумаге - «Я – дурак!» - и незаметно прикрепил на спину учителя. Хулигана привели к директору, тот не растерялся и широко выкатил глаза: директор оторопел и выгнал мальчишку вон!

Пришла пора служить в армии. Военком заявил: *«Ты со своими глазами почти инвалид, будешь позорить Вооруженные силы. Выбирай альтернативку!»* Байрон организовывал себе диарею и месяцами валялся в госпитале, где познакомился с медсестрой Зоей. Зое было плевать на цвет глаз, а имя ей понравилось:

- *Байрон,* - сказала она задумчиво, - *это такой красивый поэт, с нежной душой. Как ты, мой зайчик!*

Пышным цветом на такой комплиментарной почве расцвела Любовь – Морковь. Оба глазом не успели моргнуть, а уже поженились.

- *Тожэ мне имечко: Зоя,* - выразила мать неудовольствие новоиспеченной невестой. – *Как у доярки в колхозе.*

- *Что вы понимаете в именах?* – возразила та, - *Зоей была умница – императрица в Византии.*

- *Эвон что? Когда это было? Теперь не модно.*

Байрон любил Зою и поначалу старался быть добытчиком: добыл квартиру, купил диплом и работал мелким начальником. Детей не хотел, боялся, что пойдут в него - разноглазые...

Дома бывал редко, занимался фарцовкой и купи – продай. В результате редких любовных контактов родился сынок, которого папаша по странному импульсу тоже назвал Байроном. *«Пусть будет два Байрона, чтобы люди удивлялись,* - думал». Но младший *«красивый поэт с нежной душой»* рос слабым, плаксивым, вечно сопливым.

«Какой ребенок от меня вышел противный» - думал отец. Зоя обижалась. Между тем, людей объединяет успех, а не обида. Незаметно улетучилась любовь, вчера была, а сегодня – нет её. Зоя развелась и уехала к родителям. Байрон облегченно вздохнул: *«Баба с возу – кобыле легче!»*

Только теперь он понял, что надо подтвердить себя деньгами. Появилась новая любовь, и мужчина стал усиленно копить деньги. Он начал их копить как самоцель и идею, ради которой стоило жить. При деньгах его недостатки могли стать достоинствами. Деньги – это свобода выбора, это как борьба для Спартака. За них не жалко и умереть, размышлял Байрон: *«А что, если в Париж? Или Лондон? С таким именем сойду там за своего...»*

Но случился МММ, поглотивший и деньги, и надежды.

Байрон духом не упал - все началось сначала; поездки по стране с целью купить подешевле, а продать подороже. Попадал в переделки, дрался, в него стреляли.

- *Ты, сынок, хорошо не кончишь,* - предупреждала заспанная мать, - *уймись, верни Зою и живи, как все!*

- *Ма, я не курю, не выпиваю, чего тебе надо? Зоя уже вышла замуж, и родила, так что поздно возвращать бывшую мою.*

- *Ты крепко рискуешь, сынок, бандиты убьют тебя! Вот, бери пример с друга своего Вадика: хорошо живет, при костюмчике всегда, на машине и при денежках, и никакого криминала...*

- *Спасибо, что напомнила, ма, заеду к нему, - друзей надо беречь!*

А у Вадика - Наташка, бывшая пассия, эх, горячая была связь, но кратковременная. Теперь, значит, с Вадей живет. Она лепила пельмени, Байрону обрадовалась. Цветущая такая бабец, и «поэт» не выдержал: схватил в охапку и завалил на диван. Как на грех, заявился хозяин:

- *Пошел вон, разноглазый,* - взвизгнул фальцетом, - *чтобы ноги твоей не было.*

Для Байрона оскорбительней ничего прозвучать не смогло, он выбил Вадьке зуб, затем вышиб дверь, и скатился на улицу.

И снова кинулся добывать деньги, теперь замаячил Израиль. Копил доллары, набирал деньги в долг под будущие товары. В московском аэропорту рэкетеры дочиста ограбили бедолагу. Прощай, Израиль! – Отправился в Среднюю Азию. В очередной драке Байрону выбили голубой глаз, пришлось вставить стеклянный протез, и вернуться домой.

И, странное дело: куда-то исчез внутренний авантюрный огонек, когда на мир стали глядеть два одинаковых глаза черного цвета. Он стал как все, наш Байрон, серым пыльным обывателем, без изюминки и внутреннего надрыва. Не найдя в себе ни на йоту прежнего заводного духа, Байрон махнул рукой и пошел устраиваться на стеклоплавильный завод.

- Буду как все, - решил, - работагой.

- Ну и правильно, - сказала мать удовлетворенно, - нечего носиться по стране. Лучше, сынок поспать: и заботы мимо, и организму приятно.

33 несчастья

Шураню с детства прозвали «33 несчастья». Бывает же такое?! – Бывает! В три годика он пятился назад, и сел нечаянно на горящую электроплитку, пока его глуховатая бабка управлялась во дворе с птицей, и не присматривала за мальцом. Криков тоже не слышала. Попка зажила, но покрылась рубцами. Бабка оправдывалась; дескать, кто наш тыл видит? Никто! И так сойдет, живой же ребенок!

В 6 лет Шураня чуть не утонул, но чужая тетка вытащила его из болотца за волосы.

- Вот и хорошо, что волосья вовремя не остригли, глян, и спасся! - заметила мамаша стоически.

В 10 лет дружок выстрелил иголкой прямо в глаз Шуране, хорошо хоть, мать была дома и вызвала «Скорую».

- Эх ты, сынок, бедолага, вечно с тобой что-нибудь да случится, невезучий ты какой-то...

В школе Шураня учился на тройки, но по математике – лучший, что было странно, и мать смеялась по этому поводу: «Это потому, что зад в 3 года прижег, вот весь ум к голове и притек!»

Мальчишке понравилась в школе глупая девчонка, он ей решал задачки и подсказывал решения на контрольных. Классная учительница за это вlepила неуд за четверть. Любовь как рукой сняло, и математический дар испарился бесследно.

Потом пацана искусала собака, розовые шрамы пролегли по лбу, носу и спустились к губе.

- Ну, теперь ты индеец Джо Рваная Ноздря, - саркастически подытожила мать. Она была интровертом, крепкий орешек, и воспринимала сына как боевую единицу в этом бушующем человеческом мире, без особых сантиментов. – И кто тебя теперь полюбит такого, с рваной жопой и шрамами на лице?

- Ты, мама, будешь любить всегда.

- Я-то, да! Но ведь придет время, ты захочешь жениться.

- Никогда! Ну их, этих девчонок, одни неприятности, да и всё!

Пошел в армию, на срочную. Мать беспокоилась, как бы нечаянно не выстрелил сам в себя, но Александра взяли помощником повара. Опять сплеховал: заложил в офицерскую кастрюлю непотрошеную курицу и сел на гауптвахту. Оправдывался, что отродясь не готовили дома кур.

- Ну да, ври мне тут, - заметил старший офицер негодуя, - деликатес нашли, не водится он в ваших краях... Что же вы там едите? Мясо анаконды? У-у-у, морда рваная...

Потом Шураня опрокинул на себя кипяток, и ноги хорошенько так обварил. Казарма сочувственно взирала на ожоги. Даже деды солдатика не били, решили, что малахольный:

- Только руки марать, - сплюнул один. – Пусть живет.

После армии женился-таки, взял в жены бывшую одноклассницу, носатую рыжую Тамарку. Здоровую, под потолок, с рыжей щеточкой усов под носом.

- Мой фюрер, - говорил ей ласково Шураня, - пригни башку, поцелую!

Тамарка родила сына Владика. Когда ребенок подрос, папаша начал подбрасывать его вверх, чуть не убил об матицу. И больше его к ребенку не подпускали.

Работал дорожным рабочим, там с лопатой особо не посачкуешь. Но все-равно, как-то в обеденный перерыв, когда бригада дремала в тенёчке, Шураня от скуки решил завести каток. Завел успешно, да, а остановить не смог. Каток съехал в овраг и утонул в глубокой грязи.

- 33 несчастья! – страшно ругался и махал руками бригадир, и, конечно, уволил тут же.

- Что с тобой делать, сынок? Все у тебя не по-людски. Маленько думай головой, не пакости, - печально сказала мать. - Ты уже давно вырос из «Шурани», ты – Александр, победитель! Победи в себе придурка, прошу.

- Пойду в грузчики на склад, - апатично отреагировал на эту тираду Сашка, - там безопасно, и катков нет.

- Иди, иди, зарабатывай, пока я вашего сына содержу.

- Тамарка же работает...

- Работает. Это ты правильно заметил. А не ты разве должен семью содержать?

Июнь выдался замечательный: тихий, ласковый, настоящий травень, весь в цветах.

- Шураня, поезжай к дяде Павлу, он мед качает, поможешь, там и клубники наберешь для Владика.

Вернулся в тот же день, запоздно. Мать узнала родную кровинку по голосу: «Что с тобой стряслось, сынок?! Лицо как подушка, даже не признать тебя. С медведем не разминулся?»

- Что, что, рой ловили с дядькой, покусали пчелы.

- Надо было шляпу с сеткой надеть.

- Они её сняли, шляпу-то.. Много их было, ма... Сама бы съездила, вечно меня на всякие опасные мероприятия посылаешь, ведь знаешь же, что я невезучий?!

- Ладно, а с работой что?

- Пока нормально. Только ящик со стеклом уронил, вычтут из зарплаты.

И вся эта демоническая спираль, с бедами, происшествиями и несчастьями, так и преследовала «победителя» Сашка-Шураню, и тащила вниз, предлагая каждый день что-то новое. То кирпич на ногу, то бревно на спину, то он отравился квасом, да так, что две недели провалялся дома. А потом встал на ноги, как опять незадача - пропал свет в доме. Ну, как без него? Холодильник заглох, а лето, жара.

- Наверное, замкнуло где-то, - стонала мать, - а-а-а! пропадут продукты!

Шураня проверил дома сеть, все нормально, тогда полез на столб, взяв у соседа когти, а там наверху так долбануло, что свалился мигом на землю, и голову расшиб до крови, прямо как в детской загадке: «С когтями, но не птица, летит, и матерится! Угадай, кто такой?»

Но ничего, встал, пошатываясь, и поковылял домой. Попросил у Тamarки воды прохладной, да лоб замотать. А на следующий день отправился на работу, как ни в чем не бывало. И более ничего не ронял, не калечился, и не дурковал. Не прибавлял себе шрамов. Стал серьезный и задумчивый. Кроме того, попросил мать взять ему в районной библиотеке учебник с задачками:

- Хочу интегралы порешать, - сказал Шураня. – Посложнее там подбери мне.

- Вот тебе и навернулся со столба, - задумчиво прокомментировала мать ситуацию, глядя на Тamarку. – Это надо же, всё в голове утряслось! Шураня мой Индеец Рваная Ноздря наконец стал человеком! - А вслух крикнула – Иди, покушай котлеток с редисочкой, сынок! Конечно, принесу тебе задачки, умница моя, Энштейн мой непревзойденный!

Когда заканчивается Рай земной?

- Варвара, расскажите про своих соседей, Ангелину Алексеевну и ее мужа Михалыча, - попросила корреспондентка местной газеты «Сплетни у плетня», - они, думаю, стоят того.

Девушка была неопытной, и задание было первым, но что делать? Надо было показать себя, редактор возлагал большие надежды на этот материал.

- Ты, Маруся, потормоши соседей-то, может, что красочное вспомнят. У нас подписчики отваливаются, все переходят в интернет.

- А что могут рассказать соседи о фермерах? – удивилась Маруся. – О гастролях в унавоженный коровник? Рано утром, часиков в четыре утра... Скажете тоже!

- Ты уж постарайся, - вздохнул редактор, - на тебя вся надежда. Ты же столичная барышня, учили тебя как сенсации стряпать, разве нет?

- Подробностей не знаю, а в целом выложу, как есть, - неторопливо и старательно вела речь Варвара для прессы, - родились и выросли они в Красноярском крае, оба с 1930 года. Геля, как мы её зовём, выучилась на агронома, но на 1 курсе, правда, уже выскочила замуж, потому что парни просто проходу не давали. Родила один за другим троих детей, сына Сашку и двух дочерей. А куда потом девался этот муж, я не знаю. Умная оказалась агрономша, назначили её главной. Мужики липли, как мухи, но она держала себя строго. На беду или счастье, появился в конторе новоиспеченный ветврач, высокий и симпатичный, Михалыч. Такой обстоятельный, его лет с 15-ти стали так называть, по отцу, с уважением. Сильно ему понравилась Геля, стал ухаживать.

- Он что, холостяк был? – спросила пресса.

- Не, был женат, но развелся, жена родить не смогла.

- А тут трое ребятишек, да?

- Похоже, милая, он о привесках не думал, Геля свела его с ума. В общем, долго оборону она выдержать не смогла, и они поженились. Геля потом говорила, что одно время Михалыч сильно ее ревновал, потому что она баба умная, красивая, начальник, а он кто? Но потом пообвык, родили совместного сына Федю. А жизнь шла, ситуация в стране менялась.

Старший Гелин сын Сашка служил в Иваново, там и женился, а домик купил в лесах, в умирающей деревне. Выполнял мелкие заказы; кому – крыльцо, кому – клетки для кроликов сколотить, а жена работала на почте. Сестры повыходили замуж, осели в Москве, даже жили в одном и том же человечнике, рядышком, как пчелы в сотах. А вот совместный сынок Фёдор от таких прекрасных людей случился с каким-то ущербным геном, - а гены пальцем не размажешь, - и рано залетел в тюрюгу, лет в 15. Сразу пятерку ему влепили. Сводный брат Саша позвал брата после отсидки к себе:

- Купи коров, - говорит, - денег я займу, будешь фермером! Смотри, сколько пустых земель, бывших полей, - раздолье! Купим пустое здание за копейки, вызовем родителей, они уже старики и одни там, и будем общинкой ковыряться на земле и со скотом.

- Дело говоришь, брат, - согласился Фёдор, - так и сделаю. Мне тоже меньше соблазнов будет, что-то на нары не хочется более.

- А за что сидел? – живо поинтересовалась Маруся, активно черкавшая в блокноте, потому что телефон в этой глуши не ловил и записывать беседу не мог.

- А я не знаю, дочка, - ответствовала Варвара. – Думаю, ограбил кого-то разбойнически, есть у него в глазах что-то такое, бешеное. Но ты не пиши! Информация непроверенная! Так я продолжаю: а в деревне то всего 6 домов со стариками, а вокруг одни леса глаз радуют. Зверя нет, весь давно выбит, но бобра полно, носится, хвост задрав. Отремонтировали братья дом, перевезли родителей, тем все очень понравилось: есть ягоды, грибы, травы целебные на ветру колышутся. У Феди их стадо 40 голов, как-то быстро расплодилось. Молоко на продажу, остальное - свинкам. Михалыч освоил дойку аппаратом, стал помогать сыну то. Огород Геля вела по научному, все в нем было, даже сортовой картофель, айва и виноград, диво дивное для нашей местности! Федя старательно работал: косил сено на продажу, навоз продавал, дрова, молоко, сметану, масло и мясо, конечно. Денег хватало, у родителей еще и две хорошие пенсии. Купили 2 машины, 2 трактора и мотоблок. Михалыч лихо раскатывал на иномарке. С виду не скажешь, что старик, - скорее, статный седовласый мужчина «в возрасте». Ангелина тоже не опустила: ходила на каблуках.

- Пусть грязь, - говорила, - а я – бабочкой!

- Это не жизнь, а пребывание в раю, - говорила Геля, и глаза ее сияли радостью. – Воздух чистый, мягкий, ароматный от трав и хвойников, – не надыхнешься. Тишина и красота! Живи 100 лет, и то мало будет!

Купила третью машину, про запас, потом семья наняла работника, ежедневно топилась баня для теплой воды. На еду приговаривался то теленок, то свиненок, то индюк, то петушок молодой. На лето приезжали дочери с внуками, а место в огромном доме всем хватало, купались в недалекой речке, и жарили шашлыки, а запаа-а-ахи!

- Мама, - говорила старшая дочка, - *вы прямо живете в раю, и еда натуральная, никаких забот, волнений, властей. Безлюдье, и красота какая!*

Деятельная натура Михалыча не позволяла засиживаться: он следил за стадом, подкупал приглянувшихся телят, лечил, поил, доил, следил, чтобы сын вовремя скашивал траву. Отвозил клиентам молоко.

- Варвара, - говорила мне Геля, - *мы живем в раю, веришь? Но ведь рай на небе.*

- *А вот и на земле есть,* - я смеялась, - *присмотрись: вот он!*

Гелю и Михалыча будто время не касалось: уже за 80, а все такие же деятельные, молодежавые, старше 60 не выглядели, и себя не жалели, планов настроили громадые. И новую печь надо соорудить, и племенных телок закупить, и построить новый баз, потому что скотины все больше, и больше.

И тут никогда не болевшая Геля схватилась за сердце, - Федя отвез в больницу, - и умерла. На 9-й день собрались на поминки, как скончался мгновенно Михалыч. Федя растерялся, запил и квасит по сегодняшний день.... Вот так – то, девонька.

- *Как же это?* – растерялась журналистка, – *какой грустный конец.*

- Обычный, - отрезала Варвара. – *В послании Иакова сказано, что мы не знаем, что будет завтра, ибо, что такое жизнь наша? Пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий. Вместо того, чтобы строить планы, надо говорить: «Если угодно будет Господу, и живы будем, то сделаем то или другое», поняла, доченька? Или ты язычница?*

- *Я ношу крестик,* - сказала Маруся и вытянула цепочку из декольте, - *вот. Но посланий не знаю, и молюсь редко. Мне некогда, тетя Варя. Непонятно, зачем меня шеф сюда послал? Какой ему интерес в этой истории?*

- *Так Геля с Михалычем завещания не оставили, а хозяйство большое. Пока Федор пьет, его растащат, даже не сомневайся, девонька. Тем более, остальные дети на него не претендуют,* - у них все есть.

- *Как все это печально,* - искренно расстроилась Маша.

- *Пустое,* - ответила деревенская женщина. – *Время разбрасывать камни, и время собирать. Экклезиаст, Соломон написал.*

- *Я прочитаю,* - пообещала девушка, - *до свидания!*

- *Прощайте!* – Варвара направилась к дому. Внукам обещаны оладьи, и коза не доена... Хорошо бы завтра успеть сделать брынзу, порадовать деда.

А какой таки день чудесный сегодня! Слава тебе, Господи!

Комментарии к альбому

Какая странная бывает жизнь... читаешь совсем коротенькие рассказы, а получаются длинные будни, в которые укладываются все «33 несчастья»... и сколько людей так живут, и не догадываются, что можно жить по-другому, или не могут, или не хотят, или не верят?

Но они так живут!!! И написано об этом столь достоверно, что сомневаться не приходится. Получается, что есть такая жизнь, о которой ты ничего не знаешь. Хотя нет, есть абстрактное знание, которое звучит как эпитафия к этой жизни:

«Сидит мужик за столом в печали, жена бросила, с работы выгнали, с друзьями разругался, ну что делать? Только вешаться. Привязал веревку к люстре, всунул голову... смотрит, а на шкафу, забытый шкалик стоит и хабарик лежит. Выпил, закурил и думает, а жизнь-то налаживается!»

Вот и последняя фраза сборника из рассказа «Когда заканчивается Рай земной?»:

А какой таки день чудесный сегодня! Слава тебе, Господи!

Ирина Кирсанова

© eva-and-co.ru

Творческая Лаборатория «Слово и Образ»